

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1901.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Отъ Редаціи журнала „Вѣра и Разумъ“ . . . . . 363—366

Рѣчь, о гордости вообще и современной въ особенности. *Пресвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго.* . . . . . 367—386

Памяти въ Бозѣ почившаго Архіепископа Амвросія. Слово *Пресвященнаго Иннокентія, Епископа Сумскаго.* . . . . . 387—396

Послѣдніе дни жизни Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, его кончина, перенесеніе тѣла изъ „Всѣхсвятскаго“ въ Харьковскій Кафедральный Соборъ, отпѣваніе его и погребеніе. *Леонида Вагренцова.* 397—442

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Вопросъ о происхожденіи и сущности философіи по сочиненіямъ Вл. С. Соловьева. *Ив. Сперанскаго.* . . . . . 203—216

Религіозно-философскія воззрѣнія Сквороды (продолженіе). *М. Красюна.* 217—236

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшія награды.—Высочайшая отгѣтка.—Правила о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ попечительствами о народной трезвости.—Педагогическіе курсы для учителей церковныхъ школъ Харьковской и Сумской епархій въ г. Харьковѣ въ 1901 году (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1901.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдельные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Цапство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Сентября 1901 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Отъ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

Печатая въ настоящей книжкѣ нашего журнала послѣднюю и, такъ сказать, посмертную „Рѣчь“ Преосвященнѣйшаго Амвросія: „О гордости вообще и въ особенности о гордости современной“, мы считаемъ необходимымъ предпослать ей нѣсколько предварительныхъ словъ съ своей стороны. И прежде всего, мы глубоко сожалѣемъ о томъ, что можемъ напечатать ее лишь въ неполномъ и неоконченномъ видѣ. Въ духѣ, въ ясномъ созваніи почившаго Владыки, она была вполне закончена и опредѣлена. Еще за нѣсколько дней до своей смерти, когда жизненная энергія его, казалось, сосредоточивалась только въ творческомъ процессѣ его мысли, но уже при постепенномъ и быстромъ упадкѣ его физическихъ силъ, онъ высказывалъ содержаніе и послѣдовательный ходъ мыслей своей рѣчи лицамъ, съ которыми любилъ дѣлиться своими литературными планами и предположеніями. Этою рѣчью, судя по намѣреніямъ и предположеніямъ его, онъ хотѣлъ подвести итогъ цѣлому ряду своихъ предшествовавшихъ рѣчей,—хотѣлъ показать главный нравственный недугъ, которымъ болѣетъ современное намъ образованное общество, по крайней мѣрѣ, въ значительной своей части и изъ котораго истекаютъ всѣ другіе пороки.—Планъ его рѣчи былъ многосторонень и обширенъ. Послѣ классическаго опредѣленія гордости вообще, онъ хотѣлъ показать гибельныя проявленія этого порока въ жизни національной, общественной, словесной, научной и, наконецъ, частной или индивидуальной. Но Владыка писалъ и трудился уже въ предсмертной *немощи плоти* (1 Кор. гл. 2, ст. 3). А потому вполне изложить сво-

ихъ мыслей на бумагѣ онъ не успѣлъ или лучше—не могъ, такъ какъ это требовало отъ него крайняго напряженія его потухавшихъ уже физическихъ силъ и замедлялось ежедневными занятіями по управленію епархіею. Онъ отдалъ переписать на-бѣло лишь начало своей рѣчи, доведенное имъ до законченнаго и полнаго опредѣленія предмета рѣчи и до установленія основныхъ точекъ дѣленія ея. Что же касается остальныхъ частей этой рѣчи и послѣдовательнаго хода развитія ихъ, то въ бумагахъ Владыки, оставшихся послѣ его смерти, найдены только черновые наброски плана ихъ, отрывочныя сужденія и мысли, небольшія замѣтки и краткія выраженія по избранному предмету, трудно сводимыя къ гармоническому единству, и оставшіяся ясными только для яснаго сознанія почившаго Владыки. Трудъ этотъ однакоже, насколько это возможно было, судя по краткимъ вариантамъ и записямъ Владыки, принялъ на себя уважаемый профессоръ Харьковскаго Университета, о. Протоіерей Т. И. Буткевичъ, который всегда пользовался особеннымъ расположеніемъ и особенною любовію почившаго Архіепископа, и у котораго между прочимъ хранятся и всѣ краткія записи и замѣтки его по предмету этой рѣчи. По необходимости поэтому и мы печатаемъ изъ его рѣчи только то, что имѣетъ полный, законченный и цѣльный видъ, судя по собственно-ручнымъ записямъ почившаго Архипастыря, но печатаемъ не только въ томъ видѣ, въ какомъ рѣчь эта прочитана была въ актовомъ залѣ воспитанниковъ мѣстной семинаріи, въ день храмоваго праздника ихъ 26 сентября, но сохраняемъ и его собственноручные варианты, записи и краткія замѣтки, какъ они воспроизведены уважаемымъ о. Профессоромъ, и поскольку содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе полную и законченную мысль, хотя и въ отрывочномъ видѣ. Этимъ рѣшено было почтить память глубокочтимаго Архипастыря въ мѣстной семинаріи.

Думаемъ, что этимъ же мы благоговѣйно исполняемъ послѣднюю волю почившаго Владыки. Онъ самъ приготовлялъ свою рѣчь къ этому дню и затѣмъ выражалъ желаніе отдать ее для прочтенія въ актовомъ залѣ семинаріи, въ присутствіи всѣхъ

семинарскихъ воспитанниковъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ неоднократно излагалъ свои наставленія и поученія въ новой, принятой имъ и развитой формѣ, въ формѣ рѣчей, и свои поученія въ этой формѣ обыкновенно отдавалъ для прочтенія въ томъ или другомъ подвѣдомственномъ ему учебномъ заведеніи, иногда даже безъ своего личнаго присутствія при чтеніи. Эти рѣчи, занимавшія у него средину между проповѣдническимъ словомъ и обыкновенною ораторскою рѣчью, наиболѣе соотвѣтствовали его богословско-философскому направленію мысли и давали ему возможность разсматривать избранный имъ предметъ съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ почему либо не принято или неудобно было разсматривать его съ церковной кафедры; но онъ всегда печаталъ ихъ за тѣмъ въ нашемъ журналѣ, равно какъ и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ какъ свѣтскихъ, такъ и въ синодальномъ органѣ печати. Своимъ всестороннимъ раскрытіемъ того или другого предмета рѣчи, своими глубокими мыслями и свѣтлыми чувствами, онъ хотѣлъ такимъ образомъ прежде всего подѣлиться съ молодымъ поколѣніемъ, предъ нимъ изливалъ свою душу, его прежде всего старался направить на надлежащій путь жизни, или предохранить отъ опасныхъ увлеченій. Это принятое имъ обыкновеніе было свято сохранено и теперь. И теперь, въ день храмового праздника въ мѣстной семинаріи, всѣ присутствовавшіе на этомъ праздникѣ вмѣстѣ съ семинарскими воспитанниками, еще разъ услышали послѣднюю и какъ-бы загробную рѣчь того Архипастыря, котораго всѣ такъ горячо и искренно любили и почитали, и который, какъ мы уповаемъ, стоитъ теперь предъ престоломъ Божественной Славы.—Печально проведенъ былъ этотъ храмовой праздникъ. Теперь не было уже Владыки въ томъ заведеніи, гдѣ въ теченіе продолжительнаго времени святительствовапія въ Харьковской епархіи, его всегда встрѣчали и провожали съ почтительною любовью и искреннимъ уваженіемъ, гдѣ онъ самъ имѣлъ обыкновеніе встрѣчать этотъ богословскій праздникъ и гдѣ любилъ преподавать присутствовавшимъ свои наставленія, ободренія и поощренія. На этомъ богословскомъ праздникѣ уже не было

того, кто самъ былъ выдающимся представителемъ богословской мысли и кто такъ много содѣйствовалъ богословско-философскому развитію въ нашемъ отечествѣ. Но все же горечь разлуки съ нимъ до нѣкоторой степени смягчалась чтеніемъ послѣдней его рѣчи, живыми воспоминавіями о немъ и наконецъ прекраснымъ словомъ Преосвященнаго Иннокентія, всецѣло посвященнымъ благодарному воспоминанію о почившемъ Архипастырѣ и живо воскресившимъ въ памяти слушателей благородный образъ почившаго. Это слово, съ благосклоннаго соизволенія Преосвященнаго, мы тоже печатаемъ въ настоящей книжкѣ нашего журнала.

Редакція.

РѢЧЬ¹⁾

Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго.

О гордости вообще и современной въ особенности.

Начало гордости—удаленіе человека отъ Господа и отступленіе сердца его отъ Творца его (Свр. 10, 14).

Гордость, какъ ожерелье, обложима иго, и дерзость, какъ нарядъ, одъваетъ иго (Пс. 72, 8).

Извѣстно изъ исторіи рода человѣческаго, что въ немъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ были безчисленные и разнообразныя преступленія и пороки, съ тѣмъ только различіемъ, что въ одни времена наиболѣе проявлялись одни пороки, въ другія—иные. Слово Божіе изображаетъ кратко это печальное положеніе человѣчества: *міръ во злѣ лежитъ* (1 Іоан. 5, 19) т. е. онъ подавленъ зломъ и не имѣетъ средствъ и собственныхъ силъ, чтобы подняться и освободиться отъ него.

Та же исторія свидѣтельствуетъ, что вездѣ, и въ народахъ языческихъ, были служители разнаго рода религій, и люди имѣвшіе особое призваніе, какъ на примѣръ философы, которые понимали бѣдственное

---

¹⁾ Произнесена въ актовомъ залѣ Харьковской Духовной Семинаріи 26-го сентября 1901 года.

положеніе человѣчества и старались, сколько могли, облегчить его, изобличая пороки и указывая пути добродѣтели. Самая же могущественная божественная сила для возрожденія и спасенія человѣчества отъ зла и гибели, какъ извѣстно, по особому промысленію Божію, во всѣ времена съ большею, или меньшею ясностію проявлялась въ Богооткровенной религіи. Съ совершенною же полнотою и дѣйственностію слово Божіе, просвѣщающее человѣчество и благодатная сила, исцѣляющая его нравственные недуги, какъ свѣтъ и жизнь, низошли съ неба на землю въ лицѣ воплощеннаго Сына Божія Іисуса Христа и доселѣ спасительно дѣйствуетъ въ учрежденной Имъ Церкви.

Казалось бы, что намъ, христіанамъ, унаслѣдовавшимъ отъ вѣковъ древнихъ сокровища истины и средства спасенія отъ зла, нѣтъ причинъ отдаваться добровольно во власть зла и пороковъ и страдать отъ нихъ, но та же исторія засвидѣтельствуетъ въ послѣдствіи о нашемъ времени, какъ наиболѣе обладающемъ средствами просвѣщенія и въ то же время, какъ особенно ознаменовавшемъ себя крайнимъ размноженіемъ всяческихъ преступленій и пороковъ.

Врачи знаютъ, какое множество болѣзней издавна обременяетъ родъ человѣческій и удивляются появленію съ каждымъ вѣкомъ новыхъ. Точно также и наблюдатели нравственнаго состоянія человѣчества знаютъ, какое неисчислимое множество грѣховъ, преступленій и пороковъ гнѣздится въ человѣчествѣ и какъ они съ теченіемъ времени еще и умножаются и разнообразятся. И тѣ и другіе ищутъ начала и причины этого вдвойнѣ бѣдственнаго состоянія человѣчества. Но знаетъ истинную причину его только Божественное Откровеніе и съ дивною простотою и ясностію указало ее намъ въ изображеніи паденія нашихъ прародителей.

Тамъ мы видимъ, что причиною грѣхопаденія нашего въ лицѣ прародителей было нарушеніе заповѣди Божіей, а побужденіемъ къ противленію волѣ Божіей была *гордость*. „Начало грѣха—гордость“, говоритъ учитель ветхозавѣтной церкви, и „обладаемый ею изрыгаетъ мерзость“ (Сир. 10; 14, 15).

Итакъ, гордость во всѣ времена была основаніемъ и движущею силою всѣхъ пороковъ человѣческихъ, какъ бы они ни были, повидимому, не похожи на нее и далеки отъ нея. Эта мысль покажется странною нашимъ свободнымъ мыслителямъ, отвергающимъ ученіе вѣры о первородномъ грѣхѣ и о гордости, какъ причинѣ нашего грѣхопаденія; но люди вѣрующіе и нынѣ, какъ всегда принимаютъ это ученіе за несомнѣнную истину, а въ нашей современной жизни усматриваютъ и новые, никогда доселѣ невиданныя, опыты ее подтверждающіе.

Чтобы яснѣе и убѣдительнѣе представить преобладаніе гордости среди множества современныхъ заблужденій и пороковъ, мы —

I. изложимъ христіанское ученіе о самой гордости, ея свойствахъ и значеніи въ нравственной жизни, и потомъ —

II, представимъ по истинѣ поразительные факты ея преобладанія во всѣхъ порокахъ нашего времени во всемъ христіанскомъ мірѣ и, конечно, также и въ нашемъ отечествѣ.

I.

Что такое гордость по ученію христіанскому?

Гордость есть ложное понятіе и преувеличенное представленіе человѣка о себѣ, своихъ способностяхъ и достоинствахъ, соединенное съ самодовольствомъ и услажденіемъ сердца, дающаго согласное съ этимъ расположеніемъ его духа направленіе воли.

Печальна исторія водворенія и распространенія гордости въ грѣшномъ родѣ человѣческомъ, представляемая намъ Священнымъ Писаніемъ. „Начало гордости, говоритъ оно, есть удаленіе человѣка отъ Господа и отступленіе сердца его отъ Творца его“ (Сир. 10, 14). Это изреченіе объясняетъ намъ тайну происхожденія гордости. Не на землѣ родилась она, а въ высшихъ сферахъ безплотныхъ духовъ. Иисусъ Христосъ сказалъ: *видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадша* (Лук. 10, 18). Св. Апостоль Іуда объясняетъ, что не одинъ сатана палъ, но и множество подчиненныхъ ему духовъ. „Богъ, говоритъ онъ, ангеловъ не сохранившихъ своего достоинства, но оставившихъ свое жилище соблюдаетъ въ узахъ, подъ мракомъ, на судъ великаго дня“ (Іуд. 1, 6). Какъ могъ возгордиться сатана, стоявшій на верху славы и блаженства и возстать противъ Создателя своего? Что значить, что онъ и подчиненные ему духи „не сохранили своего достоинства“, или своего высокаго положенія? Это только и можно объяснить тѣмъ, что сердца ихъ отступили отъ Творца и благодѣтеля ихъ. *Бога никтоже видѣ, нигдѣже*, говоритъ св. евангелистъ Іоаннъ (1, 12). И духи безплотные были осіяваемы славою Божіею, получали отъ Бога озареніе и просвѣщеніе, но не могли видѣть Его Самого и понять свое ничтожество предъ Нимъ. Дарованныя же имъ силы, совершенства и блаженство должны были питать въ нихъ чувства благоговѣнія, благодарности и любви къ Богу; но, залюбовавшись на себя и не видя необъятнаго разстоянія, отдѣлявшаго ихъ отъ безконечно совершеннаго Бога, они впали въ превозношеніе ума и самообольщеніе и возмечтали сами, безъ помощи Творца, восходить къ безконечному совершенству. Десница Божія, державшая ихъ на высотѣ блаженства, за это

возмущеніе была отнята отъ нихъ, и они пали въ безъисходную бездну мрака и отчаянія. Что же держитъ ихъ въ этомъ состояніи, когда они знаютъ ожидающей ихъ судъ Божій и свою вѣчную погибель (Іуд. 1. 6)? Ожесточеніе гордости. Какъ же они дерзаютъ доселѣ не только противиться Богу, но и оскорблять Его, увлекаая и людей къ гибели? Озлобленіе гордости побуждаетъ ихъ, если не побѣдитъ Всемогущаго, то хотя бы досадить Ему. Гордецамъ и изъ рода человѣческаго извѣстно это злое чувство. Такимъ образомъ Слово Божіе помогаетъ намъ понять и непрекращающуюся исторію зараженія гордостью человѣка.

Человѣкъ одаренъ отъ Творца своего столь великими духовными способностями и силами, что и самъ онъ надлежащимъ образомъ не понимаетъ ихъ. Это прекрасно объясняютъ намъ древніе подвижники. Богъ, говорятъ они, предназначивъ человечеству занять высокое мѣсто падшихъ духовъ, что видимъ мы въ прославленіи святыхъ,—по особому Своему смотрѣнію, облекъ души человѣческія плотію, чтобы они, смотря на себя, при восхожденіи къ совершенству, не возгордились, а разстроенныя грѣхомъ не ужаснулись своего крушенія и искаженія и не отчаялись въ себѣ. Охраною и ихъ отъ превозношенія и самообольщенія должны были служить благодарность и любовь къ Создателю и стремленіе къ Нему, прилѣпленіе къ Нему вѣрою, молитвою и исполненіемъ Его воли. То же отторженіе сердца отъ Бога повергло и прародителей нашихъ въ горделивость ума и самонадѣянность. Змій искушитель, какъ мы знаемъ, польстилъ имъ обѣщаніями: „въ день, въ который вы вкусите отъ запрещенныхъ плодовъ, откроются глаза ваши и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло“. Обольщеніе горде-

ливою мыслью о богоподобномъ совершенствѣ измѣнило взглядъ Евы на запрещенные плоды, на которые прежде она смотрѣла хладнокровно: „и увидѣла жена, говоритъ Писаніе, что дерево хорошо для пищи и что оно пріятно для глазъ, и вожделѣнно, потому что даетъ знаніе, и взяла плодъ его, и ѣла, и дала также мужу своему, и онъ ѣлъ“ (Быт. 3, 4—6).

Человѣку въ настоящемъ его состояніи не съ кѣмъ сравнить себя на землѣ: онъ выше всѣхъ земныхъ созданій и господинъ ихъ. Сравнивая себя другъ съ другомъ, люди легко находятъ свое превосходство предъ другими и въ самообольщеніи ставятъ себя даже выше тѣхъ, которые, по справедливому суду, имѣютъ преимущество предъ ними. Благопріятныя условія жизни: власть, богатство, почтеніе и лесть отъ людей, поставленныхъ въ зависимость отъ нихъ, увеличиваютъ ихъ самомнѣніе. Примѣровъ гордости, доходящей такимъ образомъ до омраченія ума и даже обоготворенія себя, много въ исторіи. Такъ называли себя богами и требовали себѣ божескихъ почестей—Навуходносоръ (Дан. 3), Иродъ четвертовластникъ (Дѣян. 12. 21—25) и всѣ римскіе языческіе императоры отъ Нерона до Діоклетіана включительно (императорскій культъ). Даже христіанскій епископъ, римскій папа Сикстъ IV (1471—1484), въ умопомраченіи отъ гордости, смѣялся надъ христіанскимъ нравоученіемъ и въ своемъ титулѣ приказалъ называть себя богомъ,—*Deus*.

Изъ этихъ историческихъ свидѣтельствъ видно, какое искаженіе и извращеніе въ духовной природѣ разумныхъ существъ, какъ безплотныхъ духовъ, такъ и облеченныхъ плотію душъ человѣческихъ, производитъ гордость. Исторія сохранила для насъ примѣры изумительной гордости, но гордость въ большей, или меньшей степени, всегда производила и будетъ про-

изводить во всѣхъ людяхъ, допускающихъ ей видѣться въ умы и сердца ихъ, то же самое нравственное извращеніе. Также навсегда останется истиннымъ и то, что „начало гордости есть удаленіе чловѣка отъ Господа и отступленіе сердца его отъ Творца его“.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ умахъ язычниковъ, какъ бы ни были скудны ихъ понятія о божествѣ, при одномъ естественномъ размышленіи о природѣ и Творцѣ ея, всегда устанавливалась рѣзкая черта, полагающая границу между слабостію чловѣка и могуществомъ Творца міра, что и смиряло души ихъ предъ Богомъ и питало въ нихъ чувство благоговѣнія къ Нему. Но по истинѣ удивительно, какъ превозношеніе и горделивость могутъ возникать въ духѣ христіанина, при томъ ясномъ изображеніи безконечнаго величества и совершенствъ Божіихъ въ словѣ Божіемъ и ученіи христіанскомъ, преподаваемомъ ему съ младенчества. Съ раннихъ лѣтъ, при христіанскомъ воспитаніи, въ сознаніи чловѣка устанавливается сродство его съ Богомъ и соотвѣтствіе его духовныхъ способностей съ совершенствами Творца его, по образу Котораго онъ сотворенъ: ума, дѣятельной силы, способности любить, чувства справедливости, по требованіямъ совѣсти и пр., и даже при дѣтской молитвѣ возникаетъ въ душѣ христіанина представленіе о величіи Отца небеснаго и слабости чловѣческой. При дальнѣйшемъ развитіи способностей и расширеніи круга знанія должны раскрываться и понятія о совершенствахъ Божіихъ и дѣлахъ Его промышленія о мірѣ и чловѣчествѣ. По этому за умноженіемъ и возвышеніемъ знанія, соотвѣтственно съ нимъ должно слѣдовать углубленіе нашего духа въ чувствѣ смиренія и благоговѣйнаго страха предъ Богомъ. Если присоединимъ къ этому сознаніе нашей грѣховности и умноженіе, съ продолженіемъ

жизни, нашихъ грѣхопаденій, то благоговѣйный страхъ предъ Творцомъ нашимъ долженъ перейти въ трепеть предъ судомъ Божиимъ за оскорбленіе Его величія нарушеніемъ Его заповѣдей и неблагодарностію къ Нему.

Какъ же и когда происходитъ зарожденіе гордости въ душахъ христіанъ? Какимъ образомъ, при тѣхъ средствахъ для охраненія отъ гордости, которыя даны намъ Іисусомъ христомъ, она виѣдряется въ души христіанскія?—Точно также, какъ она овладѣла падшими духами и нашими прародителями: „черезъ удаленіе чловѣка отъ Господа и отступленія сердца его отъ Творца его“. Это, какъ день, будетъ ясно для насъ, если мы вспомнимъ христіанское ученіе о воспитаніи дѣтей и посмотримъ на то пренебреженіе къ началамъ этого воспитанія, какое нынѣ повсюду распространяется въ христіанскомъ мірѣ.

Даровавъ людямъ творческую силу рожденія дѣтей, одаряемыхъ образомъ Божиимъ, и вселивъ въ сердца родителей естественную любовь къ дѣтямъ, а въ сердца дѣтей любовь къ родителямъ, Творецъ нашъ поручилъ родителямъ замѣнять Его Самого въ дѣлѣ первоначальнаго руководства нарождающихся поколѣній въ жизни по волѣ и заповѣдямъ даннымъ чловѣчеству для его духовнаго возрастанія и совершенствованія. И съ первыхъ дней жизни новорожденныхъ является живой образъ тѣхъ отношеній между ними и родителями, какой долженъ быть между Богомъ и людьми и какой былъ первоначально въ области падшихъ духовъ на небесахъ и въ раю у нашихъ прародителей. Родители, какъ мы знаемъ,—все для дѣтей: и кормильцы, и охранители, и попечители, и утѣшители. Невинныя дѣти въ младенчествѣ бросаются въ ихъ объятія, ласкаются къ нимъ, и безъ нихъ всего боятся и бѣгутъ отъ всего, что имъ чуждо и незнакомо.

Не погрѣшимъ, если скажемъ: въ родителяхъ невинныя дѣти видятъ свое божество. Вотъ всемогущая власть родителей надъ дѣтьми, вотъ та золотая нить, которая держитъ дѣтей при родителяхъ, за которую они могутъ вести дѣтей, куда пожелаютъ. Они могутъ ихъ наставлять, приказывать имъ и за проступки, по желанію имъ добра, даже наказывать ихъ съ увѣренностію, что дѣти не оставятъ ихъ за это, что любовь держитъ ихъ крѣпко при родителяхъ и охраняетъ власть надъ ними и права родительскія до зрѣлаго ихъ возраста. Въмѣстѣ съ этимъ взаимнымъ союзомъ между родителями и дѣтьми, всѣ они, и родители и дѣти,—состоятъ въ союзѣ съ Богомъ: и,—возвышаясь общею молитвою къ Создателю, проникаясь страхомъ Божиимъ, поучаясь въ познаніи и исполненіи заповѣдей Божіихъ,—составляютъ маленькое общество смиренныхъ рабовъ Божіихъ, или, по выраженію Апостола, „домашнюю церковь“ (Рим. 16. 4). Въ этомъ Богомъ охраняемомъ и просвѣщаемомъ обществѣ имя Божіе произносится съ благоговѣніемъ, всякое нескромное слово оскорбляетъ слухъ всѣхъ, всякій важный дѣтскій проступокъ составляетъ общее несчастіе. Здѣсь нѣтъ противленія родителямъ, немислимо и возстаніе противъ воли Божіей; здѣсь нѣтъ мѣста гордости.

Иную картину представляютъ семейства, гдѣ утрачены эти богоустановленныя начала воспитанія. Тамъ, гдѣ родители сами погружены въ дѣла и суеты житейскія, не вспоминаютъ о Богѣ, утративъ благоговѣніе и любовь къ Нему; гдѣ не призывается на семейство Божіе благословеніе и не приносится Ему благодареніе за Его милости и благодѣянія, тамъ власть родительская теряетъ свой священный характеръ. Разсѣянность родителей подрываетъ уваженіе къ нимъ

дѣтей; не преклоняясь предъ Богомъ и не преклоняя предъ Нимъ головы дѣтей своихъ, родители остаются съ одною человѣческою властію надъ ними, неподкрѣпляемою внутреннимъ озареніемъ сердца ихъ благодатію Божіею, и всѣ ихъ приказанія и совѣты дѣтямъ принимаютъ характеръ искусственный, лишенный чутко понимаемой дѣтьми сердечности и теплоты любви, и золотая нить, привязывающая дѣтей къ родителямъ, скоро порывается. Съ возрастомъ дѣти начинаютъ понимать пустоту домашней жизни, критиковать мелочныя приказанія родителей и сначала въ глубинѣ души, а потомъ и явно противорѣчить имъ. Дѣтское упрямство, своеволие и грубость, составляющія первыя проявленія прирожденной человѣчеству грѣховности, указываютъ на пробуждающійся корень ея—гордость. Это тотъ горькій корень, который, по слову Апостола Павла, „возникнувъ, причиняетъ вредъ и оскверненіе“ (Евр. 12, 15), а по образному выраженію закона Моисеева, „произращаетъ ядъ и полынь“ (Втор. 29, 18). Его нельзя ни задавить, ни вырвать изъ дѣтскихъ душъ наукою и умноженіемъ познаній, какъ многіе нынѣ думаютъ. Только предъ Богомъ, познавъ Его умомъ и опытомъ сердца, можетъ смириться горделивая душа человѣческая. Возникнувъ съ дѣтства и юности, гордость растетъ и усиливается во всю жизнь человѣка.

Но обратимся къ изображенію свойствъ и нравственнаго значенія гордости въ полномъ ея развитіи.

Гордость обнаруживается сначала въ области знанія, а потомъ въ области практической жизни. Ея девизъ: „я,—я самъ“. Значительно проникнувшись ею, человѣкъ отвѣчаетъ рѣзко на предлагаемый совѣтъ: „я самъ знаю“, а на предлагаемую помощь, или услугу: „я самъ сдѣлаю“. Эта самоувѣренность въ области знанія происходитъ отъ забвенія двухъ истинъ,—что

область знанія безконечна, а умъ человѣческой ограниченъ. Каждый изъ людей, даже самый даровитый и трудолюбивый, можетъ быть силенъ только въ одной отрасли научныхъ познаній и дѣйствовать въ одномъ направленіи. Направляясь во многія и различныя отрасли знанія, онъ не можетъ быть во всѣхъ равно силенъ и богатъ свѣдѣніями, а вдаваясь въ разныя направленія, онъ сбивается съ прямой дороги и впадаетъ въ противорѣчіе. Поэтому сама необходимость заставляеть мыслящаго человѣка ограничиваться тѣснымъ кругомъ знанія. И вотъ въ этомъ ограниченномъ кругу, при невниманіи ко множеству другихъ родовъ знаній и людей въ нихъ трудящихся,—и развивается гордость. Взавъ одну группу однородныхъ познаній, человѣкъ достигаетъ въ нихъ совершенства и чувствуетъ превосходство передъ людьми непосвященными въ тайны его науки, не замѣчая того, что онъ самъ можетъ оказаться слабымъ въ области другихъ наукъ и въ обществѣ другихъ ученыхъ людей. Но для человѣчества всѣ науки необходимы и полезны и всѣ дѣятели трудящіеся въ нихъ почтенны. Поэтому горделивость такъ называемыхъ спеціалистовъ, надмѣвающихся своими трудами и успѣхами въ излюбленныхъ ими наукахъ, отрицающихъ достоинства другихъ наукъ и ученыхъ и отвергающихъ ихъ указанія и совѣты, не иначе можетъ быть названа, какъ *ослабленіемъ гордости*. Это видно въ борьбѣ различныхъ научныхъ школъ, системъ и направленій, но съ особенною ясностію во всѣ вѣка обнаруживалось въ отношеніяхъ философовъ къ религіи, особенно Богооткровенной. Не познавъ достоинства и пользы религіи опытомъ съ раннихъ лѣтъ жизни, увлекаясь, по свойственной человѣку любознательности и склонности къ созерцанію самостоятельными изслѣдованіями и воззрѣніями, чувствуя съ каждымъ успѣхомъ въ мышленіи

возрастаніе своихъ силъ, философъ пріобрѣтаетъ увѣренность въ себѣ и обольщается надеждою все узнать, все рѣшить и всего достигнуть собственными силами. А религія богооткровенная требуетъ вѣры въ непреложность истинъ Богомъ преподанныхъ для усовершенствованія и счастья людей, слѣдовательно—подчиненія ихъ руководству, отреченія отъ всѣхъ идей имъ противорѣчащихъ и, такъ называемаго, послушанія вѣрѣ. Потому здѣсь съ особенною силою проявляется *противленіе Богу*, извращающее природу и назначеніе человѣка и направляющее его не къ Богу, источнику и цѣли его жизни, а въ противную сторону—къ врагамъ Божиимъ. А это и составляетъ сущность гордости.

Увлеченіе ученыхъ людей пристрастныхъ къ своей наукѣ въ область созерцанія, къ своимъ изслѣдованіямъ и выводамъ лишаетъ ихъ вниманія и правильнаго взгляда на жизнь народовъ, на ихъ историческія преданія и обычаи, имѣющіе глубокій смыслъ въ жизни человѣчества. Они съ пренебреженіемъ отворачиваются отъ такъ называемой толпы и ея понятій о жизни, съ мнѣній и сужденій. Къ несчастію, въ число этихъ народныхъ сужденій и обычаевъ нынѣ включаются преданія и обычаи христіанскіе и наравнѣ съ обычными народными суевѣріями унижаются и отрицаются, тогда какъ въ нихъ заключаются начала и основанія христіанской жизни. Отсюда происходитъ отрицаніе самой христіанской жизни и христіанства. вмѣстѣ съ этимъ отрицается и значеніе въ жизни такъ называемаго народнаго здраваго смысла, воспитаннаго вѣковыми опытами и преданіями, и посему заключающаго въ себѣ залогомъ опытами дознанной истины. Примѣръ такого пренебреженія къ здравому смыслу мы видимъ въ евангельскомъ повѣствованіи о преніяхъ слѣпорожденнаго съ фарисеями въ Синадріонѣ іудейскомъ. „Скажи, говорятъ ученые фарисеи, что человѣкъ сей (Іисусъ

Христось) грѣшенъ есть, ибо субботы не хранитъ“. — „Не знаю, говоритъ исцѣленный слѣпецъ, грѣшенъ-ли Онъ, но знаю, что Онъ отверзъ миѣ очи. Отъ вѣка неслыхано, чтобы кто отверзъ очи слѣпорожденному. Мы знаемъ, что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ, а кто Богочецъ есть и волю Его хранитъ, того послушаетъ“ (Іоан. 9: 24—32). Изъ этихъ словъ ясный выводъ, что Исцѣлитель слѣпорожденного—не грѣшникъ. Чѣмъ же отвѣчаютъ на это ученые законники?—„Во грѣхахъ ты весь родился, и ты ли насъ учишь?“ *И изгана его вонъ изъ синагоги* (34).

Примѣчаніе редакціи. Рѣчь въ Бозѣ почивающаго высокопреосвященнаго Архіепископа Амвросія, какъ видитъ читатель, осталась неоконченною. Внезапный ударъ постигшій Святителя вырвалъ перо изъ его рукъ, которымъ онъ работалъ надъ своею рѣчью еще въ ночь съ 31-го Августа на 1-е сентября. Писаніе рѣчи было оставлено только за шесть часовъ до рокового удара. Исполнились почти буквально слова профессора Н. И. Субботина, который отъ 18-го іюня н. г. писалъ Преосвященному Амвросію слѣдующее: „Вы спрашиваете: „писать ли мнѣ? не прекратить ли?“ Нѣтъ, Владыка, пока есть силы, не оставляйте писать,—до конца не скрывайте, какъ доселѣ не скрывали, данный Вамъ отъ Бога великій талантъ. Умолкните Вы, кто же будетъ говорить и особенно *такъ* говорить? И какая это будетъ радость, какое торжество для враговъ Святой Церкви, какое лишеніе для вѣрныхъ чадъ ея? Имѣете предъ собою примѣръ нашего общаго великаго учителя, митрополита Филарета: *онъ и умеръ,—можно сказать,—съ перомъ въ рукахъ.* Вѣрится, что Вы будете вторымъ Филаретомъ для своего времени“.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти Преосвященнаго Амвросія, найдены уважаемымъ профессоромъ Харьковскаго Университета, о. протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ, еще два конспекта съ замѣтками и выписками въ видѣ матеріала для неоконченной его рѣчи. Вотъ они.

I.

О г о р д о с т и.

1. Сознаноушій въ духѣ потребность союза съ Высочайшимъ Существомъ и чувствующій свою скудость и слабость безъ Его помощи *ищетъ Его*. При проясненіи этого сознанія и нравственномъ преуспѣяніи *не перестаетъ искать Его* и не останавливается въ этомъ трудѣ во всю свою жизнь. По мѣрѣ постиженія совершенствъ Божіихъ человекъ смиряется. Примѣры древнихъ философовъ. Но въ комъ укоренилось гордое созпаніе о своей мудрости и полнотѣ знанія, тотъ застываетъ и окоченѣваетъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Примѣры древнихъ языческихъ философовъ. *Dict. de Theol.*, par L' Abbé Bergier, T. VI. p. 87: „Языческіе философы, убѣжденные въ безразсудствѣ своего ученія, не хотѣли отказаться отъ него всецѣло и подчиниться простотѣ вѣры, проповѣдуемой христіанскими учителями, будучи проникнуты гордостію; по гордости они хотѣли примирить откровенныя догматы съ своими системами, и такимъ образомъ породили первыя ереси. Та же страсть владѣла всѣми ересіархами во всѣ времена; многіе изъ нихъ признавали свои заблужденія и готовы были бы раскаяться, еслибы ложный стыдъ отречься и исправиться не дѣлалъ ихъ упорными. Эта же самая болѣзнь господствуетъ и теперь между невѣрующими нашего вѣка; имъ кажется унизительнымъ думать и вѣрить согласно съ народомъ, они признаютъ себя наставниками, учителями и оракулами народовъ; и эти люди, столь гордые, столь надменные, столь исполненные презрѣнія къ другимъ, въ дѣйствительности лишь рабы безумной гордости“. Извращенное понятіе о гордости у свободныхъ мыслителей. Слово Божіе учитъ (Филип. 2, 3): „Ничего не дѣлайте по любопренію или по тщеславію, но по смиренномудрію почитайте одинъ другаго вышшимъ себя“. Но многіе фило-

софы доказывали, что этотъ урокъ (о смиреніи) непримѣнимъ въ практической жизни, что смиреніе способствуетъ только къ униженію чело­вѣка, къ уничтоженію въ немъ всякой энергіи и всякаго стремленія быть полезнымъ обществу (Тамъ же, Т. IV, р. 100). *Саладинъ* (Lehovah's Gesammelte Werke, 1896, стр. 124): „По увѣренію Св. Писанія, Богъ требуетъ отъ чело­вѣка—быть смиреннымъ и подавить въ себѣ чувство гордости; но поступать такъ было бы несправедли­во, если бы это вообще и было возможно; но это было бы невозможно, если бы оно было даже и спра­ведливо“. *Гоббесъ*: „Чувство гордости мыслимо толь­ко у чело­вѣка, обладающаго рѣдкими достоинствами, и оно только одно отличаетъ чело­вѣка отъ живот­ныхъ, неспособныхъ къ гордости“. *Вольтеръ*: „Гор­дость становится предметомъ осужденія только въ глазахъ людей посредственныхъ, ограниченныхъ и завистливыхъ“. *Каспаръ Шмидтъ*: „Гордость есть неиз­бѣжный результатъ самосознанія. Я не долженъ слу­жить никакому высшему существу, потому что я самъ— единственное и наивысшее существо въ мірѣ; я не долженъ служить даже и чело­вѣчеству; требовать это могутъ только религія и суевѣріе. Я и не служу бо­лѣе никакому чело­вѣку, а во всѣхъ обстоятельствахъ служу только себѣ. Я пользуюсь всѣмъ—міромъ и людьми—только для своего собственнаго наслажденія“. *Фейербахъ*: „Чело­вѣческая гордость создала все, что есть наилучшаго въ мірѣ,—даже—и христіанство“. *Бюхнеръ*: „Кто не знаетъ чувства гордости, тотъ ли­це­мѣръ или безнравственный пошлякъ. Гордость есть дитя эгоизма, а эгоизмъ есть корень всѣхъ добродѣ­телей. Христіанское смиреніе противно чело­вѣческой природѣ“. *Геккель, Нитцше, Маркъъ*. Разборъ фило­софскихъ мнѣній.

2. Такъ какъ люди имѣютъ разныя дарованія и сте-

пени совершенства, то они *учатъ другъ друга*. Поэтому смиренный, зная, что дары духовные оказываются и тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ, никѣмъ не брезгаетъ и вездѣ прислушивается съ цѣлю приобрѣсти знаніе. Сократъ, Діогенъ и др. Гордый мыслитель: „Ты ли насъ учишь?“ (Слѣпорожденный). Христіанское понятіе о *дарахъ вѣдѣнія* и смиренное прислушиваніе къ голосу *простецовъ*.

3. Гордость *обидчива*; а потому гордые люди *оскорбляются противорѣчіемъ*, особенно—тамъ, гдѣ чувствуютъ себя *обличенными*, особенно—съ нравственной стороны.

4. Гордый, при человѣческой ограниченности, оставаясь безъ нравственной поддержки, особенно при благоприятныхъ условіяхъ жизни, вдается въ плотскіе пороки, а особенно—въ презрѣніе къ людямъ низшимъ ихъ и, по мнѣнію ихъ, недостойнымъ сближенія съ ними (Пс. 72).

5. Послѣдствіе всѣхъ этихъ пороковъ—внутренняя сухость, скука и безпокойствіе (Іоаннъ Лѣствичникъ).

II.

1. Забвеніе о Богѣ лишаетъ насъ возможности размышлять объ Его безконечныхъ совершенствахъ и нашемъ ничтожествѣ; оттого рождается горделивое мнѣніе о себѣ,—своихъ талантахъ, заслугахъ и пр.

2. Оттого же мы охлаждаемъ къ слову Божію, напоминающему намъ о *грѣхахъ*.

3. Затѣмъ мы теряемъ благоговѣніе къ божественному ученію.

4. Становимся невнимательными къ мнѣніямъ другихъ о предметахъ вѣры и о насъ самихъ, слишкомъ пристрастно смотримъ на свои мнѣнія, особенно *научныя*.

5. Относимся неуважительно къ другимъ людямъ и теряемъ въ нихъ совѣтниковъ и руководителей, особенно—въ духовной жизни.

6. Отъ всѣхъ этихъ причинъ мы до того *окоченъ-вали* въ своихъ убѣжденіяхъ и привычныхъ взглядахъ, что становимся недоступными доброму влиянію не только на наши воззрѣнія, но и на нашу совѣсть по отношенію къ прежней жизни; не терпимъ обличеній.

7. Изъ *отверднѣнія* въ этомъ отношеніи, по ученію Іоанна Лѣствичника, выходи до того труднѣе, что иногда оказывается невозможнымъ“.

Изъ этихъ конспектовъ видно, какую многосодержательною и глубокою по своему анализу, съ чисто практическимъ значеніемъ, была бы рѣчь Преосвященнаго Амвросія „О гордости“, если бы она была надлежащимъ образомъ закончена и, по обычаю автора, внимательно отдѣлана. И намъ остается только сожалѣть, что этого не случилось...

Наконецъ, считаемъ необходимымъ отмѣтить здѣсь еще слѣдующее. Въ бумагахъ въ Бозѣ почивающаго архіепископа Амвросія находится варіантъ „вступленія“ въ его рѣчь „О гордости“. По неизвѣстнымъ намъ причинамъ усопшій святитель не остановился на этомъ „вступленіи“; но для насъ оно представляетъ большой интересъ. Изъ него мы видимъ: 1) что побудило преосвященнаго Амвросія писать рѣчь „О гордости“, 2) Какъ серьезно смотрѣлъ онъ на борьбу съ врагами Христовой Церкви и 3) какъ равнодушенъ онъ былъ къ оскорбленіямъ, которыя ему причиняла безсильная злоба нашихъ безбожниковъ и либераловъ. Вотъ почему и это „вступленіе“ въ рѣчь „О гордости“ мы приводимъ здѣсь полностью. Вотъ оно:

О гордости, какъ главнѣйшей причинѣ современныхъ заблужденій и пороковъ.

Бесѣды мои съ вами, мои любезные слушатели, по милости Божіей, не остаются безплодными. Последняя изъ нихъ о современныхъ заблужденіяхъ и порокахъ обратила на себя особенное вниманіе какъ ревнителей святой вѣры и церкви православной, такъ и враговъ ихъ. Первые, въ письмахъ своихъ ко мнѣ, выражаютъ

умилительныя чувства удовольствія и благодарности, которыя я, разумѣется, отношу къ благодѣющему намъ Богу; вторые, либералы и матеріалисты, буквально забросали меня безыменными письмами—укоризненными и язвительными. Содержаніемъ ихъ служатъ глумленіе надъ святою вѣрою нашею, надъ церковію и ея уставами, порицаніе нашего духовенства, которое считаютъ главнымъ виновникомъ упадка вѣры въ нашемъ обществѣ, униженіе нашихъ благочестивыхъ обычаевъ и проч. То и другое движеніе я признаю весьма благопріятными явленіями послѣдняго времени. Православнымъ людямъ тяжело, душно становится отъ наплыва лжи и пороковъ ложно образованныхъ людей; они ищутъ защиты и радуются, когда въ насъ, служителяхъ церкви, находятъ себѣ покровителей и помощниковъ. Либералы же, очевидно, раздражены и озлоблены, потому что съ осужденіемъ гр. Льва Толстого, они раскрыты и разоблачены для всего православнаго народа, да къ тому же и мы еще осмѣливаемся возставать противъ нихъ. Полно имъ полуоткрыто философскими софизмами и искаженіемъ христіанскихъ истинъ запутывать умы молодыхъ поколѣній и тайною устною пропагандою распространять матеріалистическія и соціалистическія идеи. Они, къ нашему удовольствію, начинаютъ и прямо полемизировать съ нами¹⁾. Въ добрый часъ! Въ неисчерпаемомъ богатствѣ духовнаго оружія, которымъ обладаетъ церковь и цѣлыя тысячелѣтія побѣждаетъ враговъ своихъ, найдутся средства для ниспроверженія такихъ въ сущности слабыхъ и рыхлыхъ матеріалистическихъ идей, которыя въ исторіи философіи всегда считались крайними и самыми унижительными произведеніями ослабѣвшихъ умовъ человѣческихъ. Если они въ послѣднее время возобладали въ христіанскомъ мірѣ, то потому только,

¹⁾ См. Литерат. прилож. къ Нивѣ за іюль 1901 г. № 7.

что потворствуютъ господствующимъ въ обществѣ заблужденіямъ и порокамъ.

Извѣстно изъ ученія о душѣ человѣческой, что благія мысли порождаютъ благія дѣла, а злыя мысли порождаютъ преступленія и пороки. Господь Іисусъ Христосъ сравниваетъ мысль съ деревомъ, а порождаемое ею дѣло съ плодомъ: *всяко древо доброе плоды добры творитъ; а злое древо плоды злы творитъ. Не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити* (Матѳ. 7, 17. 18). Поэтому размноженіе въ человѣческомъ обществѣ преступленій и пороковъ есть ясное указаніе на то, что въ немъ разсѣяно множество лжеученій и чѣмъ больше распространяется мыслей враждебныхъ божественной истинѣ, тѣмъ больше надобно ожидать новыхъ преступленій и пороковъ. Съ другой стороны, какъ бы ни были мелки и, повидимому, ничтожны бродящія въ человѣческомъ обществѣ ложныя мысли, соотвѣтствующее имъ зло непременно плодится, потому что онѣ разносятъ въ себѣ зародыши зла, а не добра, по слову Спасителя: „собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ рпейника смоквы?“ (Матѳ. 7, 16). Но философамъ извѣстно, что какъ ложныя мысли, какъ бы ни были онѣ раздроблены, непременно держатся на какихъ либо общихъ началахъ: такъ и пороки, какъ бы они ни были мелки, непременно держатся на крупныхъ и главныхъ, страстяхъ, какъ болѣзненныхъ искаженіяхъ природы человѣческой. Наконецъ, всѣмъ такимъ противоестественнымъ и гибельнымъ явленіямъ въ жизни человѣческой, какъ заблужденіямъ, такъ и порокамъ, должна быть одна общая причина, или одно начало. Это начало указываетъ намъ древній церковный учитель: „начало грѣха—гордость и обладаемый ею изрыгаетъ мерзость“ (Сир. 10, 15).

Гордость въ словѣ Божіемъ и въ писаніяхъ отцовъ и учителей церкви изображается какъ величайшій изъ

пороковъ и источникъ всѣхъ грѣховъ, растлѣвающихъ родъ человѣческій. Особенно въ 72 псалмѣ гордость представляется въ чертахъ рѣзкихъ и возмутительныхъ. „И позавидовалъ безумнымъ, говоритъ Псалмопѣвецъ, видя благоденствіе нечестивыхъ, ибо имъ нѣтъ страданій до смерти ихъ, и крѣпки силы ихъ; на работѣ человѣческой нѣтъ ихъ, и съ прочими людьми не подвергаются ударамъ. Оттого гордость, какъ ожерелье, обложила ихъ, и дерзость, какъ нарядъ одѣваетъ ихъ; выкатились отъ жира глаза ихъ, бродятъ помыслы въ сердцѣ; надъ всѣмъ издѣваются, злобно разглашаютъ клевету, говорятъ свысока; поднимаютъ къ небесамъ уста свои, и языкъ ихъ расхаживаетъ по землѣ“. Но, прибавляетъ Псалмопѣвецъ, обращаясь къ Богу, „на скользкихъ путяхъ поставилъ Ты ихъ, и низвергаешь ихъ въ пропасть. Какъ печально припали они въ разореніе, исчезли, погибли съ ужасомъ!“ (Пс. 72, 3—9, 18. 19)“.

Изъ этого вступленія въ рѣчь „О гордости“ какъ настоящіе и будущіе пастыри православной Церкви, такъ и всѣ вообще благомыслящіе защитники вѣры Христовой, легко могутъ видѣть завѣты приснопамятнаго святителя: 1) не падать духомъ, когда враги Церкви и народа нашего объявляютъ намъ рѣшительную борьбу, а, надѣясь на помощь Божию, мужественно принять вызовъ со словами: въ добрый часъ! 2) На начавшуюся уже борьбу смотрѣть какъ на время благоприятное для обнаруженія могущества и силы Церкви Христовой, вѣруя вмѣстѣ съ почившимъ русскимъ Златоустомъ, что „въ неисчерпаемомъ богатствѣ духовнаго оружія, которымъ обладаетъ Церковь и цѣлыя тысячелѣтія побѣждаетъ враговъ своихъ, найдутся средства для ниспроверженія такихъ въ сущности слабыхъ и рыхлыхъ матеріалистическихъ идей, которыя въ исторіи философіи всегда считались крайними и самыми унижительными произведеніями ослабѣвшихъ умовъ человѣческихъ“. Для васъ, питомцы духовной школы и будущіе пастыри Православной Церкви, эти завѣты должны быть особенно священными!

Памяти въ Возѣ почившаго Архіепископа Амвросія.

С Л О В О

Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Сумскаго.¹⁾

*Раба благій и зпръкый... омиди съ радость
Господа Твоего (Мате. XXV, 21, 22).*

Настоящій праздникъ вашъ я долженъ почитать нѣсколько необычнымъ словомъ. Но оно само собою вызываетъ постигшимъ всѣхъ насъ сиротствомъ нашимъ, только что пережитою нами горестною разлукою навсегда съ почившимъ Преосвященнымъ Амвросіемъ. И во время торжественныхъ нѣснопѣній праздника, и при видѣ многолюдства собравшихся на него, невольно встаетъ въ мысли образъ почившаго Старца-Архипастыря, украшавшаго почти всегда и своимъ личнымъ присутствіемъ этотъ именно праздникъ, и особою рѣчью, къ нему приготовленною. Теперь его нѣтъ съ нами...

Угасъ свѣтильникъ, стоявшій на Харьковскомъ свѣщникѣ, но свѣтившій отсюда во всѣ концы Россійской Церкви. Если осиротѣла Харьковская паства, если скорбимъ всѣ мы о кончинѣ святителя Амвросія, то сочувствуетъ и соболѣзнуетъ намъ вся Православная Церковь, повесшая въ усопшемъ круп-

¹⁾ Пронесено въ залѣ Харьковской Семинаріи 26 сентября 1901 г.

ную утрату. Это признаніе большой потери для Церкви въ лицѣ почившаго ясно сказалось во множествѣ горестныхъ сочувствій, присланныхъ іерархами Церкви изъ разныхъ мѣстъ, по поводу смерти Архіепископа. И понятно это сочувствіе: сомкнулись уста, неліцепріятно вѣщавшія правду жизни, и убѣжденно истину Слова Божія. Смолкла и навсегда сильная, съ ревностію Іліи, глубоко продуманная рѣчь проповѣдника Христовой истины, властно покорявшая силою убѣжденности своей все благомыслящее. Эта рѣчь была жива и дѣйствительна, она, воистину, проникала до существа убѣжденій, до источника чувствованій, до *раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ*, какъ говоритъ св. Апостоль (Евр. IV, 12). Доходя до корней, основаній мысли и чувства, она укрѣпляла, уясняла и убѣждала колеблющуюся мысль однихъ, и обличала и поборала ложь и заблужденіе другихъ.

Вспоминая нынѣ великаго мастера и искусника слова, какимъ былъ почившій Архипастырь, я сознаю, что окажусь плохимъ ученикомъ въ сравненіи съ даровитымъ и опытнымъ учителемъ. Но и при этомъ невыгодномъ признаніи, не могу не остановиться на умственномъ и нравственномъ обликѣ его, какъ для своего собственнаго, такъ одинаково и для вашего назиданія. *Добрый рабе, благій и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего* (Мѣ. XXV, 21, 22). Этими благожелательными словами Господа хочется привѣтствовать отходъ его въ вечерній свѣтъ царствія Божія. Ими же слѣдуетъ опредѣлить всю его пастырскую жизнь и дѣятельность, какъ административную, такъ и особенно проповѣдническую, учительную. Почившій любилъ приводить ученіе притчи Христовой о талантахъ, когда въ словахъ своихъ разсуждалъ о неправильно употребленныхъ человѣческихъ дарованіяхъ, богатствахъ, знаніяхъ и умѣньяхъ. Но онъ самъ и словомъ своимъ, и всѣмъ дѣломъ жизни своей оправдалъ на себѣ эти заключительныя слова притчи: данный ему дому Владыкой Господомъ талантъ „живого слова“, даръ *слова премудрости и разума* (1 Кор. XII, 8) онъ развилъ, расширилъ и возрастилъ до ораторскаго искусства и много добрыхъ сѣмянъ посѣялъ этимъ словомъ въ сердцахъ человѣческихъ. *Се другія*

пять талантъ пріобрѣтохъ ими (Мѡ. XXV, 20), дерзновенно можетъ сказать онъ нынѣ Господу, предстоя Ему.

Что же назидательнаго, поучительнаго для всѣхъ насъ являлъ почившій Архипастырѣ? Необычную и исключительную для нашего времени ширину и глубину христіански философствующей мысли. Эта мысль захватывала въ себя всѣ явленія текущей жизни, начиная отъ самыхъ малыхъ и ничтожныхъ и кончая крупными и выдающимися. Она съ одинаковымъ интересомъ слѣдила и за событіями политической жизни, и за явленіями религіозной и умственной жизни, и за возникающими новыми теоріями, и за направленіями образованнаго общества, и за проявленіемъ народнаго склада и характера. Не было, кажется, ни одного крупнаго событія въ жизни Россіи, ни одного явленія въ области науки, открытій, знанія вообще, которыми не интересовался бы почившій. И этотъ интересъ къ новизнѣ, къ жизни, къ движенію впередъ въ жизненной и научной области онъ сохранилъ до послѣднихъ дней своихъ. Такое отношеніе къ событіямъ жизни было тѣмъ болѣе удивительно, что обыкновенно старцы 70—80 лѣтняго возраста притупляютъ въ себѣ, теряютъ эту воспріимчивость и чуткость къ текущей дѣйствительности, уходятъ въ далекую отъ нея область воспоминаній.

Но еще изумительнѣе было видѣть и слышать, какъ этотъ 80-лѣтній старецъ, почти съ юношескимъ увлеченіемъ интересующійся всѣми событіями и теченіями мировыми и русскими, съ живостію и горячностью относился къ нимъ: умомъ сильнымъ, острымъ не по лѣтамъ, умомъ, пріученнымъ къ быстрому синтезу, онъ схватывалъ, какъ бы ловилъ на лету, эти явленія жизни, соединялъ, группировалъ и непременно ставилъ по отношенію къ нимъ христіански-философскую точку зрѣнія. Такое отношеніе къ явленіямъ было у почившаго обычнымъ: это была мѣрка ихъ, выработанная, видимо, самымъ опытомъ, свидѣтельствующая о цѣлостномъ, крѣпко заложенномъ внутреннемъ міросозерцаніи, устойчивомъ и навсегда опредѣленномъ.

Точкой зрѣнія всегда были христіанскія воззрѣнія. Архипастырѣ глубоко вѣрилъ во всегдашнее *побѣдное* торжество завѣтовъ Спасителя, какъ принциповъ человѣческой дѣятельно-

сти. Какъ бы ни было, повидимому, мрачно явленіе жизни, грустные обстоятельства, его сопровождавшія, онъ неизмѣнно выражалъ надежду, что и въ этой грудѣ пепла непремѣнно кроется искра христіанской вѣры и упованія, которыя, въ свое потребное время неизбѣжно окажутся. Но онъ готовъ былъ весь излиться негодованіемъ, суровымъ обличеніемъ, строгимъ и беспощаднымъ, когда въ подмѣченномъ явленіи ему казалось торжество стараго и похороненнаго *язычества*, торжество принциповъ греко-римской образованности съ обоготвореніемъ человѣкомъ *себя самого*. А этотъ умственный порокъ, какъ извѣстно, составляетъ отличительную черту нравовъ современнаго общества, въ которомъ все—для человѣка, все—ему, все—для него и онъ самъ себѣ „становящееся божество“.

Не могу не вспомнить, для примѣра, съ какимъ интересомъ онъ слѣдилъ за ходомъ войны въ Южной Африкѣ. Мысли почившаго уже предносилъ, по поводу этой войны, библейскій примѣръ единоборства Давида съ Галиаѳомъ, его плѣняла крѣпость религіозной вѣры буровъ, онъ хотѣлъ видѣть въ нихъ образецъ чистоты христіанскихъ нравовъ, примѣръ христіанской крѣпости духа въ страданіи, и убѣжденъ былъ въ непремѣнномъ торжествѣ этихъ свѣтлыхъ силъ...

Рядомъ съ этой силой обобщенія событій, поучительна была у почившаго проникновенность въ нихъ, глубокая вдумчивость въ проходящую мимо жизнь. Здѣсь начинался тотъ дышащій силой и энергіей, прямолинейный анализъ явленій, разчлененіе ихъ, приведеніе къ первичнымъ источникамъ, которымъ отличаются всѣ слова и рѣчи Архипастыря. Но этотъ внутренній процессъ непремѣнно совершался при свѣтѣ христіанскаго откровенія. Въ умѣ мыслителя уже готово было, какъ зеркало для освѣщенія разбираемаго явленія, ученіе Христово, текстъ священнаго писанія. Владыка иногда добродушно называлъ такой текстъ „гвоздемъ“, который онъ думаетъ крѣпче забить, дабы этимъ забитымъ гвоздемъ твердо удержано было сдѣланное имъ освѣщеніе разбираемому явленію. Насколько строгъ и неумолимъ былъ въ себѣ самомъ, въ своемъ внутреннемъ теченіи этотъ анализъ событій, оцѣнка и разборъ ихъ—это наглядно подтверждаетъ та осторожность, та продолжитель-

ность, съ какою онъ выносилъ и выработывалъ внутри себя взглядъ на то, или иное явленіе. Не дни и недѣли, а мѣсяцы и иногда годы нужны были для того, чтобы созрѣла, наконецъ, у почившаго рѣшимость отмѣтить въ своемъ словѣ то или иное явленіе, научное или общественное, и освѣтить его съ христіанской точки зрѣнія.

Таковъ кратко, по моему разумѣнію, умственный складъ необычайно богатыхъ дарованій почившаго. Не одинъ, а пять талантовъ судило ему Божіе промысленіе въ литературной вообще и въ частности проповѣднической области. *Но отъ Господа стопы челоуку исправляются* (Цс. XXVI, 23), говорилъ онъ. По устроенію Господню о жизни почившаго, на эти выдающіяся свойства ума и духа положена была печать папства. Къ нему главнымъ образомъ и исключительно вела его старая и непреобразованная духовная школа 30—40 годовъ истекшаго столѣтія. Заслуги этой школы для духовныхъ воспитанниковъ, не смотря на латинскіе учебники и лекціи, по которымъ происходило въ ней преподаваніе, были очень существенны. Въ ней широко поставлено было изученіе философскихъ и метафизическихъ наукъ,—и это изученіе, при преобладающемъ и свойственномъ этимъ наукамъ умозрительномъ методѣ, давало питомцамъ философскую складку, пріучало ихъ не только къ философскому мышленію, но и къ такому же взгляду и отношенію къ явленіямъ жизни. На ряду съ философскими науками шло изученіе богословія, но не по сокращенной догматикѣ, какъ нынѣ, а по разуму и руководству Отцевъ и Учителей Церкви, давшихъ обширныя толкованія на Священное Писаніе. Въ основѣ изученія была Библия, она была подъ руками и у ученика, и у профессора, а затѣмъ—миѣнія и толкованія свято-отеческія. Въ этихъ двухъ областяхъ—Св. Писанія со святоотеческими толкованіями, и философскихъ системъ, почившій Архипастыръ всегда обнаруживалъ широкое знакомство. Въ нихъ онъ, такъ сказать, подновлялъ знанія, особенно внимательно слѣдя за возникающими новыми философскими ученіями, знакомясь съ ними и разбирая ихъ. И всякій разъ, какъ онъ собирался разсматривать въ своемъ словѣ то, или другое явленіе нравственнаго или психологиче-

скаго порядка съ христіанской точки зрѣнія, ему необходимо было предварительно звать различныя мнѣнія философовъ объ этомъ явленіи, отъ древнихъ и до новыхъ временъ включительно.

Этотъ характеръ полученнаго почившимъ образованія, съ его природными свойствами ума и духа, вѣсколько объясняетъ какъ названіе того журнала, основаніе которому положилъ онъ при здѣшней Семинаріи, такъ и особенныя свойства словъ и рѣчей, коими стяжалъ онъ себѣ неувядаемую славу. Въ богословско-философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, почившій несомнѣнно желалъ дать просторъ двумъ голосамъ: разуму, свободно философствующему въ религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ, и вѣрѣ твердой, покоящейся на откровеніи и основаніяхъ, разумомъ человѣческимъ добытыхъ. Идеальной мечтой его было видѣть въ этой постоянной и нескончаемой борьбѣ „Разума и Вѣры“ примирительныя точки, согласіе, гармонію, добытую взаимной другъ—друга провѣркой, послѣ долгой борьбы и споровъ.

Если трудно достижима была эта идеальная цѣль, съ современной научной точки зрѣнія, которой никогда не покидалъ основанный почившимъ журналъ, то желаніемъ сердца почившаго, мечтой его несомнѣнно было думать объ исполненіи ея, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, а въ дѣйствительности она уже осуществлена была въ лицѣ самого Архипастыря. Въ каждомъ словѣ его, отношеніи къ явленіямъ жизни познавался философъ христіанинъ, сѣумѣвшій не только помирить, но и сочетать во едино философствующій разумъ съ твердою вѣрою. Въ этомъ соединеніи двухъ силъ, первая была подчинена послѣдней: „плѣневъ былъ въ лицѣ почившаго, кичливый собою разумъ въ послушаніе чистой и смиренной христіанской вѣрѣ“. Съ этой стороны онъ былъ личностью необычайно поучительной. Тогда какъ въ настроеніи людей думающихъ, размышляющихъ обычна происходящая внутри борьба между послылками разума и порывами вѣры, борьба долгая и упорная, въ которой далеко не всегда торжествуетъ вѣра, дивнымъ согласіемъ, мудрымъ сочетаніемъ этихъ двухъ областей человѣческаго духа дышалъ взоръ Архипастыря. Въ немъ ясно сквозила и бывшая борьба и совершившаяся побѣда вѣры надъ широкимъ и глубокимъ фило-

софски-развитымъ разумомъ, побѣда, создавшая изъ побѣдителя „христіаннѣйшаго философа“.

Изъ этихъ родниковъ свойствъ и настроеній Архипастыря истекъ обильный источникъ церковнаго и свѣтскаго ораторства, въ которомъ сочеталась и сила философствующей мысли, и широкое и глубокое знаніе Слова Божія и святоотеческой литературы, и ясность, и твердость христіански обоснованнаго настроенія. Только при этомъ высокомъ настроеніи христіанскаго духа, только при этой широкой философской обобщенной мысли, становится понятнымъ выборъ почившимъ темъ и предметовъ для своего, извѣстнаго всей Россіи, проповѣдническаго слова. Это не были краткія назиданія, простыя и всѣмъ доступныя, извлеченныя изъ характера праздника или Евангельскаго чтенія. Это были трактаты, большіе и сложныя, трактаты въ духѣ отцовъ и учителей IV вѣка христіанской эры и, по подражанію имъ, разбирающіе избранный предметъ всесторонне и до послѣднихъ его основаній. Они обыкновенно отвѣчали на запросы ума образованнаго, мыслящаго, который требуетъ христіанскаго освѣщенія такихъ явленій, какъ, напр. „знаменія времени“, „вышія начала воспитанія“, или такихъ понятій, какъ „честность“, „свобода чувства“, „гордость“, „право собственности“, понятій „прогресса“, „общаго блага“ и т. д. Все это—темы широкія, современныя, коими болѣе нашъ вѣкъ, и за освѣщеніе и раскрытіе ихъ, глубокое и всестороннее, можетъ взяться лишь серіозный мыслитель, облеченный во всеоружіе знаній, потребныхъ для освѣщенія поставленной темы. Но почившій Архипастырь разбиралъ ихъ не какъ свѣтскій публицистъ или писатель, а какъ пастырь церкви православной, какъ мыслитель-христіанинъ. И въ этомъ особенное и необычайно великое значеніе оставленныхъ имъ словъ и рѣчей. Мы не смѣемъ сказать, что эти слова и рѣчи Харьковскаго витія будили религіозную мысль на протяженіи истекшей второй половины минувшаго вѣка, но что они дали необычайно обильный матеріалъ характера нравственно-философскаго для науки основнаго и нравственнаго богословія—это призвать за нимъ должно и слѣдуетъ по всей справедливости. Въ нихъ, несомнѣнно, установленъ христіански-философскій

взглядъ на многія явленія и качества нравственнаго порядка, раскрыта цѣлая система нравственно-христіанскихъ воззрѣній, цѣнная и дорогая тѣмъ, что она возникла и сложилась подъ вліяніемъ запросовъ времени образованнаго, подъ давленіемъ пороковъ и недуговъ, порожденныхъ ложною філософскою моралію, какъ извѣстно, тоже предъявляющей свои права на господство въ образованномъ обществѣ. Въ этихъ словахъ и рѣчахъ православно-христіанскія воззрѣнія—глубокія, жизненные, живыя, а не мертвыя и отвлечено—схоластическія. И мы вѣримъ и убѣждены, что наука нравственнаго богословія несомнѣнно воспользуется этимъ цѣннымъ и дорогимъ матеріаломъ для своего пополненія, развитія и рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые предъявляетъ къ христіанской нравственности жизнь въ различныхъ ея видоизмѣненіяхъ.

Самый способъ раскрытія почившимъ поставленныхъ темъ, будучи по характеру своему публицистическимъ, долженъ быть названъ научнымъ вообще по своей систематизаціи, по той схемѣ и плану, которые онъ обязательно намѣчалъ для поставленной темы. Послѣ предисловія или введенія, въ которомъ обыкновенно излагалъ онъ ближайшій поводъ для избранной темы, намѣчалось установленіе понятія о предметѣ и соотвѣтственное его опредѣленію раздѣленіе на части. О чемъ бы ни начиналъ рѣчь свою Архипастырь, былъ ли то вопросъ о свободѣ печати, или о честности, или о правѣ собственности, или о гордости,— неизмѣнно ставился вопросъ о томъ, что такое избранный для разсмотрѣнія предметъ по сущности своей съ точки зрѣнія христіанской? Въ отвѣтъ слѣдовало строго—логическое, необыкновенно точное христіански філософское опредѣленіе подлежащаго осужденію предмета. Въ этомъ опредѣленіи оказывался ключъ для всѣхъ прочихъ частей рѣчи. Отсюда, соотвѣтственно существу опредѣленія, шло указаніе свойствъ предмета, его частей, его отношенія къ жизни, исторія его, примѣненіе въ прошломъ, отношеніе къ настоящему и т. д., до тѣхъ поръ, пока не исчерпано было все содержаніе возможной, христіански развитой мысли объ избранной темѣ для сужденія. Выходило, что сказать полнѣе, убѣжденнѣе,

крѣпче и сильнѣе того, что сказалъ объ избранномъ предметѣ почившій, казалось, прямо невозможнымъ.

Таковъ, по нашему мнѣнію, умственный обликъ почившаго Архипастыря,—и въ составленномъ имъ наслѣдїи,—въ этихъ литературныхъ трудахъ его,—его заслуга и подвигъ предъ отечественною церковію и русской богословскою наукой. Долго будетъ благоговѣнно произноситься имя Владыки Амвросія, на ряду съ именемъ его учителя—святителя Филарета, Митроп. Макарія, Архіепископа Никанора, какъ свѣточа, столпа, отца и учителя православной Россійской церкви.

Слѣдовало бы, далѣе, остановиться на нравственныхъ свойствахъ его душевнаго склада, но опасаясь я, не оскорбить бы памяти почившаго, который, какъ всѣ мы знаемъ, *не принималъ славы отъ челоуѣкъ* при жизни, еще менѣе, разумѣется, нуждается въ похвалѣ людей по смерти. Многіе изъ васъ еще не забыли того глубокаго *земного* поклона, которымъ смиренно отвѣтилъ онъ на всѣ привѣтствія и поздравленія съ исполненнымъ 50-лѣтіемъ служенія въ священномъ санѣ. Въ этомъ дѣявіи Архипастыря выразилось какъ его собственное смиреніе, которымъ обладалъ онъ въ преизбыточествѣ, такъ и желаніе видѣть смиреніе и покорность въ подчиненныхъ, какъ ихъ украшеніе. Кто, затѣмъ, не былъ обвѣянъ простотой, доступностью и лаской почившаго, коими онъ достигалъ сторицею большаго, чѣмъ неумѣстною строгостью и невнимательностью обращенія. По собственному признанію его, простымъ обращеніемъ онъ удобнѣе пріобрѣталъ всѣхъ въ послушаніе себѣ, чѣмъ страхомъ угрозы. И во время этого „дружества“ отношеній, слово находчивое, слово остроумія или добродушной шутки перемѣшивалось у него съ дѣловымъ, серьезнымъ разговоромъ. Такое слово особенно любилъ почившій. Остроуміе, находчивость слова, онъ считалъ признакомъ ума крѣпкаго, вдумчиваго: „слово остроумное—это блескъ, искра ума, самоцвѣтный камень его“, говорилъ онъ. Кому, наконецъ, не известна изъ насъ не покидавшая почившаго до послѣднихъ дней энергія въ работѣ, вѣрность долгу и призванію?

Эти свойства его проходятъ яркою гранью чрезъ все 19-лѣтнее поприще его харьковской дѣятельности. Онъ—эта

энергія, неутомимость, вѣрность обязанностямъ—запечатлѣлись и въ храмоздательствѣ, и въ построеніи зданій учебныхъ заведеній, и въ созданіи приюта и т. д. Ими поддерживаемый, до послѣднихъ дней онъ работалъ не надъ своими только рѣчами, но и надъ благомъ врученной ему епархіи, и сдѣлалъ въ ней такъ много и столько, что для оцѣнки созданнаго нужны подробныя и обстоятельныя изслѣдованія. . . .

Пять талантъ ми еси предалъ: се другіе пять талантъ приобрѣтохъ ими, говорилъ вѣрный рабъ господину въ притчѣ. Это слово дерзновенно можетъ сказать почившій рабъ—свяtitель Господу, Коему предстоитъ вынѣ. Вѣруемъ и надѣемся, что услышитъ онъ отъ Него блаженный гласъ: *рабе, благій и вѣрный . . . вниди въ радость Господа Твоего.* (Мѣ. XXV, 21, 22).
Аминь.

Послѣдніе дни жизни Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, его кончина, перенесеніе тѣла изъ „Всѣхсвятскаго“ въ Харьковскій кафедральный соборъ, отпѣваніе его и погребеніе.

Верстахъ въ четырехъ—пяти отъ г. Харькова, на возвышенной мѣстности, среди обширнаго сада, расположена дача Архіерейскаго Домоуправленія, извѣстная мѣстнымъ жителямъ подъ названіемъ „Всѣхсвятское“. Еще со времени бывшаго Харьковскаго Архіепископа Иннокентія (Борисова) дача эта служитъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ всѣхъ архипастырей, управляющихъ Харьковскою епархіею. При дачѣ находятся небольшая домовая церковь и архіерейскіе покои. Обыкновенно архипастыри живутъ здѣсь съ начала весны и до второй половины сентября. Возвратившись затѣмъ въ г. Харьковъ, они обычно принимаютъ участіе 30-го сентября въ торжественной процессіи перенесенія чудотворной Озерянскои иконы Божіей Матери изъ Куряжскаго монастыря (въ шести верстахъ отъ г. Харькова) въ Харьковскій Покровскій монастырь.

Сюда же въ обычное время переѣхалъ на жительство и Архіепископъ Амвросій, въ послѣдній разъ. Переѣхавъ въ началѣ весны во „Всѣхсвятское“, Высокопреосвященный чувствовалъ себя, по видимому, вполне бодрымъ, неутомимо занимался епархіальными дѣлами, слѣдилъ за текущею литературою, принималъ посѣтителей, присутствовалъ при богослуженіяхъ въ домовой церкви и нерѣдко выходилъ въ паркъ на прогулку, гдѣ проводилъ время въ одной изъ бесѣдокъ парка. Отсюда же, изъ „Всѣхсвятскаго“, онъ совершилъ послѣднее свое обозрѣніе епархіи и неодно-

кратно по требованію разнообразныхъ нуждъ пріѣзжалъ въ г. Харьковъ. Такъ во время годовыхъ экзаменовъ въ Семинаріи, Владыка осчастливилъ послѣднюю своимъ пріѣздомъ и посѣтилъ VI классъ, гдѣ производился экзамень по Священному Писанію Нов. Завѣта. Можно сказать, что до послѣднихъ чиселъ августа мѣсяца Архипастырь неумоимо трудился, принималъ лицъ, имѣющихъ въ немъ какую либо надобность; заботился о различныхъ, возникшихъ по его мысли, учрежденіяхъ, напр., о пріютѣ для вдовъ и сиротъ, и въ то же время приготовлялъ свою послѣднюю рѣчь „о гордости вообще и въ особенности о гордости современной“. Часть этой работы была уже готова и переписана. Но это были уже его послѣдніе дни жизни.

Первые приступы болѣзни Владыка почувствовалъ 29 августа, при чемъ еще 28 жаловался, что въ глазахъ у него стало какъ будто темнѣть. Приступы эти выразились въ повышенной температурѣ и головокруженіи; но Владыка не придавалъ этому особаго значенія. Даже наканунѣ предсмертнаго заболѣванія, 31 августа, Владыка дѣлалъ нужныя распоряженія и своевременно отправился въ свою опочивальню. Въ пять часовъ утра перваго сентября келейникъ Высокопреосвященнаго услышалъ рѣзкій звонокъ колокольчика и быстро отправился ко Владыкѣ. Войдя въ опочивальню, онъ нашелъ Архипастыря въ постелѣ, разслабленнымъ, при чемъ больной уже почти не былъ въ состояніи говорить. Вскорѣ постель больного окружили о. экономъ Архіерейскаго Дома архимандритъ Іосифъ, казначей Покровскаго монастыря, и другія лица. Немедленно было доведено о положеніи мастигатаго іерарха до свѣдѣнія Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Сумскаго, Викарія Харьковской епархіи, а затѣмъ профессора Харьковскаго Императорскаго Унивѣрситета протоіерея Т. И. Буткевича, пользовавшагося особымъ расположеніемъ Архипастыря, ректора Харьковской духовной семинаріи, протоіерея І. П. Знаменскаго, родственниковъ Владыки и друг. лицъ. Въ то же время Владыка приказалъ позвать своего духовника. Приказъ Владыки былъ немедленно исполненъ и при посредствѣ телефона вызванъ его духовникъ-іеромонахъ Буряжскаго монастыря о. Аѳанасій. Прибывъ во „Всѣхсвятское“, о. Аѳанасій приступилъ къ совершенію исповѣди Вы-

сокопреосвященнѣйшаго. Исповѣдь продолжалась около часа, послѣ чего Владыка былъ приобщенъ Святыхъ Таинъ. Въ то же время были приглашены къ больному доктора, которые также не замедлили своимъ прибытіемъ. По подаіи первой помощи больному, докторами былъ составленъ консиліумъ. Болѣзнь была признана кровоизліяніемъ въ мозгу, весьма опаснымъ для преклоннаго возраста. Въ виду опаснаго положенія Владыки рѣшено было принять самыя рѣшительныя мѣры. Но, несмотря на всѣ эти мѣры, не смотря на то, что для леченія болящаго были приглашены лучшія медицинскія силы г. Харькова—ничто не могло остановить рокового исхода болѣзни; и состояніе больного стало быстро ухудшаться. Вечеромъ 1 сентября надъ болящимъ Владыкой было совершено Преосвященнѣйшимъ викаріемъ Харьковской епархіи, епископомъ Иннокентіемъ, таинство елеосвященія ¹⁾). Второго сентября былъ новый консиліумъ врачей, причемъ состояніе здоровья Архипастыря было найдено еще въ болѣе худшемъ положеніи, чѣмъ наканунѣ—были констатированы: потеря сознанія, упадокъ дѣятельности сердца и параличъ руки и ноги. Владыка видимо погасалъ. На сколько было возможно, доктора старались облегчать положеніе больного и принимали къ этому всевозможныя мѣры; но это было лишь простымъ желаніемъ продлить земную жизнь его... Съ глубокою скорбію узнали о смертельной болѣзни любимаго Архипастыря всѣ преподаватели, инспекція и воспитанники мѣстной семинаріи еще перваго числа. Эта не радостная вѣсть была сообщена имъ отцомъ Ректоромъ. Въ воскресенье же, втораго числа, всѣ горячо молились въ семинарскомъ храмѣ предъ иконою св. Іоанна Богослова объ исцѣленіи болящаго Архипастыря и о дарованіи

¹⁾ Въ этотъ же день, по личному словесному распоряженію Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Сумскаго, Викарія Харьковской епархіи, былъ осмотрѣнъ и опечатанъ печатью консисторіи рабочій кабинетъ болящаго святителя въ зимнемъ его помѣщеніи, въ Покровскомъ монастырѣ. Осмотръ производили и запечатали: экономъ Архіерейскаго Дома, архимандритъ Іосифъ, протоіерей Стефанъ Любичкій, членъ Харьковской Дух. Консвст., и И. М. Вещуровъ, Секретарь Консвсторіи, въ присутствіи помощника пристава М. С. Ринско-Корсакова. Послѣ осмотра трое дверей, ведущихъ въ кабинетъ, были заперты, отъ двухъ дверей ключи оставлены внутри, на дверяхъ наложены печати Х. Д. Консвсторіи; третья дверь заперта снаружи и ключъ отъ нея отданъ о. архимандриту Іосифу; эта дверь также была припечатана Консвсторской печатью. См. дѣло Харьк. Дух. Консвст. о смерти Преосвященнаго Амвросія, Архіеп. Харьк. и Ахтырск., № 493.

ему силъ для продолженія его многоплоднаго служенія церкви, наукъ и духовному просвѣщенію. Моленія объ исцѣленіи Владыки были совершены также въ епархіальномъ женскомъ училищѣ, мужскомъ духовномъ училищѣ и во всѣхъ приходскихъ церквахъ. Но воля Всевышняго совершалась, положеніе Архипастыря ухудшалось съ каждымъ часомъ и третьяго сентября въ 3 часа 50 минутъ по полудни Владыка тихо скончался. При послѣднемъ вздохѣ Архипастыря находились Профессоръ Прот. Т. Ив. Буткевичъ, родственникъ почившаго (его шурина) дѣйст. ст. сов. Н. С. Владимірскій и доктора.

Приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности почившаго Архипастыря, какъ въ Харьковской епархіи, такъ и въ мѣстахъ первоначальнаго его служенія. Почившій Архіепископъ, въ мірѣ Алексѣй Іосифовичъ Ключаревъ, родился въ 1820 г. 18 марта. Родитель его былъ священникомъ, а съ 29 апрѣля 1855 г. протоіереемъ Преображенской, иначе Богоявленской, церкви города Александрова, Владимірской губерніи. Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ родителей и дѣдушки, Алексѣй Іосифовичъ поступилъ затѣмъ въ Переяславское духовное училище. Послѣ этого онъ обучался въ Спасо-Внеанской Духовной Семинаріи, откуда въ 1840 г., какъ лучший ученикъ, былъ посланъ на казенный счетъ въ Московскую Духовную Академію. Окончивъ курсъ въ Академіи однимъ изъ первыхъ, Алексѣй Іосифовичъ въ 1844 г., 30 октября, назначенъ былъ наставникомъ упомянутой семинаріи по логикѣ, психологіи и латинскому языку. Въ 1845 г. онъ былъ утвержденъ за представленное имъ сочиненіе на тему: *Пресвященный Тихонъ I, епископъ Воронежскій и Елецкій*—въ степени магистра богословія и получилъ, согласно тогдашнему положенію, званіе профессора, при чемъ съ 1 сентября 1847 г. на него возложено было преподаваніе и патристики. Профессорская дѣятельность А. І. въ семинаріи была непродолжительна, но тѣмъ не менѣе молодой ученый успѣлъ зарекомендовать себя отличнымъ преподавателемъ.

Между тѣмъ въ лицѣ А. І. Ключарева Господь уготовлялъ надежное орудіе для провозвѣщенія Своей истины на болѣе широкомъ, нежели педагогическомъ, поприщѣ. Какъ вся науч-

ная подготовка Алексѣя Іосифовича, такъ равнымъ образомъ и живой, отзывчивый на все доброе, честное и благородное умъ, его энергичный характеръ и пламенное желаніе общаго блага дѣлали его наиболѣе пригоднымъ къ тому, чтобы потрудиться на другомъ поприщѣ, которое сдѣлало его имя извѣстнымъ и славнымъ. Въ 1848 г. 23 октября, Алексѣй Іосифовичъ оставилъ службу при Виѣанской Духовной Семинаріи и 17 ноября того же года былъ опредѣленъ приснопамятнымъ Митрополитомъ Филаретомъ на священническое мѣсто въ московскій Рождественскій дѣвичій монастырь. Въ слѣдующемъ же 1849 г. онъ былъ переведенъ къ Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви и служилъ здѣсь сначала въ санѣ священника а съ 1864 г. въ санѣ протоіерея до самаго постриженія въ монашество, которое было въ концѣ 1877 г. Какъ пастырь, почившій былъ всегда нравственнымъ центромъ, объединявшимъ своихъ пасомыхъ въ духовный союзъ для высшихъ цѣлей. Пользуясь правомъ церковнаго учительства, о. Алексѣй ревностно, при каждомъ служеніи, началъ проповѣдывать слово Божіе, предостерегать отъ тѣхъ сѣтей, которыя во множествѣ были раскидываемы въ то время противниками Церкви и врагами государства и отвѣчать на другія потребности жизни. Его поученія и наставленія разнообразны. Общественное мнѣніе, пауперизмъ, удовольствія, свобода совѣсти, неравенство состоянія, вѣрность убѣжденіямъ и т. п.—вотъ обычныя темы проповѣдей о. Алексѣя, всегда умѣвшаго мѣтко схватывать самую суть извѣстнаго вопроса и оставаться вполне понятнымъ самымъ разнообразнымъ слушателямъ. Но стараясь разсѣять существовавшія въ обществѣ ложныя понятія и направить на надлежащій путь блуждавшую современную мысль, Алексѣй Іосифовичъ въ то же время усердно заботился и объ украшеніи своего храма и о благолѣпнн богослуженія. Благодаря заботливому и дѣятельному участию о. Алексѣя, была устроена въ 1855 г. и освящена Митрополитомъ Филаретомъ прекрасная, теплая трапезная Церковь съ двумя въ ней престолами,—въ честь св. Николая Чудотворца и Воздвиженія Креста Господня. Какъ человекъ съ глубоко развитымъ эстетическимъ чувствомъ, придававшій большое значеніе эстетиче-

скому элементу въ православномъ богослуженіи и живо интересовавшійся вопросами церковной живописи, о. Алексѣй примѣнялъ свои взгляды и въ пастырской дѣятельности касательно благоуукрашенія своего храма. Прихожане высоко цѣнили образованнаго и энергичнаго своего пастыря. Слава о немъ, какъ отличномъ проповѣдникѣ и образцовомъ пастырѣ, скоро перешла за предѣлы его прихода; молодой священникъ выдѣлявшійся изъ ряда другихъ, скоро сталъ извѣстенъ и въ высшемъ московскомъ обществѣ. Самарины, Бутурлины, Шершметевы, Долгорукіе и мн. др. имѣли его своимъ духовникомъ и высоко цѣнили его умъ, ученость и высокую нравственную жизнь. Алексѣй Іосифовичъ былъ извѣстенъ даже и Высочайшимъ особамъ, напр. великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ († 9 января 1873 г.), неоднократно удостоивавшей его приглашенія къ себѣ для совѣта по разнымъ дѣламъ. Но энергичная его дѣятельность не могла ограничиться только приходомъ: потребности времени вызывали о. Алексѣя на открытую борьбу съ наводнявшими въ 60-ые—70-ые годы Россію ея врагами. Апологетическая ревность побудила о. Ключарева собрать кружокъ образованныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и открыто выступить въ защиту дорогихъ интересовъ вѣры и церкви. Съ этою цѣлію имъ въ 1860 г., съ соизволенія митрополита Филарета и разрѣшенія Святѣйшаго Синода, былъ основанъ особый печатный органъ подъ названіемъ: „Душеполезное Чтеніе“. Соредакторами о. Алексѣя въ этомъ изданіи были священники В. И. Лебедевъ († 1863 г.) и Вас. Петр. Нечаевъ (доселѣ здравствующій епископъ Костромской—Виссаріонъ). До 1867 г. А. І. Ключаревъ принималъ въ этомъ журналѣ самое дѣятельное участіе: писалъ статьи, подбиралъ выдающихся сотрудниковъ, прочитывалъ и провѣрялъ ихъ статьи, словомъ *руководилъ* изданіемъ. Затѣмъ, вслѣдствіе массы церковно-общественныхъ дѣлъ, а частію вслѣдствіе болѣзни глазъ отъ усиленныхъ занятій по редакціи, редактированіе этого журнала онъ предоставилъ упомянутому В. П. Нечаеву. Но и послѣ этого, будучи въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ съ о. Нечаевымъ, о. Алексѣй продолжалъ все же, по мѣрѣ силъ и возможности, украшать „Душеполезное Чтеніе“ своими ра-

ботами. Съ выходомъ журнала въ свѣтъ имя о. Ключарева сдѣлалось еще болѣе популярнымъ: благодаря журналу съ мыслями и перомъ замѣчательнаго церковнаго дѣятеля могли ознакомиться уже и всѣ любители духовнаго просвѣщенія. По своимъ богословско научнымъ воззрѣніямъ Алексѣй Іосифовичъ представлялъ образъ вдохновеннаго мудреца, соединявшаго въ себѣ строгость истиннаго православія съ искреннимъ уваженіемъ къ наукѣ, религіозное воодушевленіе и строгость научной мысли, всестороннюю ученость и способность къ глубокой критикѣ. Въ лицѣ о. Алексѣя воплотился образъ истинно-христіанскаго учителя, подвизавшагося на благо церкви. Митрополитъ Филаретъ, увѣрившись вполнѣ, что о. Алексѣй—человѣкъ заслуживающій всяческаго поощренія, неоднократно представлялъ его къ всемілостивѣйшимъ наградамъ. Преемникъ митрополита Филарета—Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій (Веніаминъ)—также скоро оцѣнилъ о. Ключарева и сдѣлалъ его однимъ изъ самыхъ близкихъ сотрудниковъ по различнымъ отраслямъ епархіальнаго управленія. Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій утвердилъ его сначала (25 января 1870 г.) членомъ-дѣлопроизводителемъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, а затѣмъ (съ 21 мая 1871 г.)—предсѣдателемъ комитета по устройству Московскаго Епархіальнаго училища иконописанія. Впослѣдствіи (съ 20 февраля 1873 г.) онъ былъ опредѣленъ предсѣдателемъ совѣта и смотрителемъ названнаго училища. Въ ноябрѣ 1874 г. Прот. Ключаревъ назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета по составленію фонда для духовныхъ училищъ Московской епархіи. За свои труды по составленію фонда онъ получилъ благодарность, со внесеніемъ сего въ послужной списокъ, отъ Епархіальнаго съѣзда, а въ 1876 г., по представленію митрополита Иннокентія, всемілостивѣйше былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1877 г. Протоіерей Ключаревъ, лишившійся жены еще въ 1860 г., чувствуя призваніе къ иноческой жизни и пользуясь совѣтомъ митрополита Иннокентія, рѣшился принять монашество. Седьмого ноября онъ былъ постриженъ съ именемъ Амвросія, а 8 возведенъ въ санъ архимандрита. Въ слѣду-

ищемъ же году былъ рукоположенъ въ С.-Петербургѣ—въ санъ Епископа Можайскаго, викарія Московской митрополіи. Викаріемъ въ Москвѣ (сначала вторымъ, а съ 6 апрѣля 1878 г. первымъ) Преосвященнѣйшій Амвросій былъ до 22 сентября 1882 года. За это время святитель Амвросій, кромѣ обычныхъ дѣлъ по епархіальному управленію, явился учредителемъ общества попеченія о дѣтяхъ, просящихъ милостыню (откр. 27 декабря 1879 г.), общества любителей церковнаго пѣнія (откр. 26 апр. 1881 г.) и др. Нѣкоторое время по кончинѣ Митрополита Иннокентія, Преосвященнѣйшій Амвросій управлялъ Московскою митрополіею. То же было и по смерти Митрополита Макарія (Булгакова). Благодаря его заботамъ, была сооружена церковь около ст. Пушкино Моск.-Яросл.-Архангельск. ж. дор. За это время онъ вполне приготовилъ себя къ самостоятельному управленію епархіею, и 22 сентября 1882 года прямо назначенъ былъ на Харьковскую епархію, куда раньше назначались обыкновенно архіереи съ другихъ, самостоятельныхъ же, епархій. Прощаніе Москвы съ любимымъ епископомъ и замѣчательнымъ проповѣдникомъ было самое душевное. Съ переходомъ на Харьковскую кафедру, Преосвященнѣйшій Амвросій также, какъ и въ Москвѣ, дѣятельно стремился къ тому, чтобы оказаться *достойнымъ* своего званія. Изъ ниже приводимыхъ словъ и рѣчей, съ достаточною ясностью, видно, сколько добра сдѣлалъ святитель Амвросій для Харьковской епархіи. Здѣсь же скажемъ только кратко: поднятіе религіознаго духа частымъ и благоговѣйнымъ совершеніемъ богослуженій, частое проповѣдываніе слова Божія, введеніе единообразія въ церковное пѣніе, учрежденіе крестныхъ ходовъ, основаніе новыхъ обителей, возстановленіе упраздненныхъ храмовъ и постройка новыхъ, улучшеніе духовно-учебныхъ заведеній, широкая благотворительность и основаніе журнала „Вѣра и Разумъ“— вотъ краткій перечень сдѣланнаго высокодаровитымъ іерархомъ для епархіи и общества. И правительство цѣнило дѣятельность Харьковскаго архипастыря.—Сверхъ Высочайшаго пожалованія, при самыхъ лестныхъ рескриптахъ, орденами (до св. Александра Невскаго включительно), Преосвященный

Амвросій 20 марта 1886 г. возведенъ былъ въ званіе архіепископа, а въ 1898 г., по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его священства, удостоенъ былъ пожалованія бриллиантоваго креста для ношенія на клобукѣ. Болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія о Высокопреосвященнѣйшемъ Амвросіи, а равно и всесторонняя оцѣнка его дѣятельности общаны Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ лицомъ, близко знавшимъ почившаго святителя и пользующимся неизвѣстными доселѣ русскому обществу данными. Постоянное мѣстопробываніе почившій іерархъ имѣлъ въ Покровскомъ монастырѣ, а лѣтніе мѣсяцы, какъ мы сказали выше, проводилъ во „Всѣхсвятскомъ“, гдѣ его и застала смерть ¹⁾).

Пользовавшійся высокимъ уваженіемъ при жизни, онъ былъ почтенъ высокою честію и по смерти. По кончинѣ Архіепископа Амвросія, тѣло его, въ присутствіи Преосвященнѣйшаго Иннокентія, при участіи эконома Архіерейскаго Дома, архимандрита Іосифа, о. ректора семинаріи Прот. І. П. Знаменскаго, отца Профессора Харьковскаго Императорскаго Университета Протоіерея Т. И. Буткевича, ключаря Каѳедральнаго собора священника, Г. М. Виноградова, было омыто священнослужителями теплой водой а затѣмъ помазано освященнымъ елеемъ и одѣто. Послѣ сего священнослужителями же было совершено перенесеніе тѣла изъ покоевъ въ домовую церковь. Внесеніе тѣла почившаго въ церковь было совершено *со славою* при пѣніи архіерейскимъ хоромъ *тропаря храма*. При вступленіи въ церковь хоръ пѣлъ „Достойно есть“ *входное*. Облаченіе почившаго происходило посрединѣ храма, на креслѣ, какъ это полагается по чину о усопшихъ епископахъ. Усопшій іерархъ былъ облаченъ во всѣ епископскія священныя одежды—точно также, какъ происходитъ вообще облаченіе епископа предъ совершеніемъ Божественной литургіи. Разница отъ обычнаго облаченія состояла только въ томъ, что вмѣсто словъ *Тако да просвѣтитя святъ твой предъ чловѣки...* протодіаконъ каѳедрал. собора Вербицкій

¹⁾ Характеристика духовно-нравственнаго облика почившаго святителя и его заботы на пользу духовнаго просвѣщенія представлены нами въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Памяти въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, скончавшагося 3 сентября“. Журналъ „Вѣра и Церковь“. Кн. VIII за текущій годъ.

произвестъ *Во блаженномъ успеніи*, пѣвчіе же вмѣсто обычнаго τὸν δεσπότην пропѣли *Вѣчная память*. Послѣ этого тѣло почившаго іерарха было положено на траурный столъ въ той же домово́й церкви. Лицо почившаго святителя было покрыто *воздухомъ*, на тѣло же сверхъ одеждъ положена архіерейская мантия. Въ руки почившаго положенъ крестъ, а на персяхъ св. евангеліе. У стола помѣщены принадлежности архіерейскаго служенія: дикирій, трикирій, свѣчникъ и рипиды; у царскихъ вратъ: посохъ, митра и клобукъ съ бриллиантовымъ крестомъ. Въ седьмомъ часу вечера по усопшемъ Архипастырѣ была совершена Преосвященнымъ Иннокентіемъ, епископомъ Сумскимъ, паннихида соборнѣ съ экономомъ Архіерейскаго Дома, архимандритомъ Іосифомъ, отцомъ ректоромъ семинаріи и редакторомъ журнала „Вѣра и Разумъ“ Протоіереемъ І. П. Знаменскимъ, о. ключаремъ Каѳедральнаго собора, священ. Г. М. Виноградовымъ и друг. священнослужителями. Затѣмъ, по окончаніи паннихиды, у тѣла почившаго Владыки началось чтеніе евангелія. Чтеніе, согласно распоряженію Преосвященнаго Иннокентія, производилось поочередно, по нарочито составленному наряду, всѣми священниками города Харькова. Его Преосвященство самъ прочелъ первыя три главы Евангелія Матѳея.

Въ этотъ же день, т. е. 3 сентября, Преосвященнѣйшій Иннокентій, Епископъ Сумскій, телеграфировалъ Святѣйшему Синоду о смерти Архипастыря. Телеграмма, отправленная на имя первенствующаго члена Святѣйшаго Синода Антонія, Митрополита С.-Петербуржскаго и Ладожскаго, была составлена въ такихъ выраженіяхъ: „Смирннѣйше доношу Святѣйшему Синоду, что сегодня въ четыре часа по полудни волею Божіею на Архіерейской дачѣ тихо скончался, напутствованный Святыми Тайнами, Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій“.

Такого же содержанія телеграммы посланы были въ этотъ день въ Москву Высокопреосвященнѣйшему Владиміру, Митрополиту Московскому и Коломенскому и въ Кіевъ—Высокопреосвященнѣйшему Θεогносту, Митрополиту Кіевскому и Галицкому. Отправлена была также телеграмма съ извѣщеніемъ о смерти Архіепископа Амвросія Г. Оберъ-Прокурору Святѣй-

шаго Синода дѣйст. тайн. сов. Константину Петровичу Побѣдоносцеву ¹⁾).

Вѣсть о смерти любимаго Архипастыря быстро облетѣла весь городъ. Всѣ искренно сожалѣли о смерти старѣйшаго іерарха русской Церкви, знаменитаго церковнаго оратора, рѣдкаго администратора и извѣстнаго благотворителя. Каждый изъ пасомыхъ покойнаго Владыки возносилъ молитвы ко Всевышнему объ упокоеніи души усопшаго въ селеніяхъ праведныхъ!.. Въ городскихъ церквахъ по глубокочтимомъ Архипастырѣ совершались панихиды. Въ семинарію прискорбная вѣсть о смерти Владыки была привезена вернувшимся изъ „Всѣхсвятскаго“ о. ректоромъ семинаріи. Собравшись въ половинѣ девятаго вечера въ свой домовый храмъ, семинарія горячо молилась объ упокоеніи „новопреставленнаго раба Божія

¹⁾ Кроме того Его Пресвященствомъ, Иннокентіемъ, Епископомъ Сумскимъ, Викаріемъ Харьковской Епархіи, посланы были извѣщенія о смерти Владыки Амвросія—Высокопреосвященнымъ: Флавіану, Епарху Грузин, Архіепископу Карталинскому и Кахетинскому; Арсею, Архіепископу Казанскому; Иерониму Архіепископу Холмскому и Варшавскому; Ионафану, архіеп. Ярославскому; Гурію, Архіеп. Новгородскому; Сергію, арх. Владимирскому; Іустину, арх. Одесскому; Модесту, арх. Волинскому; Пресвященнымъ: Виссаріону, епископу Костромскому и Галичскому; Лаврентію, епископу Курскому; Иларіону, епископу Полтавскому и Переяславскому; Симеону, епископу Екатеринославскому и Таганрогскому; Анастасію, епископу Воронежскому и Задонскому и Николаю, епископу Таврическому и Симферопольскому; Никанору, еп. Орловскому; Антонію, еп. Уфимскому; Павлу, еп. Пензенскому; Іоанну, еп. Саратовскому; Петру, еп. Пермскому; Петру, еп. Смоленскому. Текстъ телеграммъ, отправленныхъ іерархамъ былъ слѣдующій: „Долгомъ почитаю сообщить, что третьяго сентября скончался Пресвященный Амвросій, Архіепископъ Харьковскій“.

Были отправлены также Пресвященнѣйшимъ Епископомъ Иннокентіемъ телеграммы всѣмъ Игуменьямъ и настоятелямъ монастырей Харьковской епархіи такого содержанія: „Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій волею Божіею сего третьяго сентября скончался. Предлагаю прибыть для участія въ погребеніи, Поминать въ обители до подробныхъ распоряженій“.

Всѣ о.о. благочинныя Харьковской епархіи извѣщены были Пресвященнѣйшимъ Викаріемъ Харьковской епархіи Епископомъ Иннокентіемъ слѣдующими телеграммами: „Амвросій Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій волею Божіею сего третьяго сентября скончался. Предлагаю извѣстить о томъ немедленно по припадлежности“.

О. смотритель Сумскаго духовнаго училища прот. А. Грузовъ и смотритель Купянскаго духовнаго училища ст. сов. И. И. Григоровичъ были оповѣщены о смерти Харьковскаго Архипастыря телеграммами: „Разрѣшаю четвертое не учебный день. Совершите заупокойную литургію и панихиду по Архіепископѣ Амвросію“. *Слѣдуетъ подпись* Пресвященнѣйшаго Епископа Иннокентія. См. вышеуказанное дѣло Харьк. дух. конст. о смерти Архіеп. Амвросія за № 493.

Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Амвросія“. Совершали паннихиды по почившемъ въ этотъ вечеръ и Харьковское духовное училище и Епархіальное женское училище.

На слѣдующій день, 4 сентября, во всѣхъ церквахъ епархіи были совершены заупокойныя литургіи и паннихиды по скончавшемся Архіепископѣ Амвросіи. Съ соизволенія Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Сумскаго, были совершены заупокойныя литургіи и паннихиды и въ храмѣ при Харьковской духовной семинаріи и въ другихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Харьковской епархіи. Учащіеся были освобождены въ этотъ день отъ уроковъ и горячо молились объ упокоеніи почившаго Владыки, который при своей жизни не щадилъ ни силъ, ни затратъ для духовной школы и духовнаго образованія. У гроба почившаго іерарха въ крестовой церкви заупокойная литургія и паннихида были совершены въ 9 час. утра очереднымъ духовенствомъ. Въ 12 час. дня у праха почившаго Владыки была совершена торжественная паннихида Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи эконома Архіерейскаго Дома, архимандрита Исифа, протоіереевъ: С. Любickaго, Г. Волобуева, П. Солнцева, І. Чижевскаго, А. Оедоровскаго и Н. Оедорова, протодіак. В. Вербickaго и діаконовъ А. Мартьянова и І. Олейникова. Пѣль архіерейскій хоръ подъ управленіемъ г. Ведринскаго. Во время богослуженій дикирій и трикирій, а также рипиды держали діаконы. Поклониться почившему святителю и помолиться о упокоеніи его души явилась такая масса народа, что домовая Церковь не могла вмѣстить и тысячной части его. Толпы народа стояли у открытыхъ дверей церкви и наполняли всѣ аллеи сада. Въ этотъ день во „Всѣхсвятское“ прибыли игумены монастырей Харьковской епархіи, настоятели монастырей: Святогорскаго—архимандритъ Вассіанъ, Ахтырскаго—архимандритъ Алипій и Ряснянскаго—архимандритъ Іовъ. Прибыли также родственники почившаго іерарха—племянникъ почившаго священникъ І. П. Ключаревъ, родственникъ почившаго іерарха священникъ Московской Георгіевской церкви о. Іоаннъ Никольскій и много другихъ. Частныя паннихиды у гроба почившаго Архипастыря совершались почти непрерывно, слѣдующая же общая пани-

хиды была отслужена въ 5 часовъ вечера экономомъ Архіерейскаго Дома, архимандритомъ Іосифомъ въ сослуженіи о.о. протоіеревъ П. Ковалевскаго, П. Иванова, Г. Чеботарева; священниковъ: П. Тимоеева, І. Гончаревскаго и Н. Любарскаго и діаконовъ о. Мартыанова, Хр. Ильяшова и А. Попова. Память почившаго почтили своимъ присутвіемъ за панихидою начальникъ Харьковской губерніи, гофмейстеръ Г. А. Тобизень, командиръ 10 корпуса, генералъ-отъ-кавалеріи В. Ѡ. Винбергъ, городской голова профессоръ А. К. Погорѣлко, начальницы института благородныхъ дѣвиць, женскихъ гимназій и епархіальнаго женскаго училища.

Въ этотъ же день Преосвященный Иннокентій, Епископъ Сумскій, препроводилъ телеграмму на имя Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ дача, гдѣ скончался Архіепископъ Амвросій, отстоитъ отъ Харькова на 5 верстъ, домовая церковь ея крайне тѣсна, между тѣмъ прибываетъ множество народа для поклоненія праху почившаго: то смиреннѣйше прошу Ваше Высокопреосвященство разрѣшить мнѣ, съ подобающею торжественностію, перенести прахъ Архіепископа въ храмъ городскаго Покровскаго монастыря, гдѣ жилъ Архипастыръ, для удобства совершенія панихидъ и поклоненія народа“. На эту телеграмму Его Пресвященствомъ была получена въ тотъ же день отвѣтная: „Перенесеніе тѣла почившаго Владыки въ церковь городскаго Покровскаго монастыря разрѣшается. Митрополитъ Антоній“. Нѣсколько же ранѣе этой телеграммы Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Антоній почтилъ Преосвященнаго Епископа Иннокентія другою телеграммою о томъ, что „совершеніе погребенія почившаго Архіепископа Харьковскаго Амвросія поручено Митрополиту Московскому Владиміру“.

Пятаго сентября, въ среду, совершенно было положеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Архипастыря во гробъ. Гробъ былъ изготовленъ изъ кипариснаго дерева и, по желанію почившаго Владыки, безъ всякихъ украшеній и обивки. Обрядъ положенія во гробъ совершенъ былъ передъ заупокойной литургіей архимандритами и священниками. По положеніи тѣла почившаго

во гробъ, послѣдній былъ поставленъ на траурномъ столѣ и покрытъ архіерейскою мантиею. Первая общая панихида въ этотъ день была совершена въ 12 час. дня о. архимандритомъ Святогорскаго монастыря Вассіаномъ въ сослуженіи прот. І. Левитскаго, священниковъ: Л. Твердохлѣбова, І. Котова, П. Скубачевскаго, Н. Сокольскаго, С. Посельскаго и діаконовъ: І. Олейникова, Хр. Ильяшева и Г. Чебанова. А слѣдующая общая панихида отслужена была въ 5 часовъ вечера. Эту панихиду совершалъ также о. архимандритъ Вассіанъ въ сослуженіи прот. І. Левитскаго іеромонаха Святогорскаго монастыря, кандидата богословія, о. Георгія (Вахнина), кандидата богословія о. Л. И. Твердохлѣбова, духовника семинаріи священника о. Посельскаго, о. П. Скубачевскаго и другихъ, какъ изъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства. Пѣлъ хоръ воспитанниковъ семинаріи. Въ церкви присутствовали г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ М. М. Алексѣенко, инспекторъ Семинаріи, редакторъ журнала „Вѣра и Разумъ“ ст. сов. К. Е. Истомина, воспитанники семинаріи и много другихъ молящихся. Панихиды по усопшемъ Архіепископѣ были совершены въ этотъ день и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ города Харькова. Почитатели почившаго іерарха прислали во „Всѣхсвятское“ много сочувственныхъ телеграммъ. Въ этотъ же день въ состоявшемся засѣданіи городской думы городскимъ головою профессоромъ Харьковскаго Технологическаго Института А. К. Погорѣлко было доведено до свѣдѣнія гласныхъ полученное имъ письмо отъ Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Сумскаго, съ извѣщеніемъ о смерти Архипастыря: „Почитаю долгомъ, писалъ Преосвященный Иннокентій, сообщить скорбную вѣсть, что маститый Архипастырь Харьковской епархіи, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, 3 сего сентября, на архіерейской дачѣ „Всѣхсвятское“, напутствованный Святыми Тайнами, послѣ непродолжительныхъ, но тяжкихъ страданій, мирно скончался. Къ сему считаю необходимымъ присовокупить, что въ Бозѣ почившій Архипастырь почти 19 лѣтъ съ честію управлялъ Харьковской епархіею, являя собою примѣръ Архипастыря ревно-

стнаго, бдительнаго, отзывчиваго ко всякимъ нуждамъ и глубоко назидательнаго въ своемъ словѣ¹⁾). Затѣмъ городской голова обрисовалъ дѣятельность почившаго іерарха на пользу города и между прочимъ указалъ на тѣ пожертвованія, какія были сдѣланы Архипастыремъ на городскія нужды изъ личныхъ суммъ. Почтивъ память почившаго вставаніемъ, представители города рѣшили отправить для участія въ процессіи перенесенія тѣла Іерарха, городское знамя, покрыть крепомъ и зажечь фонари по пути слѣдованія печальной процессіи, явиться въ возможно большемъ количествѣ на перенесеніе и соорудить икону св. Амвросія для городской Николаевской больницы, на которую почившій дѣлалъ большія пожертвованія. Вечеромъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Харьковской епархіи совершены были заупокойныя всенощныя бдѣнія, именуемая „парастасомъ“. Такое же бдѣніе было совершено и при гробѣ почившаго Владыки.

Въ четвергъ, 6 сентября, назначено было перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Амвросія изъ домовой церкви дачи „Всѣхсвятское“ въ кафедральный Харьковскій соборъ. Церемоніаль перенесенія былъ утвержденъ Преосвященнѣйшимъ Викаріемъ Харьковской епархіи Иннокентіемъ, Епископомъ Сумскимъ. Утромъ въ этотъ день во всѣхъ церквахъ епархіи и въ домовой церкви „Всѣхсвятскаго“ были совершены заупокойныя литургіи, а затѣмъ паннихиды по почившемъ Архипастырѣ. Въ храмѣ при Харьковской духовной семинаріи, заупокойную литургію и паннихиду совершалъ пользующійся общимъ уваженіемъ, почтенный о. духовникъ семинаріи священ. С. М. Посельскій. Предъ паннихидой о. духовникъ обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ въ храмѣ воспитанникамъ семинаріи и постороннимъ молящимся съ живымъ словомъ приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Благочестивые слушатели! Господь нашъ Іисусъ Христосъ, изображая счастливую долю тѣхъ людей, которымъ довелось

¹⁾ Такия же сообщенія о смерти святителя Амвросія были посланы отъ 4-го сентября Его Преосвященствомъ Пиноентіемъ, епископомъ Сумскимъ, г. Харьковскому губернатору, гофмейстеру Г. А. Тобизену и всѣмъ представителямъ правительственныхъ учрежденій.

быть современниками и очевидцами Его дѣятельности для спасенія рода человѣческаго, сказалъ о нихъ: „*Блаженни очи, видящии, яже видите. Глаголю бо вамъ, яко мнози пророцы и царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша и слышати, яже слышите, и не слышаша*“ (Лук. 10, 23. 24). Они были блаженны потому, что были очевидцами единственнаго въ исторіи человѣчества событія,—воплощенія Бога въ видимомъ человѣческомъ образѣ, и въ этомъ воплощеніи представлявшаго собою столь совершенное сочетаніе красоты человѣческой природы и Божественной святости, всемогущества и славы, что одинъ изъ ближайшихъ очевидцевъ его, восхищенный однажды необыкновенною красотой видѣннаго, воскликнулъ: „*Господи, добро есть намъ здѣ быти*“ (Мр. 9, 5). Они были блаженны и потому, что непосредственно ушами своими слушали слово, исходящее изъ устъ Божіихъ, слово столь дѣйственное, умилятельное и такъ трогавшее и улаживавшее сердце, что слышавшіе его восклицали Господу: „*Блаженно чрево носившее Тя*.. (Лук. 11, 27). Были они блаженны и потому, что среди нихъ находились тысячи тѣхъ людей, на которыхъ изливались дѣла любви Божіей, которые, прибѣгая къ Нему въ своихъ нуждахъ, удостоились слышать отъ Него: „*Иди, и якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ*“ (Мѡ. 8, 13).

По скольку дѣла Воплощеннаго Бога превосходятъ силою и величіемъ дѣла людей, по стольку и мы не можемъ сравняться въ блаженствѣ съ тѣми, которые были свидѣтелями и очевидцами дѣлъ и ученія Господа Іисуса Христа. Но поскольку, въ ряду дѣлъ человѣческихъ, дѣла одного человѣка лучше и благороднѣе дѣлъ другого, поскольку онѣ могутъ составить счастье тѣхъ, среди кого и для кого онѣ совершаются, постольку и мы можемъ считать себя блаженными,—именно потому, что были свидѣтелями и очевидцами архипастырской дѣятельности въ Бозѣ почившаго Владыки нашего, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Амвросія, протекшей среди насъ и ближайшимъ образомъ для насъ,—чадѣ его паствы. Эго наше счастье окончилось со смертію Архипастыря, въ немъ мы потеряли и нашу славу, и нашего благодѣтеля; и чѣмъ тяжелѣе наша утрата, тѣмъ чаще наша мысль останавливается на томъ,

что мы потеряли! Въ предлагаемомъ вамъ, возлюбленные юноши, словѣ, мы не имѣемъ ввиду представить полную картину дѣятельности почившаго или обрисовать полный характеръ его обаятельной личности,—и то, и другое потребовало бы отъ насъ очень много свѣдѣній, труда и времени. Цѣль наша—напоминаніемъ его имени и указаніемъ на самыя выдающіяся и общеизвѣстныя его дѣла, вызвать у васъ представленіе его личности, чтобы вы усерднѣе помолились о упокоеніи его души и съ большей готовностью приняли участіе въ перенесеніи тѣла почившаго изъ дачи „Всѣхсвятское“ въ Кафедральный соборъ. Итакъ, остановимся только на томъ, что всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что очи наши видѣли и уши слышали, и изъ этого общеизвѣстнаго—на томъ, что поможетъ намъ вспомнить смущенная тяжкимъ событіемъ память.

Въ своей архипастырской дѣятельности почившій Владыка нашъ былъ совершеннымъ исполнителемъ завѣта Христова, даннаго Апостоламъ: *„Такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ“* (Мѡ. V, 16). Для выполненія этого завѣта онъ получилъ отъ Господа особая дарованія: глубокій умъ, сильное слово и доброе сердце. Слава о немъ, какъ о мудромъ, глубокообразованномъ человѣкѣ и знаменитомъ церковномъ проповѣдникѣ была извѣстна далеко за предѣлами нашего отечества. Слово его, не только со властію, но и съ силою апостольскою, облетало всѣ концы образованнаго міра, разнося съ собою свѣтъ вѣры христіанской и вездѣ приобрѣтая почитателей проповѣднику. Многіе изъ нашихъ соотечественниковъ несомнѣнно завидовали намъ въ томъ, что мы могли слушать слова Архипастыря непосредственно изъ его устъ и видѣть среди насъ самаго проповѣдника. А мы, припоминая то высокое духовное наслажденіе, какое испытывали при слушаніи его рѣчей, и обаяніе, какое производила на насъ его личность, скажемъ отъ себя, что зависть эта была не напрасна.. Съ цѣлью большаго распространенія и уясненія истинъ Христовой вѣры, почившій Архипастырь дѣятельно заботился объ извѣстномъ вамъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, издающемся при нашей семинаріи. Журналъ этотъ подъ ру-

ководствомъ Владыки и своимъ строго православнымъ направлениемъ, серьезностью статей и литературными силами давно стяжалъ себѣ самое видное мѣсто въ современной богословской и философской литературѣ. Въ своихъ заботахъ о духовномъ преуспѣяніи своей паствы и удовлетвореніи ея религиозныхъ потребностей, Владыка открылъ много новыхъ или закрытыхъ до него приходоѡвъ. Не говоря уже о всей епархіи, — одинъ городъ Харьковъ при святителѣ Амвросіи украсился почти половиною новыхъ прекрасныхъ храмовъ Божіихъ и почти всѣ храмы обновлены, расшплены и приведены въ благолѣпный видъ. Нѣкоторые изъ вновь выстроенныхъ храмовъ не дождались чести быть имъ освященными; видно, — Господь, полагающій всему мѣру и предѣлъ, въ своемъ праведномъ судѣ положилъ, что и совершеннаго почившимъ достаточно для полученія уготованнаго ему небеснаго вѣнца.

Другою стороною дѣятельности почившаго Архипастыря было выполненіе заповѣди Христовой о любви къ ближнимъ. Дѣла его любви простирались на всю епархію, но особенно его доброе сердце было занято заботами объ улучшеніи положенія подвѣдомственнаго ему духовенства; онъ обезпечилъ нашу старость учрежденіемъ эмеритальной кассы, далъ приютъ нашимъ сиротамъ и вдовамъ. Но первое мѣсто въ этихъ заботахъ занимали духовно-учебныя заведенія епархіи. Мало найдется у насъ въ Россіи епархій, гдѣ бы учащіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ пользовались такими удобствами помѣщенія, содержанія, воспитанія и обученія, какими окружилъ васъ почившій Архипастырь... Благъ и добръ для всѣхъ, онъ былъ необыкновенно снисходителенъ и участливъ къ несчастнымъ.

Столь добрый и чуткій къ нуждамъ другихъ, въ своей частной жизни почившій Владыка былъ весьма простъ и строгъ къ себѣ; въ своей домашней жизни онъ не любилъ принимать ничьихъ услугъ; не заставлялъ онъ никого долго ждать своей очереди, чтобы изложить ему свою нужду или испросить его мудраго совѣта; къ нему былъ открытъ доступъ каждому и во всякое время. Въ этомъ отношеніи, имѣя въ виду его преклонный возрастъ, можно сказать о немъ, что онъ не жалѣлъ себя. Его деликатность въ отношеніи къ другимъ особенно ярко проявилась

въ послѣдніе часы его жизни: почувствовавши себя плохо ночью, онъ не рѣшился разбудить своего келейника, и только дождавшись урочнаго часа, когда обыкновенно вставалъ, позвалъ его къ себѣ и сказалъ, что чувствовалъ себя плохо всю ночь. Этимъ терпѣніемъ онъ можетъ быть даже ускорилъ свою кончину.

Такъ свѣтилъ среди насъ этотъ свѣтильникъ Христовой вѣры, и такія онъ явилъ намъ свои дѣла. И за это Господь даровалъ ему долгую жизнь и христіанскую кончину. Что можетъ быть лучше, какъ предвидѣть свою смерть, достойно къ ней приготовиться и, когда наступилъ часъ ея, не чувствовать ея болѣзненности, что и было съ почившимъ.

И теперь, отходя ко Господу, онъ можетъ сказать о себѣ: *„Господи, пять талантъ мѣ еси предалъ: се другіе пять талантъ приобрѣтохъ ими. (Мѣ. 25, 20).* И мы вѣримъ и надѣемся, что Господь, праведный мздовоздатель, у Котораго не останется безъ награды и *едина чаша студены воды*, поданная во имя Его, видя столь многія и великія дѣла, совершенныя почившимъ Архипастыремъ во славу имени Божія и во благо ближнихъ, встрѣтитъ его радостнымъ привѣтствіемъ: *Добръ, рабе благодѣ и вѣрный, о малъ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего (Мѣ. 25, 21).* Почившій же Архипастырь нашъ, всегда болѣе заботившійся о благѣ другихъ, нежели о своемъ, своими архипастырскими молитвами испросить у Господа и для насъ эту радость въ небесныхъ обителяхъ, когда придетъ очередь и намъ явиться въ то мѣсто.

Помолимся же, благочестивые слушатели, о почившемъ, да проститъ ему Господь всякое прегрѣшеніе вольное и невольное, да упокоитъ душу его вмѣстѣ со святыми своими и да сотворитъ ему вѣчную память. Аминь“.

Это слово о. Сергія произвело глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Оно вполне выражало скорбныя чувства и мысли всѣхъ присутствовавшихъ въ семинарскомъ храмѣ.

Съ девяти часовымъ поѣздомъ въ этотъ день изволилъ прибыть въ Харьковъ нелицемѣрный почитатель почившаго іерарха, Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, Митрополитъ Москов-

скій и Коломенскій, коему поручено было Святѣйшимъ Синодомъ, какъ мы видѣли изъ вышеприведенной телеграммы Митрополита Антонія, совершить чинъ погребенія надъ усопшимъ. Встрѣченный на вокзалѣ Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, епископомъ Сумскимъ, губернаторомъ, гофмейстеромъ Г. А. Тобизенъ, архимандритами монастырей Харьковской епархіи, ректоромъ семинаріи, прот. І. П. Знаменскимъ, городскимъ головой, профес. А. К. Погорѣлко, членами и секретаремъ консисторіи, и мног. др. лицами, первосвятитель Московскій отбылъ со станціи въ Каѳедральный соборъ, гдѣ, по обычному чину, сдѣлана была встрѣча, а затѣмъ—въ архіерейскіе покои. Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о перенесеніи тѣла почившаго Архипастыря въ соборъ и утвердилъ представленный преосв. Иннокентіемъ „порядокъ“ погребенія почившаго, назначивъ днемъ погребенія 7-е число. Начало перенесенія тѣла почившаго іерарха назначено было по церемоніалу въ 2¹/₂ час. пополудни. Къ этому времени архіерейскій домъ во „Всѣхсвятскомъ“ началъ наполняться архимандритами и игуменіями монастырей Харьковской епархіи, городскимъ и иногороднимъ духовенствомъ, представителями общественныхъ учрежденій г. Харькова и др. лицами, имѣвшими принять участіе въ печальной процессіи. Прилегающій къ архіерейской дачѣ спускъ заняли воспитанники духовной семинаріи и друг. учебныхъ заведеній и масса народа. Въ началѣ третьяго часа пополудни прибылъ во „Всѣхсвятское“ Преосвященнѣйшій Иннокентій, епископъ Сумскій. Въ 2 часа 25 мин. изволилъ прибыть Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій. Облачившись въ бѣлыя одежды, Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, въ сослуженіи съ викаріемъ Харьковской епархіи и многочисленнымъ духовенствомъ, которое было облачено въ одежды изъ золотой парчи, совершилъ литію, послѣ чего гробъ съ почившимъ Владыкою былъ вынесенъ на рукахъ архимандритами и старшими протоіереями изъ церкви и поставленъ на бѣлыя съ золотыми инструктаціями носилки, а сверху покрытъ архіерейской мантией. Затѣмъ процессія направилась по пути въ Харьковъ. Впереди процессіи шель стихарный псаломщикъ съ фонаремъ,

за нимъ стихарный же псаломщикъ съ запрестольнымъ крестомъ, далѣе было несено городское знамя, потомъ шли хоругвеносцы съ четырьмя хоругвями отъ Покровскаго монастыря и четырьмя отъ кафедральнаго собора по два въ рядъ, на разстояніи сажени одна пара отъ другой. Между первыми двумя парами и послѣдними несена была крышка гроба четырьмя діаконами на плечахъ. Далѣе шло нѣсколько сотъ ученицъ и учениковъ церковно-приходскихъ школъ по шести человекъ въ рядъ; каждая школа съ своимъ учителемъ. За учениками церковно-приходскихъ школъ шли ученики Харьковскаго духовнаго училища по шести въ рядъ, въ сопровожденіи смотрителя училища ст. сов. А. А. Снегирева, наставниковъ и воспитателей. Затѣмъ шли въ сопровожденіи инспекціи и преподавателей воспитаники духовной семинаріи по пяти въ рядъ. За ними шель семинарскій хоръ въ полномъ составѣ. Далѣе іеромонахъ несъ клубокъ съ брилліантовымъ крестомъ и четки почившаго Владыки, имѣя по правую сторону жезлоносца съ жезломъ, а по лѣвую—свѣщеносца со свѣчею. За ними діаконъ несъ митру и малый омофоръ на блюдѣ, имѣя по сторонамъ двухъ діаконѳвъ съ кадилами. Далѣе слѣдовали депутація городской думы во главѣ съ городскимъ головою, Проф. А. К. Погорѣлко, чины консисторіи съ секретаремъ консисторіи И. М. Вещуровымъ, церковные старосты, волостные старшины и др. Затѣмъ шли діаконѳвъ въ стихаряхъ по два въ рядъ. За ними—архіерейскій хоръ въ нарядной формѣ, въ полномъ составѣ подъ управленіемъ регента г. Ведринскаго. Далѣе—іеромонахи, священники, протоіерен и архимандриты по два въ рядъ, младшіе впереди, при чемъ послѣдніе на шести подушкахъ несли ордена почившаго. Затѣмъ шествовали всю дорогу Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Московскій и Коломенскій Владиміръ и съ лѣвой его стороны—Преосвященнѣйшій викарій Харьковской епархіи Иннокентій, Епископъ Сумскій. Впереди святителей шель протодіаконъ о. Вербицкій, а иподіаконѳвъ несли дикирій и трикирій. Далѣе,—духовникъ почившаго іерарха іеромонахъ о. Аванасій съ иконой, а затѣмъ два діаконѳвъ съ кадилами предъ самыми носилками съ гробомъ почившаго Архипастыря. По сторонамъ гроба шли двѣ пары

діаконовъ съ рипидами, а впереди ихъ два діакона съ дикиріемъ и трикиріемъ. Гробъ съ тѣломъ почившаго святителя сопровождали родственники и многочисленные почитатели, а также представители власти. Наконецъ слѣдовалъ бѣлый катафалкъ о 8 лошадахъ покрытыхъ черными попонами. Процессію сопровождали казаки, длинный рядъ экипажей и тысячи народа.

Тихо, величественно, возвышенно-умпнительно было шествіе печальной процессіи! Скорбитъ сердце сопровождающихъ эту печальную процессію и рука ихъ сама поднимается для совершенія крестнаго знаменія. Ясно слышенъ лишь стройный, но печальный напѣвъ ирмосовъ канона св. Андрея Критскаго. Въ эти достопамятныя минуты человѣкомъ яснѣе сознается чувство собственнаго безсилія предъ неисповѣдимыми опредѣленіями Всевышняго... Но вотъ процессія приближается къ городскому предмѣстью, ее встрѣчаютъ новыя массы народа, и этотъ народъ благоговѣнно осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и отдаетъ послѣдній прощально-молитвенный поклонъ гробу любимаго Архипастыря. У городского предмѣстья шествіе пріостанавливается: совершается литія. Раздается ясный, кроткій возгласъ святителя: *„Благословенъ Богъ нашъ“!*—*„Со духи праведныхъ скончавшихся душу раба Твоего, Спасе, упокой... Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему новопреставленному Архіепископу Амвросію и сотвори ему вѣчную память“.* Набожно крестится духовенство, набожно крестится народъ и процессія трогается далѣе...

Пройдя Всѣхсвятскую и Залютинскую улицы, процессія поворачиваетъ на Екатеринославскую улицу и останавливается противъ Озерянской Церкви. Здѣсь процессію ожидали начальникъ Харьковской губерніи, гофмейстеръ Г. А. Тобизенъ, командиръ 10 корпуса генераль-отъ-кавалеріи В. Ѳ. Винбергъ, попечитель Харьковского учебнаго округа, тайный совѣтникъ М. М. Алексѣенко, предсѣдатель судебной палаты А. А. Чернявскій, предсѣдатель окружнаго суда В. В. Ненарочкинъ, генералитетъ и др. представители правительственныхъ учреждений. По совершеніи литіи, процессія слѣдуетъ далѣе. На протяженіи

всей дороги стояли на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга верховые полицейскіе для поддержанія порядка. Весь спускъ по Холодной горѣ и всѣ тротуары и перекрестки улицъ были сплошь заняты народомъ, который образовалъ собою какъ бы двѣ сплошныя стѣны. Кромѣ того, публика занимала балконы и окна; ею были унизаны даже заборы и крыши домовъ. Но не смотря на такое множество народа, все время царилъ полнѣйшій порядокъ. Слѣдующая остановка для совершенія литіи по пути шествія была при спускѣ съ Холодной горы, противъ 3-й пожарной части. Здѣсь процессія увеличилась присоединеніемъ къ ней воспитанницъ Епархіальнаго женскаго училища, ставшихъ, во главѣ съ своей начальницей Е. Н. Гейцигъ и классными дамами, между учениками духовнаго училища и воспитанниками семинаріи. Затѣмъ во время шествія по Екатеринославской улицѣ были совершены еще литіи: противъ Дмитріевской церкви, противъ Благовѣщенской и Христорождественской церквей и у часовни; противъ Университетской горки. Чѣмъ ближе подвигалась процессія къ Каѳедральному собору, тѣмъ перезвонъ съ величественной колокольни собора, начавшійся еще со времени выступленія процессіи изъ „Всѣхсвятскаго“, становился все явственнѣе и явственнѣе и заглушалъ собою печальный благовѣстъ съ колоколенъ другихъ церквей города. Около Университетской горки къ процессіи присоединились воспитанники Коммерческаго училища во главѣ съ ихъ г.г. директоромъ, инспекторомъ и воспитателями. На Павловской и Соборной площадяхъ процессія была встрѣчена хорами военной музыки, игравшими „Коль Славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, причемъ, когда траурное шествіе подходило къ хору, онъ смолкалъ, а вмѣсто него начиналъ играть слѣдующій, благодаря чему печальная музыка звучала съ рѣдкой торжественностью. Противъ Университетской церкви была отслужена литія, а затѣмъ процессія приблизилась къ Каѳедральному собору. Здѣсь она была встрѣчена братіей монастырей Покровскаго и Куряжскаго съ игуменомъ Іоанникіемъ во главѣ, поднесшимъ митрополиту св. крестъ. Противъ собора стояли шпадерами войска, усиленный нарядъ полиціи и множество народа. Принимавшіе участіе въ процессіи воспитанники и воспитанницы

учебныхъ заведеній проходили по направленію къ мужскому духовному училищу и затѣмъ расходились по домамъ. Въ 5 час. 40 мин. по полудни гробъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Архіепископа Амвросія, по совершеніи литіи у собора, былъ внесень въ соборъ ¹⁾ и поставлень противъ царскихъ вратъ на приготовленномъ возвышеніи. Сейчасъ же началась торжественная панихида, при участіи архіереевъ и всего благаго и чернаго духовенства, принимавшихъ участіе въ описанной процессіи перенесенія тѣла Архіепископа Амвросія.

Въ седьмомъ часу вечера въ кафедральномъ соборѣ было совершено у гроба почившаго іерарха Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, епископомъ Сумскимъ, заупокойное всеобщее бдѣніе. Таковыя же бдѣнія были совершены и во всѣхъ церквахъ города Харькова. Затѣмъ, по окончаніи всеобщаго бдѣнія, въ Кафедральномъ соборѣ, у гроба почившаго іерарха, продолжалось чтеніе св. Евангелія. Всю ночь соборъ былъ переполненъ массою людей, безропотно ожидавшихъ своей очереди поцѣловать на прощаніе десницу любимаго іерарха— „проститься съ нимъ“.

Утромъ седьмого сентября въ лѣвомъ придѣлѣ Кафедральнаго собора во имя Св. Великомученицы Екатерины совершена была заупокойная божественная литургія. Литургію совершали: протоіерей Купянскаго собора о. Левандовскій, свящ. Гончаревскій, свящ. Клячный и діаконъ Ильшевъ. Пѣснопѣнія стройно исполняли хоръ воспитанницъ Епархіальнаго женскаго училища. Воспитанницы, не принимавшія участія въ пѣніи, стояли по правую сторону гроба, во главѣ съ ихъ начальницей Е. Н. Гейцыгъ, преподавательницами, классными дамами и воспитательницами. Съ лѣвой же стороны во время литургіи продолжали подходить горожане для прощанія съ почившимъ святителемъ. По окончаніи литургіи совершена была панихида также при пѣніи хора

¹⁾ Первоначально, согласно утвержденному Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Иннокентіемъ, церемоніалу, предполагалось перенести гробъ съ тѣломъ почившаго Архіепископа изъ „Всѣхсвятскаго“ въ Покровскій монастырь. Но затѣмъ этотъ церемоніаль былъ измѣненъ и; для большаго удобства совершенія панихидъ и прощанія народа, гробъ былъ перенесень въ Кафедральный соборъ, гораздо большій по своимъ размѣрамъ храма Покровскаго монастыря.

воспитанницъ. Въ служеніи паннихиды принимали участіе, помимо совершавшихъ литургію, еще свящ. Н. Любарскій и о. Тимоѣевъ. Предъ началомъ паннихиды свящ. о. Николай Любарскій обратился къ присутствовавшимъ въ соборѣ съ рѣчью приблизительно такого содержанія:

„Любовь и уваженіе къ тебѣ, почившій нашъ Архипастырь, собрали насъ въ этотъ св. храмъ, чтобы всѣмъ намъ вмѣстѣ вознести молитвы ко Всевышнему объ упокоеніи твоей души. Но прежде молитвы позволь мнѣ обратиться къ тебѣ, незабвенный нашъ Архипастырь, съ краткой рѣчью. Тяжелую утрату понесли всѣ мы, лишившись тебя; тяжело разставаться навѣки съ тобою всѣмъ намъ—твоимъ пасомымъ; но особенно тяжела эта утрата для тѣхъ многочисленныхъ дѣтей, которыя окружаютъ твой гробъ въ настоящую минуту; съ великою скорбію расстаются съ тобою воспитанницы Епархіальнаго женскаго училища, которыхъ ты особенно любилъ и о которыхъ ты въ теченіе девятнадцати лѣтъ заботился такъ, какъ только можетъ заботиться отецъ о своихъ любимыхъ дѣтяхъ. Воспитанницы любили тебя и любили искренно, какъ своего отца. И эта любовь вынуждаетъ меня отъ лица ихъ высказать тебѣ въ эти послѣднія минуты посвѣдную дань благодарности за всѣ твои заботы о нихъ и о воспитывающемъ ихъ училищѣ. Знаю, что мое слабое и неискусное слово бессильно въ достойной мѣрѣ изобразить силу этой любви; знаю что ты теперь не нуждаешься ни въ какой благодарности; знаю, что при гробѣ мѣсто не разглагольствованію, а молитвѣ, слезамъ и безмолвію; знаю наконецъ, и то, что ты и при жизни не одобрялъ надгробныхъ рѣчей; все это я знаю, но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь говорить, потому что *отъ избытка сердца глаголетъ уста* (Мѣ. XII, 34).

Время твоего управленія Харьковскою паствою безспорно было счастливѣйшимъ временемъ въ жизни Епархіальнаго женскаго училища. Девятнадцать лѣтъ тому назадъ ты прибылъ въ нашъ городъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышаются обширные корпуса училища, было, собственно говоря, одно довольно старое зданіе съ такими же надворными постройками и больничныи корпусъ. Это и было Епархіальное

женское училище. Число учащихся въ немъ едва вмѣщалось до 300 душъ, матеріальныя средства его были довольно ограниченныя, служащіе мало были обеспечены и потому часто оставляли свою службу, въ учебно-воспитательныхъ средствахъ постоянно чувствовался недостатокъ... Но вотъ прошло 19 лѣтъ... и что мы видимъ? Выстроено два обширныхъ трехъ-этажныхъ корпуса, устроенъ въ одномъ ихъ нѣхъ просторный, свѣтлый храмъ. Число учащихся увеличилось ровно вдвое, матеріальныя средства тоже удвоились, положеніе служащихъ вполнѣ обеспечено не только во время ихъ службы, но и по выходѣ ихъ изъ училища. И всѣмъ этимъ училище обязано всецѣло твоимъ отеческимъ заботамъ, ибо ты въ теченіе девятнадцати лѣтъ постоянно удѣлялъ, не смотря на трудность и многосложность своихъ обязанностей по управленію епархіею, особенное вниманіе этому училищу; ты любилъ это училище, внималъ во всѣ его нужды и жилъ его радостями и печальми. Ты всегда отечески заботился о правильной постановкѣ въ этомъ училищѣ учебно-воспитательнаго дѣла, особенно же—о развитіи въ воспитанницахъ религіозно-нравственнаго чувства. И твои заботы увѣнчались успѣхомъ: училище это въ настоящее время, какъ свидѣтельствовали объ этомъ посѣщавшіе его ревизоры, поставлено на должную высоту какъ въ матеріальномъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ отношеніяхъ. И всѣ мы—начальствующіе, учащіе и учащіеся въ училищѣ сознавали твои заслуги для этого училища, глубоко цѣнили ихъ и постоянно относились къ тебѣ съ искреннею, сыновнею благодарностью. Твои нерѣдкія посѣщенія училища были настоящими праздниками для всѣхъ насъ, особенно же для воспитанницъ. Онѣ всегда встрѣчали тебя не со страхомъ, какъ строгаго начальника, но съ радостію, какъ любимаго отца и благодѣтеля. Твои посѣщенія были для нихъ всегда столь желанными, что дни этихъ посѣщеній онѣ считали днями особаго торжества!

Моя краткая рѣчь была бы не полна, еслибы я не сказалъ еще, что ты простиралъ свои отеческія заботы о воспитанницахъ не только во время ихъ обученія въ училищѣ, но и по выходѣ ихъ изъ него. Мы знаемъ, что воспитанницы и по окончаніи курса всегда пользовались твоимъ особеннымъ внима-

ніемъ; и всѣ тѣ, которыя обращались къ тебѣ съ своими просьбами, искали у тебя помощи, защиты и совѣта, всегда выходили отъ тебя одобренными, утѣшенными и успокоенными. Особенно же ты заботился о бѣдныхъ и сиротахъ—бывшихъ воспитанницахъ нашего училища и сколько ихъ пристроено тобою и обезпечено на всю жизнь!... Намъ извѣстно, съ какимъ благоговѣніемъ, съ какою сердечною благодарностью всегда вспоминаютъ бывшія воспитанницы твое дорогое для нихъ имя, и какія горячія молитвы возносятъ онѣ за своего милостиваго Архипастыря, отца и благодѣтеля! И все, что я говорю,—не слова лести, а сущая правда; во свидѣтели призываю этихъ, дорогихъ твоему сердцу, питомицъ училища и бывшихъ и настоящихъ: ихъ много здѣсь—около дорогого для нихъ праха твоего; онѣ собрались, чтобы отдать тебѣ послѣдній долгъ.

Какую же мы выразимъ тебѣ благодарность, незабвенный нашъ Архипастырь, за все, что сдѣлалъ ты добраго для нашего училища—теперь, когда видимъ только твои бранныя останки во гробѣ? И что скажешь ты намъ, своимъ дѣтямъ, удрученнымъ великою сердечною скорбью, потерявшимъ тебя на вѣки и оставшимся безъ твоего отцовскаго слова? Ты мертвъ—не слышишь, не видишь и безмолствуешь; для тебя чужды теперь всѣ наши слезы и воздыханія по тебѣ, чужды для тебя и всѣ наши благодарности, такъ какъ онѣ нужны для сего міра, а не для тебя, принадлежащаго теперь жизни вѣчной—небесной. Ты мертвъ и безмолствуешь, но только тѣломъ; душа твоя жива: она витаетъ около насъ, видитъ наши скорбныя лица и слышитъ всѣ наши воздыханія. Мы слышимъ ея голосъ, слышимъ и понимаемъ: онѣ говоритъ намъ не привѣтствія за искреннія слова, а умоляетъ насъ—просить Господа о дарованіи ей, душѣ новопредставленнаго Архіепископа Амвросія, вѣчной тишины, вѣчнаго покоя и вѣчнаго блаженства. *„Молю всѣхъ знаемыхъ и друзей моихъ, говоришь ты устами церкви, помяните мя предъ Господемъ, яко да въ день судный обрящу милость на судищи ономъ страшномъ и да не изведенъ буду по грѣхоумъ моимъ на мѣсто мученія, но да вчиненъ буду идѣже свѣтъ животный“*. Вотъ о чемъ ты теперь просишь. И мы молимся здѣсь, молимся

всѣ: и осиротѣвшія твои дѣтя, и удрученныя печалью начальствующія и учащія либимаго тобою училища; и молимся мы не только теперь, но и будемъ молиться всегда—пока будемъ живы. Пройдутъ годы, пройдутъ десятки лѣтъ, пройдутъ поколѣнія, и время постепенно изгладитъ память о тебѣ среди новыхъ поколѣній. Но молитва о тебѣ не прекратится; это молитва св. Церкви. Такая молитва всегда будетъ возноситься въ созданномъ твоими заботами училищномъ храмѣ. Священнослужитель, совершая церковныя службы въ этомъ храмѣ, не преминетъ вспомнать имя раба Божія Архіепископа Амвросія предъ престоломъ Божиимъ, какъ строителя и благодѣтеля храма сего. И эти-то молитвы будутъ проливать благодатную отраду на твою душу до того часа, когда *все сущи во гробѣхъ услышатъ гласъ сына Божія и, услышавше, оживутъ* (Іоан. 5, 25).

Прости же, почившій нашъ Архипастырь и благодѣтель! Ты окончилъ уже подвигъ своей многотрудной жизни; мы еще продолжаемъ его и должны готовиться къ исходу изъ этой жизни. Провожая тебя въ міръ вѣчный, мы имѣемъ надежду на твое безсмертіе, будущее воскресеніе и милостивое принятіе тебя отцемъ вѣчнымъ; залогомъ этой надежды служить для насъ твоя истинно-христіанская жизнь и тѣ спасительныя таинства нашей церкви, которыми напутствованъ ты въ жизнь вѣчную.

Помолимся же объ упокоеніи души новопреставленнаго раба Божія, незабвеннаго нашего Архипастыря, Архіепископа Амвросія“. Аминь.

Панихида окончилась въ началѣ девятого часа утра.

Въ половинѣ девятого часа утра въ соборъ прибыли старшіе классы воспитанниковъ духовной семинаріи и духовнаго мужскаго училища съ своими преподавателями и инспекціей. Для воспитанниковъ младшихъ классовъ совершены были заупокойныя литургіи и панихиды по скончавшемся іерархѣ въ домовыхъ церквахъ семинаріи и училища. Прибывшіе въ соборъ воспитанники заняли лѣвый придѣлъ и расположились въ такомъ порядкѣ: духовная семинарія, впереди ея—духовное училище, а впереди его епархіальное жен-

ское училище. Въ девять часовъ утра раздался благовѣстъ къ божественной литургіи. Соборъ началъ наполняться начальствующими лицами, родственниками почившаго іерарха и др. Прибывшимъ затѣмъ изъ архіерейскихъ покоевъ Покровскаго монастыря первоіерархомъ русской церкви Высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ, Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ въ сослуженіи Преосвященнѣйшаго Иннокентія, епископа Сумскаго, викарія Харьковской епархіи, архимандритовъ: Вассіана, настоятеля Святогорскаго монастыря, Алипія, настоятеля Ахтырскаго монастыря, Іосифа, эконома Архіерейскаго Дома, Іова, настоятеля Ряснянскаго монастыря, протоіереевъ: І. П. Знаменскаго, ректора Харьковской духовной семинаріи, каѳедральнаго прот. С. Любичкаго, благочиннаго городскихъ церквей прот. П. Полтавцева, ключаря собора свящ. Г. М. Виноградова и родственниковъ почившаго священниковъ І. П. Ключарева и о. І. Никольскаго совершена была заупокойная литургія. Архіерейскій хоръ пѣлъ на два клироса. Въ числѣ молящихся присутствовали почитатели памяти почившаго владыки: начальникъ губерніи, гофмейстеръ Г. А. Тобязенъ, командиръ 10-го армейскаго корпуса, генераль-отъ-кавалеріи В. Ѳ. Винбергъ, попечитель Харьковскаго учебнаго округа М. М. Алексѣенко, городской голова профес. А. К. Погорьлко, генералитетъ, купеческій староста И. К. Величенко, управляющіе отдѣльными частями, командиры расположенныхъ въ г. Харьковѣ полковъ и батальоновъ, представители правительственныхъ учрежденій и другія начальствующія лица. Въмѣсто причастнаго стиха, профессоръ Харьковскаго Императорскаго Университета протоіерей Т. И. Буткевичъ произнесъ глубоко-назидательное слово. Взявъ, согласно волѣ почившаго Архипастыря, текстъ 23 ст., 36 пс.—*отъ Господа стопы челоуѣку исправляются*—о. Профессоръ, пользовавшійся особенною, истинно отеческою любовію почившаго, остановилъ свое вниманіе на служеніи усопшаго святителя *словомъ* и обстоятельно описалъ эту дѣятельность святителя въ бытность его сначала священникомъ, а затѣмъ—святителемъ Дмитровскимъ и наконецъ Архипастыремъ Харьковскимъ ¹⁾. Болѣе

¹⁾ Это слово напечатано въ книжкѣ № 17 журнала „Вѣра и Разумъ“ за текущій годъ.

ни словъ, ни рѣчей, согласно волѣ почившаго, не было произнесено какъ при отиѣваніи, такъ и при погребеніи.

По окончаніи литургіи Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Владиміръ, Преосвященнѣйшій епископъ Иннокентій и многочисленное духовенство (болѣе ста человекъ) вышли на средину храма и заняли свои мѣста. Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ произнесъ: „Благословенъ Богъ нашъ“ и—началось продолжительное и умиленное погребеніе, по чину погребенія священниковъ. Въ это время на колокольняхъ Каедральнаго собора и затѣмъ всѣхъ городскихъ церквей начался перезвонъ и продолжался все время совершенія погребенія и послѣдующаго за симъ перенесенія тѣла въ Покровскій монастырь. Трогательные и умиленные тропари, сѣдальны и аллилуіарныя стихиры, положенныя въ чинѣ священническаго погребенія, отчетливо и выразительно читалъ ключарь собора свящ. о. Гр. М. Виноградовъ. Всѣ пять Евангелій были читаны по очереди Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Владиміромъ и Преосвященнѣйшимъ епископомъ Иннокентіемъ. Канонъ былъ читанъ Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ. Послѣ канона была прочитана Владыкою митрополитомъ разрѣшительная молитва и затѣмъ послѣдняя вложена была въ руки почившаго. При прощаніи съ почившимъ, какъ іерархи, такъ и все сослужившее имъ духовенство, кланялись земно и цѣловали руку и чело почившаго. Затѣмъ гробъ съ останками святителя въ 2 часа 40 мин. пополудни былъ торжественно поднятъ священнослужителями и вынесенъ изъ Каедральнаго собора. Около собора и до зданія духовной консисторіи стояли густыя толпы народа. Но, благодаря принятымъ мѣрамъ, порядокъ былъ образцовый.

Погребальное шествіе изъ Каедральнаго собора въ Покровскій монастырь для преданія тѣла почившаго землѣ, было въ томъ же порядкѣ, какъ и при перенесеніи тѣла съ дачи „Всѣхсвятское“. По выносѣ изъ церкви, процессія съ гробомъ почившаго обошла вокругъ собора и направилась по университетской улицѣ въ монастырь. Весь обширный монастырскій дворъ былъ наполненъ народомъ, собравшимся отдать послѣдній долгъ любимому іерарху. У св. вратъ Покровскаго монастыря процессію встрѣтила монастырская бра-

тія. Гробъ былъ внесень въ церковный дворъ и потомъ въ нижнюю Трехсвятительскую церковь—усыпальницу. Велѣдъ за гробомъ въ храмъ вошли отпѣвавшіе почившаго іерарха святители, духовенство, высокопоставленныя лица, родственники почившаго и хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Владыка митрополитъ Владиміръ прочелъ молитву и со словами: „земля еси и въ землю отъидеши“ посыпалъ крестообразно тѣло почившаго землею. Затѣмъ оно было полито освященнымъ елеемъ. Послѣ этого гробъ былъ закрытъ крышкою и перевязанъ шнуромъ, который тутъ-же и припечатанъ печатью епископа и консисторіи. Наконецъ при помощи холщевыхъ полотенецъ гробъ былъ опущенъ въ приготовленную заранѣе могилу. Преосвященные архіереи, духовенство и присутствовавшія при погребеніи лица посыпали гробъ почившаго землею и затѣмъ съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, приступлено было къ задѣлкѣ могилы. Обрядъ погребенія закончился въ половинѣ четвертаго часа пополудни.

Послѣ погребенія, въ зданіи духовной консисторіи устроена была заупокойная трапеза. Трапезу почтили своимъ присутствіемъ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Владиміръ, Преосвященнѣйшій епископъ Иннокентій и всѣ высокопоставленныя лица. Къ трапезѣ были приглашены также бѣлое и монашествующее духовенство, наставники духовной семинаріи и училищъ — мужскаго духовнаго и женскаго епархіальнаго. Трапеза закончилась литією о почившемъ. Въ это же время духовенство харьковской епархіи, глубоко благодарное Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Владиміру за его пріѣздъ для погребенія почившаго Архипастыря и преклоняющееся предъ его церковно-общественными заслугами, просило Преосвященнаго епископа Иннокентія выразить ему отъ лица харьковскаго духовенства благодарныя чувства за его труды при погребеніи почившаго Владыки Амвросія. Преосвященный Иннокентій, самъ раздѣлявшій чувства духовенства и глубоко благодарный Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту за подъятыя имъ труды, по окончаніи трапезы обратился къ Владыкѣ—

Митрополиту приблизительно со слѣдующей, небольшой, но сильной по мысли и чувству рѣчью:

„Ваше Высокопреосвященство! Духовенство Харьковской епархіи, какъ городское, такъ и иногороднее, прибывшее на погребеніе своего Архипастыря, просило меня передать Вамъ, Владыка, его сыновнюю, искреннюю благодарность за Ваше милостивое и высокое предстоятельство въ служеніяхъ, проводахъ и погребеніи нашего Архипастыря. Это Ваше участіе дало намъ *всѣмъ высокое нравственное удовлетвореніе* не только потому, что почившій былъ достоинъ особенныхъ почестей, какъ старѣйшій іерархъ, какъ витія, извѣстный своимъ назидательнымъ словомъ всей Россіи, но и потому, что онъ достоинъ былъ ихъ и за свой девятнадцатилѣтній неустанный трудъ для блага епархіи. Послѣ мирной кончины его мы долго недоумѣвали, какъ и чѣмъ намъ выразить свою особенную признательность почившему, какъ отблагодарить его за эти 19 лѣтъ непрерывнаго труда, за эти новые храмы, за зданія училищъ, за открытые приходы, за пріюты и т. д. И вотъ, въ это именно время нашего раздумья, Господь послалъ Васъ къ намъ. По Его святой волѣ Вы явились, какъ вѣстникъ Божій, какъ Ангелъ Его, чтобы утѣшить насъ и дать намъ это чувство удовлетворенія въ воздаяніи почестей почившему. Живите на долго на славу Святой Церкви. Да хранитъ Васъ Христосъ! Многая Вамъ лѣта и наше сердечное спасибо“.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Я величественно уважалъ почившаго, какъ выдающагося архипастыря и знаменитаго проповѣдника слова Божія, и очень радъ, что Господь судилъ мнѣ отдать ему послѣдній долгъ“. Всѣ присутствовавшіе съ чувствомъ живѣйшей благодарности пропѣли Владыкѣ—Митрополиту „многая лѣта“ и „исъ полла эти деспота“.

Не забыты были и другія лица, желавшія помянуть почившаго Архипастыря. Для нихъ былъ устроенъ поминальный обѣдъ въ Покровскомъ монастырѣ.

Въ тотъ же день съ скорымъ поѣздомъ Курско-Харьк.-Сев. ж. д. въ 7 ч. 41 м. веч. Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ изволилъ отбыть изъ Харькова въ Москву. Проводить Владыку

на вокзалъ прибыли Преосвященнѣйшій Иннокентій, викарій Харьковской епархіи, начальникъ губерніи, гофмейстеръ Г. А. Тобизенъ, командиръ 10-го корпуса генералъ-отъ-кавалеріи В. Ѳ. Винбергъ, архимандриты, сослужившіе Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту при погребеніи, ректоръ семинаріи протоіерей І. П. Знаменскій, о. профессоръ Харьковскаго Императорскаго Университета протоіерей Т. И. Буткевичъ, благочинный городскихъ церквей протоіерей П. Полтавцевъ, ключарь собора о. Г. М. Виноградовъ, многіе представители городского духовенства, д. ст. сов. профессоръ Харьковскаго Императорскаго Университета, докторъ церковнаго права, М. А. Остроумовъ, секретарь консисторіи П. М. Вещуровъ и множество сторонней публики...

Такъ окончился погребальный день Преосвященнѣйшаго Амвросія. Можно сказать, вся Харьковская епархіа съ глубокою скорбію проводила къ мѣсту вѣчнаго упокоенія своего глубокопочитаемаго Архипастыря, святителя Амвросія, посвятившаго всѣ свои силы и духовныя дарованія для пользы не только вѣрнной ему паствы, но и всѣхъ чадъ отечественной церкви!...

Но этимъ не окончились молитвенныя поминанія о немъ. Движимая чувствомъ искреннѣйшей признательности къ почившему іерарху, Харьковская епархіа, совершая моленія о упокоеніи его души непрерывно, особенно усилила эти моленія въ 9 день по кончинѣ святителя. Наканунѣ этого дня во всѣхъ церквахъ епархіи были совершены заупокойныя всенощныя бдѣнія, а въ самый день поминовенія (11 сентября) заупокойныя литургіи и панихиды.—Раннюю литургію въ храмъ-усыпальницѣ Озерянской церкви, гдѣ погребенъ почившій Архипастырь, совершалъ предсѣдатель совѣта Епархіальнаго женскаго училища, о. профессоръ Харьковскаго Императорскаго Университета протоіерей Т. И. Буткевичъ въ сослуженіи о. инспектора классовъ упомянутаго училища, священника Котова, и священника о. Тимоеева. Цѣлъ хоръ воспитанницъ Епархіальнаго училища. Въ церкви присутствовали: начальница училища Е. Н. Гейцигъ, преподавательницы, надзирательницы училища и много другихъ лицъ, желавшихъ помолиться о упокоеніи святителя Амвросія. По

окончаніи литургіи тѣми же священнослужителями совершена была надъ могилой почившаго іерарха, усыпанной живыми цвѣтами и вѣнками, паннихида. Въ этотъ же день Преосвященный Иннокентій, епископъ Сумскій, совершилъ заупокойную литургію соборнѣ въ верхней церкви Покровскаго монастыря, а послѣ литургіи совмѣстно съ многочисленнымъ городскимъ духовенствомъ и монашествующимъ духовенствомъ Покровскаго монастыря паннихиду, а затѣмъ литію надъ могилою почившаго Архипастыря. За богослуженіемъ присутствовали командиръ 10-го корпуса, генераль-отъ-кавалеріи В. Ѳ. Винбергъ, директоръ народныхъ училищъ д. с. с. Н. Г. Жаворонковъ, гг. инспектора народныхъ училищъ и множество другихъ молящихся.

Заупокойныя всеобщія бдѣнія, литургіи и паннихиды совершены были также во всѣхъ церквахъ епархіи и въ 20 день (22 сентября) по кончинѣ Владыки, точно также, какъ онѣ будутъ совершаемы и въ полугодовой, годовой день смерти и въ день ангела почившаго архипастыря (7 декабря и 17 марта) Амвросія, въ мѣрѣ Алексѣя ¹⁾.

Да будутъ же и непрестанно возсылаемы усердныя молитвы ко Господу и Владыкѣ живота и смерти о упокоеніи души почившаго святителя, — много заботившагося, много потрудившагося и много молившагося за всѣхъ людей въ жизни сей!...

---

1) Харьковская Духовная Консисторія по случаю кончины Архіепископа Амвросія въ засѣданіи, происходившемъ еще 4 сентября постановила доложить Преосвященнѣйшему Иннокентію, епископу Сумскому, о томъ, что ею постановлено сдѣлать слѣдующее распоряженіе: „объявить чрезъ благочинныхъ духовенству епархіи, а также настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей: 1) чтобы по скончаніи Преосвященнѣйшаго Архіепископа Амвросія были въ теченіе 40 дней ежедневно совершаемы заупокойныя литургіи, исключая домовыхъ церквей; 2) чтобы въ нарочитые дни, а именно: 9, 20 и 40, полугодовой и годовой отъ дня кончины Архіепископа Амвросія, а также въ день его ангела (7 декабря) кромѣ литургіи были совершаемы и паннихиды; 3) въ теченіе всего года совершать обычныя поминовенія по усопшемъ Архіепископѣ Амвросіи на литургіяхъ; 4) впредь до назначенія высшею властію на Харьковскую кафедру Епархіальнаго Архіерея при всѣхъ богослуженіяхъ, въ надлежащихъ мѣстахъ, возносить моленія о Преосвященномъ Иннокентіи, Епископѣ Сумскомъ“. Послѣ того, какъ означенный докладъ былъ утвержденъ (отъ 4 сентября за № 1791) Его Преосвященствомъ, Харьковская Духовная Консисторія разослала соотвѣтствующе циркуляры.

Двадцать шестого сентября т. г. происходило чествованіе памяти почившаго Архипастыря въ Харьковской духовной семинаріи. Со смертію Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Амвросія семинарія, точно также, какъ и другія тѣсно связанныя съ ней духовно-учебныя заведенія, осиротѣла. Почившій святитель былъ для нея не начальникомъ только, но и истиннымъ покровителемъ. Во всѣхъ нуждахъ семинарія смѣло обращалась къ своему покровителю въ полной увѣренности, что всякое доброе начинаніе встрѣтитъ съ его стороны милостивое расположеніе и готовность къ содѣйствію. И эта увѣренность никогда не была напрасною. Не исчисляя подробно милости и заботы почившаго Архипастыря о семинаріи, со всею справедливостію можно сказать кратко: если Харьковская духовная семинарія занимаетъ въ настоящее время одно изъ лучшихъ мѣстъ среди другихъ духовныхъ семинарій, то этимъ обязана она исключительно почившему іерарху... Съ глубокою благодарностію вспоминая заботы и милости почившаго святителя, послѣдняя рѣшилась посвятить двадцать шестое число сентября, день ея храмоваго праздника и годичнаго акта, чествованію памяти ея почившаго покровителя. Преосвященнѣйшій Иннокентій, викарій Харьковской епархіи, искренній почитатель почившаго Архипастыря, милостиво соизволилъ на это чествованіе Владыки и изъявилъ готовность принять въ этомъ чествованіи свое участіе.

Наканунѣ 26-го ч. Преосвященнѣйшій Иннокентій совершилъ соборне въ присутствіи начальниковъ, преподавателей и воспитанниковъ семинаріи и многочисленной сторонней публики въ семинарскомъ храмѣ всенощное бдѣніе, а утромъ 26-го—Божественную литургію. Затѣмъ послѣ литургіи отслуженъ былъ молебенъ св. Ап. Іоанну Богослову.

Торжественный годичный актъ открытъ былъ пѣніемъ воспитанниками семинаріи тропаря празднику. Затѣмъ Преосвященнѣйшій Иннокентій обратился къ присутствовавшимъ съ живымъ словомъ, въ которомъ правдиво и вѣрно охарактеризовалъ нравственную личность почившаго незабвеннаго святителя, указалъ на широкую научную подготовку, которая была необ-

ходима для его просвѣтительной и, въ частности, проповѣднической дѣятельности, отмѣтилъ высокія административныя способности почившаго и закончилъ свою рѣчь искреннимъ пожеланіемъ, чтобы дорогое имя Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія *навсегда* осталось въ числѣ тѣхъ, коими справедливо гордится не только Харьковская епархія, но и все наше отечество.

Дальнѣйшую часть программы чествованія почившаго святителя составляло чтеніе послѣдней рѣчи Архипастыря „о гордости вообще и въ особенности о гордости современной“. Какъ уже мы сказали выше, рѣчь эта, по случаю смерти ея знаменитаго автора, осталась въ неоконченномъ видѣ, но всѣ присутствовавшіе съ вполнѣ понятнымъ живѣйшимъ вниманіемъ выслушали и оставшіяся строки послѣ святителя витіи. Затѣмъ слѣдовали раздача наградъ воспитанникамъ семинаріи, оказавшимъ, при благонаправномъ поведеніи, лучшіе успѣхи за минувшій учебный годъ и исполненіе семинарскимъ хоромъ концерта. Далѣе, были прочитаны полученныя Преосвященнымъ епископомъ Иннокентіемъ телеграммы и письма съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю кончины Архіепископа Амвросія. Такъ какъ эти телеграммы и письма представляютъ высокій интересъ для всѣхъ почитателей покойнаго святителя, то мы приведемъ ихъ дословно.

Прежде всего была прочитана телеграмма отъ Московской Духовной Академіи, еще въ 1878 г. избравшей почившаго іерарха своимъ почетнымъ членомъ и всегда видѣвшей въ лицѣ его одного изъ лучшихъ и славныхъ своихъ питомцевъ ¹⁾). Содержаніе телеграммы слѣдующее:

„Московская Духовная Академія глубоко скорбитъ о смерти почтеннаго ея члена, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Амвросія, великаго святителя русской церкви, и молится о упокоеніи души его.

Подписано: Ректоръ Академіи Епископъ Арсеній“.

Телеграмма отъ Кіевской Духовной Академіи была слѣдующаго содержанія:

„Кіевская Академія съ глубокою скорбію и съ соболѣзнова-

¹⁾ „Вѣра и Разумъ“ за 1894 г. № 24, 666—668.

ніемъ паствъ Харьковской приняла вѣсть о кончинѣ своего почетнаго члена, Архіепископа Амвросія, славнаго Архипастыря церкви Россійской, мудраго учителя, православія охранителя. Академія возноситъ молитвы объ упокоеніи души блаженно-почившаго.

Подписано: Ректоръ Академіи Епископъ Дмитрій“.

Казанская Духовная Академія свое соболѣзнованіе выразила въ слѣдующихъ словахъ:

„Казанская Духовная Академія оплакиваетъ горестную утрату великаго столпа Россійской Церкви и молится о упокоеніи души своего бывшаго почетнаго члена. Вѣчная память почившему Архіепископу Амвросію, мудрому поборнику вѣры и благочестія, вѣрному и талантливому служителю Слова Божія.

Подписано: Ректоръ Академіи Епископъ Алексѣй“.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе телеграммы отъ Высокопреосвященнѣйшаго Экзарха Грузіи Флавіана—слѣдующаго содержанія:

„Съ глубокой скорбію получилъ Ваше извѣстіе о кончинѣ Владыки Амвросія. Это великая потеря для нашей Церкви“.

Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Казанскій Арсеній телеграфировалъ Преосвященнѣйшему Епископу Иннокентію въ такихъ словахъ:

„Въ кончинѣ святителя Амвросія великая потеря для церкви. Не стало іерарха сильнаго умомъ и словомъ, могучаго проповѣдника вѣры и благочестія и сильнаго обличителя невѣрія. Молился и молюсь о немъ“.

Архіепископъ Варшавскій Іеронимъ почтилъ память почившаго святителя словами:

„Сердечно, глубоко соболѣзную постигшему всѣхъ насъ горю. Искренно жалѣю старѣйшаго и достойнѣйшаго святителя земли русской. Да упокоитъ Господь со святыми душу его. Вѣчная ему память!“

Высокопреосвященнѣйшій Гурій, Архіепископъ Новгородскій телеграфировалъ:

„Смерть Преосвященнаго Амвросія—большая потеря для русской церкви. Да упокоитъ его Господь въ селеніяхъ праведныхъ!“

Преосвященнѣйшій Антоній, Епископъ Уфимскій и Мензелинскій, телеграфировалъ Преосвященнѣйшему Иннокентію:

„Служу паннихиду по маститомъ святителѣ“.

Отъ Преосвященнѣйшаго Никанора, Епископа Орловскаго, получено было слѣдующее соболѣзнованіе:

„Скорблю, молюсь о угасшемъ церковномъ свѣтилѣ“.

Екатеринославскій Преосвященный Епископъ Симеонъ почтилъ память почившаго святителя словами:

„Сегодня мною, духовенствомъ и учащимися возносились молитвы о вселеніи съ праведными поборника истины и правды Архіепископа Амвросія“.

Преосвященнѣйшій Епископъ Воронежскій Анастасій телеграфировалъ:

„Скорбя о кончинѣ высокочимаго вашего Архипастыря, молюсь о упокоеніи души его. Обозрѣвая епархію, не могу принять участія въ погребеніи его“.

Затѣмъ прочтена была телеграмма Епископа Полтавскаго Иларіона:

„Приношу гробу незабвеннаго Архипастыря молитву и слезы. Вся Полтава будетъ молиться. Лично не могу поклониться“.

Преосвященнѣйшій Павелъ, Епископъ Пензенскій, выразилъ свое соболѣзнованіе въ слѣдующихъ словахъ:

„Глубоко тронуть кончиною великаго святителя Амвросія. Умоляю Господа, да упокоитъ Онъ почившаго въ свѣтлыхъ обителяхъ неба. Святое имя его сохранию въ моеѣ молитвенной памяти до конца жизни. Пензенская паства молится. Раздѣляю Вашу скорбь“.

Преосвященный Лаврентій, еп. Курскій, прислалъ на имя Преосвященнѣйшаго Иннокентія, епископа Сумскаго, двѣ телеграммы. Первая отъ 6-го числа слѣдующаго содержанія:

„Шестого, возвратившись изъ епархіи, получилъ Вашу телеграмму, глубоко скорблю о смерти высокочимаго Архипастыря“. Вторая телеграмма, отъ 7 числа, составлена въ такихъ выраженіяхъ: „Сегодня торжественно отслужили панни-

хиду по въ Бозѣ почившемъ Архіепископѣ Амвросіи. Вѣчная ему память“!

Изъ телеграммъ, полученныхъ отъ духовенства Харьковской епархіи, прочитана была, между прочимъ телеграмма отъ о. Благочиннаго 1 окр. Старобѣльскаго уѣзда, священника Петра Торанскаго, слѣдующаго содержанія:

„Духовенство 1 округа Старобѣльскаго уѣзда, собравшись на миссіонерскій съѣздъ сего 6 сентября и вознеся молитвы о почившемъ Высокопреосвященнѣйшемъ Амвросіи, постановило совершать о немъ заупокойныя литургіи во всѣхъ церквахъ округа до 9 дней, въ 20, 40, полъ-года и годъ, а до 40 дней по очереди, о чемъ почтительнѣйше имѣю долгъ доложить Вашему Преосвященству“.

О. благочинный 3 окр. Купянскаго уѣзда вмѣстѣ съ духовенствомъ своего округа и епархіальнымъ миссіонеромъ, кандидатомъ богословія, Д. И. Боголюбовымъ, прислали слѣдующую телеграмму:

„Глубоко потрясены горемъ. Скорбимъ, оплакиваемъ смерть незабвеннаго Владыки и молимся объ упокоеніи праведной души его“.

Отъ С.-Петербургскаго купца Максима Васильевича Карасева получена была такая телеграмма:

„Сильно потрясенъ кончиною Архіепископа Амвросія, великаго проповѣдника и іерарха, котораго не стало на русской землѣ. Потеря эта—самой громадной величины. Нѣтъ болѣе сильнаго, съ духомъ Іліи, обличителя безбожныхъ вольводумцевъ и всѣхъ сектантовъ, ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не преклонявшагося! Рыдай и молись, православный русскій народъ, о почившемъ святителѣ, который возвѣщалъ тебѣ глаголы живота вѣчнаго и удерживалъ тебя отъ сѣтей, подрывающихъ православіе челоуѣковъ“.

Далѣе слѣдовало чтеніе полученныхъ Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ писемъ, съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю смерти Харьковскаго Архипастыря. Изъ этихъ писемъ особенное вниманіе возбудило письмо Преосвященнѣйшаго Виссаріона, епископа Костромскаго, при жязни друга почив-

шаго іерарха и его сотрудника и продолжателя по журналу „Душеполезное Чтеніе“. Содержаніе письма слѣдующее:

„Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь!

„Приношу Вамъ глубокую благодарность за телеграмму о кончинѣ святителя Амвросія. Не успѣлъ я отвѣтить Вамъ немедленно, отвѣчаю предъ наступленіемъ 9-го дня по кончинѣ. Я ежедневно молился за него при его жизни за литургією. Продолжаю поминать его наипаче по смерти. Я ему многимъ обязанъ. Я привлеченъ былъ имъ къ участию въ изданіи „Душеполезнаго Чтенія“ и совмѣстно съ нимъ трудился 6 годовъ и затѣмъ единолично велъ это дѣло до принятія архіерейства. Привычка къ писательству—причина того, что я до сихъ поръ продолжаю пописывать статьи для названнаго журнала. Толчекъ къ этому данъ мнѣ почившимъ Архипастыремъ. Если бы не онъ, едва ли бы пришлось мнѣ когда послужить церкви съ какою нибудь пользою литературными трудами. Вѣчная ему память и благодарность отъ меня. Дай Богъ Харьковской епархіи достойнаго ему преемника, но онъ такъ блистательно служилъ церкви, что врядъ ли кто замѣнитъ его“¹⁾.

Изъ другихъ телеграммъ и писемъ была прочитана телеграмма отъ г. Лещинского изъ м. Кіяницы, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ., составленная въ такихъ выраженіяхъ:

„Глубоко опечалены кончиною Высокопреосвященнаго Амвросія, скорбимъ, что до полученія Вашей телеграммы не знали даже о его болѣзни. Прошу сообщить, когда погребеніе. Если почему либо я не могу пріѣхать, то пріѣдетъ сынъ“.

Затѣмъ прочитано было письмо протоіеря Владимірскаго Каѳедральнаго Успенскаго собора о. Александра Виноградова:

„...Вотъ и Владыки Амвросія не стало, и богоглаголивья уста его, изливавшія сладчайшія меда и сота словеса, на

¹⁾ Другой изъ ревпителей истинно-христіанскаго просвѣщенія, извѣстный московскій протоіерей, почтенный редакторъ—издатель журнала „Вѣра и Церковь“ о. Іоаннъ Ильичъ Соловьевъ въ письмѣ отъ 12 сент. т. г., м. проч., такъ говоритъ о вліяніи на него почившаго святителя. „Ему обязанъ я тѣмъ, что нашелъ приливъ силъ и возмѣлъ способность писать въ духовныхъ журналахъ!“.

вѣки сомкнулись, и мощи его теперь уже въ холодной могилѣ. Паль исполинъ, подстолбѣтя боровшійся съ врагами святой вѣры и управлявшій и ободрявшій въ борьбѣ многихъ и многихъ. Умолкъ вѣщій голосъ, къ которому прислушивалась съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, можно сказать, вся благомыслящая Россія. Въ лицѣ его наша Россійская церковь лишилась самаго крѣпкаго столпа. Когда-то еще на святой Руси возстанетъ такой дивный святитель, одному Господу вѣдомо, но мнѣ думается, что подобныхъ ему теперь нѣтъ. Будемъ окрылять себя надеждою, что онъ и съ превышнихъ круговъ будетъ вдохновлять своихъ собратій стоять за церковь Божию и за благочестіе православныхъ... Въ послѣдній разъ—и это за три дня до кончины—онъ благоизволилъ еще вспомнить меня, пославъ мнѣ брошюру о. Буткевича 31 августа, которую я получилъ 3 сентября. И не помышлялъ я, что это 3 сентября есть день блаженнаго упокоенія доблестнаго Архипастыря... Пока живъ, буду хранить не только полученную брошюру, но и конвертъ съ штемпелями, въ которомъ она была прислана. Въ этомъ я буду усматривать послѣдній знакъ благоволенія и благословенія мнѣ грѣшному отъ незабвеннаго святителя“...

Затѣмъ вниманію присутствовавшихъ, съ соизволенія Преосвященнѣйшаго Иннокентія, предложены были нѣсколько отзывовъ печати о личности почившаго іерарха и его дѣятельности. Въ этомъ отношеніи съ живѣйшимъ интересомъ прочитана была статья „Московскихъ Вѣдомостей“, принадлежащая перу пользовавшагося большимъ вниманіемъ почившаго святителя Профессора Московской Духовной Академіи Алексѣя Ивановича Введенскаго, извѣстнаго философа и выдающагося оратора. Эта статья, напечатанная въ № 248, и прочитанная съ незначительными выпусками носитъ заглавіе: „Стражъ міра христіанскаго“. Въ ней почтенный авторъ останавливаетъ свое высокопросвѣщенное вниманіе на служеніи почившаго іерарха христіанско-философскому просвѣщенію, столь необходимому въ настоящее время, и затѣмъ, представивъ благосклонный отзывъ о дѣятельности основаннаго святителемъ Амвросіемъ журнала „Вѣра и Разумъ“, высказываетъ сердечное пожеланіе, чтобы будущіе преемники почившаго іерарха прониклись тою же рев-

ностью о благѣ духовнаго просвѣщенія, какою были проникнуты почившій, и съ честью поддержали это полезное изданіе. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этой прекрасной статьи, которыя были прочитаны въ день чествованія памяти почившаго святителя въ Харьковской духовной семинаріи. „Всматриваясь, говоритъ почтенный Профессоръ, пристальнымъ взоромъ и вслушиваясь чуткимъ ухомъ во все то, что совершается въ нашей умственной жизни“, Архіепископъ Амвросій, „этотъ несравненный наблюдатель приходилъ въ великое смущеніе.— Онъ видѣлъ, какъ волны мысли, живущей по „стихіямъ міра“ и по „преданіямъ человѣческимъ“, поднимаясь изъ сѣдой древности изъ далекаго Востока, переходя за тѣмъ чрезъ міръ классическій и отражаясь въ западномъ язычествующемъ сознаніи, достигаютъ и до нашего образованнаго или, точнѣе, полубразованнаго общества, производя здѣсь великую смуту.— Онъ видѣлъ, что поклонники безбожнаго прогресса, исключаящаго будто бы всякую мысль о Богѣ—Творцѣ и промыслителѣ, матеріалисты, открыто провозглашающіе культъ плоти и т. д., и т. д.,—что всѣ эти враги христіанской мысли и христіанскаго просвѣщенія легко находятъ у насъ адептовъ и послѣдователей, которые тѣмъ болѣе опасны, чѣмъ болѣе вслѣдствіе своей духовной близорукости и слѣпоты они фанатичны.— Онъ слышалъ, какъ они, эти неразумные адепты земной мудрости, начинаютъ, по слову писанія, „злословить то, чего не понимаютъ“,—начинаютъ порицать, отрицать, отвергать все то, на чемъ держится жизнь и мысль христіанская, и все это, въ большинствѣ случаевъ, съ чужого голоса, вовсе и не подозревая того, подъ чьимъ вліяніемъ стоятъ и на кого работаютъ.—Онъ слѣдилъ, съ тоскою и страхомъ, за тѣмъ, какъ, вслѣдствіе этого, все становится у насъ, въ нашемъ полубразованномъ обществѣ, подъ вопросъ, какъ „воскресаютъ“ и множатся у насъ эти новые „совопросники“, гораздо болѣе опасные, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ, въ свое время, предостерегалъ великій „апостоль языкъ“, ибо наши совопросники не встрѣчаютъ уже отпора въ сознаніи современныхъ христіанъ,—увы, сознаніи слабымъ и вялымъ,—какъ встрѣчали его совопросники временъ апостольскихъ, Церкви первенствующей, и потому гордо носятъ свою

голову и громко о себѣ заявляютъ"... Сказавъ о томъ, что почившій Архипастырь, видя всѣ эти нежелательныя съ истинно-христіанской точки зрѣнія явленія, искренно скорбѣлъ, Профессоръ-ораторъ указываетъ далѣе, что святитель нашелъ и вѣрное средство въ борьбѣ съ современными заблужденіями. „Что же дѣлать въ виду этихъ грозныхъ „знаменій времени“? Отвернуться ли отъ философіи? Наложить ли на нее запретъ? Изгнать ли ее изъ школъ? О, нѣтъ! Только не это! Ибо, во первыхъ, это невозможно. Во вторыхъ, это бесполезно и даже вредно.—*Это невозможно.* „Преданія человѣческія“, мысль „по стихіямъ міра“ всегда будетъ вылетаться въ жизнь человѣчества, ибо она повторствуетъ неизменнымъ таготѣніямъ нашей немощной воли, усыпляя совѣсть и питая сладкія заблужденія ума. Вотъ почему и апостоль Павелъ, предостерегая отъ философіи, не говоритъ: гоните философію и бѣгите отъ нея, но только: берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ напраснымъ обольщеніемъ или несбыточными обѣщаніями философіи.—*Это бесполезно и даже вредно.* Ибо проявляющійся въ философіи умъ человѣческій, этотъ великій даръ Божій, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, находитъ, по крайней мѣрѣ, крупинцы истины,—очень цѣнныя для разъясненія самихъ истинъ откровенныхъ. Пренебрегать ими было бы неразумительно, въ интересахъ самой истины! Нѣтъ! Не бѣжать отъ философіи и не запрещать ее должны люди, ревнующіе о просвѣщеніи истинно-христіанскомъ, но *бороться противъ философіи ложной насажденіемъ философіи истинной.* Для этого они должны, прежде всего, сами стать философами, чтобы знать, такъ-сказать, всѣ входы и выходы философіи, чтобы слѣдить за тѣмъ, откуда и какое заблужденіе прокрадывается въ христіанское сознаніе, чтобы бороться со врагомъ равнымъ оружіемъ, чтобы „стоять на стражѣ міра христіанскаго“ и, въ частности, на стражѣ христіанскаго просвѣщенія. И вотъ такимъ именно стражемъ, продолжаетъ профессоръ, стражемъ зоркимъ и неусыпнымъ, былъ почившій святитель. Онъ не только изобличалъ современныя заблужденія въ своихъ, полныхъ глубины мысли и философскаго значенія, проповѣдяхъ, но основалъ съ тою же цѣлью и специальный богословско-философскій журналъ (*Вѣра и Разумъ*), въ кото-

ромъ вторая половина каждой книжки предназначалась специально для трактатовъ философскихъ. Это—великое дѣло почившаго, великая его заслуга предъ Церковью и исторіей нашего просвѣщенія! Въ продолженіи почти двадцатилѣтняго своего существованія (съ янв. 1884 г.), основанный покойнымъ Владыкой журналъ далъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе обширныхъ философскихъ излѣдованій самаго разнообразнаго характера, цѣлый, такъ-сказать, *компендіумъ христіанской философіи*, который отселѣ будетъ служить неистощимымъ источникомъ философскаго знанія для cadaго ума, проникнутаго жаждой философіи христіанской. Мы видимъ, что вслѣдъ за Харьковскимъ философскимъ журналомъ возникаютъ философскіе журналы въ Кіевѣ (*Философскій трехмѣсячникъ*, основанный покойнымъ профессоромъ Козловымъ) и Москвѣ (*Вопросы философіи и психологіи*). И какъ бы ни смотрѣли на взаимоотношенія этихъ журналовъ, во всякомъ случаѣ поучительна самая хронологическая справка: она показываетъ, что покойный Владыка раньше кого-либо другаго и вполне вѣрно угадалъ назрѣвшіе запросы времени. Безспорно, *Вѣра и Разумъ*,—журналъ полно и ярко отразившій въ себѣ и на себѣ неусыпныя заботы покойнаго Владыки объ истинно-христіанскомъ просвѣщеніи,—есть одинъ изъ лучшихъ, особенно много говорящихъ, вѣнковъ на свѣжей могилѣ въ Бозѣ почившаго Архипастыря. И вотъ теперь, останавливаясь въ раздумьѣ у этой поучительной могилы, изъ которой слышится столько высокихъ завѣтовъ и свѣтлыхъ призывовъ, мы не можемъ не пожелать, чтобы насажденіе почившаго, взрощенное его заботами, согрѣтое его любовью и напоенное его мудростію, не было посѣчено, но въ дни скудной жатвы на современной духовной нивѣ, продолжало и впредь приносить свой плодъ. Да исполнится же сердце богомудрыхъ преемниковъ покойнаго Харьковского Архипастыря тою же ревностію о благѣ духовнаго просвѣщенія, какою былъ проникнутъ онъ, и да сохраняютъ они его дѣло и его насажденіе! Это было бы, говоритъ г. Профессоръ въ заключеніи своей прекрасной статьи, лучшей данью его благородной памяти, а для самаго почившаго—одною изъ тѣхъ радостей, ко-

торами, вѣримъ, великій труженикъ мысли и слова будетъ обрадованъ тамъ за все доброе, совершенное имъ зѣтсь¹⁾).

Другая изъ очень распространенныхъ и пользующихся виднымъ положеніемъ газетъ—„Южный Край“, оцѣнивая архипастырскую дѣятельность Владыки Амвросія, почтила память его (№ 7128) слѣдующими сочувственными словами: Извѣстіе о смерти Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія „глубоко печалитъ всѣхъ почитателей почившаго іерарха и тяжело отзовется во всѣхъ концахъ православнаго міра, какъ въ Россіи, такъ и за ея предѣлами. Въ его лицѣ сошелъ подъ „вѣчны своды“ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, одинъ изъ даровитѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ архипастырей теперешняго царствованія, а также и временъ Императоровъ Александра II и Александра III. Заслуги святителя Амвросія, какъ Харьковскаго архіерея, громадны и никогда не будутъ забыты исторіей Харьковской епархіи. Но ими далеко не ограничиваются заслуги знаменитаго Архипастыря; его заслуги никогда не будутъ забыты какъ въ исторіи Русской Церкви вообще, такъ и въ исторіи русскаго просвѣщенія. Святитель Амвросій былъ крупнымъ представителемъ православнаго и національнаго міросозерцанія. Въ немъ соединялся изумительно талантливый проповѣдникъ, владѣвшій всѣми тайнами огненнаго, дѣйственаго и живаго слова, съ глубокимъ мыслителемъ. Святитель Амвросій владѣлъ мечемъ Слова Божьяго, какъ не многіе. Онъ будилъ около пятидесяти лѣтъ сряду и религіозное чувство, и философскую мысль своихъ соотечественниковъ. Какъ церковный витія, стоявшій на ряду съ Филаретомъ Московскимъ и Иннокентіемъ Борисовымъ, какъ іерархъ, какъ писатель, онъ работалъ, не покладая рукъ, на нивѣ Божіей съ молодыхъ лѣтъ до глубокой старости. Его

---

¹⁾ Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ были и другія статьи, посвященныя памяти почившаго святителя. Такъ характеристива его, какъ борца за правду, добраго служителя Церкви и Отечества—сдѣлана въ № 244. Затѣмъ въ № 247—г. Ромашевъ дѣлится съ читателями воспоминаніями о почившемъ архипастырѣ, какъ проповѣдникѣ—въ бытность его викаріемъ Московск. епархіи.

энергія, характеръ и сила воли были изумительны. Къ нему вполне можно примѣнить слова поэта:

Какой свѣтильникъ разума угасъ!
Какое сердце биться перестало!

Да, святитель Амвросій былъ, по истинѣ, свѣтильникомъ второй половины XIX и начала XX вѣка, и свѣтильникомъ не только разума, но также Церкви и Вѣры“.

Послѣ чтенія этихъ отзывовъ печати протодіакономъ кафедральнаго собора о. Вербицкимъ провозглашена была почившему іерарху вѣчная память. Торжественное собраніе окончилось пѣніемъ молитвы „Достойно есть“ и „исъ полла эти деспота“.

Такъ Харьковская Духовная Семинарія чествовала память достойнѣйшаго своего Архіепископа. На актѣ присутствовали городское духовенство и множество иногородняго, и всѣ тѣ, которые по приглашенію или безъ приглашенія пожелали почтить память почившаго святителя вмѣстѣ съ воспитанниками мѣстной семинаріи. Всѣ съ глубокою благодарностію выслушали чтеніе рѣчи почившаго святителя „о гордости“... и задушевную рѣчь Преосвященнѣйшаго Иннокентія, епископа Сумскаго, всецѣло посвященную памяти усопшаго іерарха!..

Не стало великаго святителя Амвросія! Не стало сильнаго словомъ и дѣломъ дѣлателя на нивѣ Христовой! А между тѣмъ жатва многа... О, если бы Господинъ жатвы посылалъ побольше дѣлателей въ духѣ и силѣ почившаго!..

Да будетъ же вѣчная память почившему Архипастырю, истинному философу—христіанину, ревностному служителю св. Церкви, защитнику сиротъ, искреннему, сердечному человѣку и незамѣнимому церковному витіи!..

Леонидъ Багрецовъ.

Вопросъ о происхожденіи и сущности философіи по сочиненіямъ Вл. С. Соловьева.

„Слово философія, говоритъ Вл. С. Соловьевъ, есть одно изъ тѣхъ, которыми наиболѣе злоупотребляютъ“¹⁾. И это вполнѣ вѣрно. Философія относится къ числу такихъ явленій въ жизни человѣка, съ которыми въ настоящее время не соединяется строго опредѣленнаго содержанія, которое бы ясно и рѣзко выдѣляло ее изъ ряда другихъ явленій. Понятіе философіи употребляется во многихъ, весьма различныхъ смыслахъ. Въ различныхъ взглядахъ на философію особенно замѣтны и бросаются въ глаза два совершенно противоположныхъ направле- нія—теоретическое и практическое. Первое направленіе видитъ все назначеніе философіи въ удовлетвореніи запросовъ со стороны познавательной дѣятельности человѣка; отъ своихъ послѣдователей философія въ данномъ случаѣ требуетъ только развитого до извѣстной степени ума, обогащеннаго нѣкоторыми познаніями и освобожденнаго отъ вульгарныхъ предрасудковъ. Занимаясь исключительно теоретическими вопросами, философія не имѣетъ прямого и непосредственнаго отношенія къ жизни какъ личной, такъ и общественной, и создаетъ изъ своихъ послѣдователей классъ или общество ученыхъ специалистовъ съ девизомъ жизни: знаніе ради самого знанія. Что же касается до второго, чисто практическаго направленія въ пониманіи философіи, то оно составляетъ прямую противоположность первому. Здѣсь назначеніе философіи—не только удовлетворять запросамъ познавательной способности человѣка,

¹⁾ Критика отвлеченныхъ началъ. Стр. 376.

а отвѣчать также и высшимъ стремленіямъ человѣческой воли и высшимъ идеаламъ человѣческаго чувства. Она имѣетъ, стало быть, здѣсь не только теоретическое, но и нравственное и эстетическое значеніе. Словомъ, ея вѣдѣнію подлежитъ весь живой человѣкъ съ его глубокими думами, съ его желаніями, стремленіями и чувствами. Для того, чтобы стать философомъ въ этомъ смыслѣ, не достаточно быть свѣдущимъ человѣкомъ, а непременно требуется еще особенное нравственное настроеніе. Конечная цѣль всѣхъ усилій и стремленій этой философіи состоитъ въ томъ, чтобы быть руководительницею жизни и сдѣлать изъ своихъ послѣдователей не ученыхъ специалистовъ, а прежде всего людей съ ихъ девизомъ: знать для того, чтобы жить, и жить для того, чтобы знать. Словомъ, по первому пониманію, „философія есть только теорія, есть дѣло только школы“, тогда какъ по второму „она есть болѣе, чѣмъ теорія, есть преимущественно дѣло жизни, а потомъ уже и школы“; тамъ—философія школы, а здѣсь философія жизни ¹⁾).

Соловьевъ склоняется къ „живой философіи“. Въ ея пользу говоритъ, по его мнѣнію, какъ этимологія, такъ и общее употребленіе. Любомудріе (*φιλοσοφία*), любовь къ мудрости, непримѣнимо къ теоретической, отвлеченной наукѣ, такъ какъ мудрость предполагаетъ не только полноту знанія, но и достиженіе нравственнаго совершенства. Слово: философія означаетъ, стало быть, стремленіе къ духовной цѣльности человѣческаго существа; въ такомъ смыслѣ философія дѣйствительно первоначально и употреблялась. Это пониманіе философіи сохранилось и въ разговорномъ языкѣ, когда называютъ философомъ человѣка, совсѣмъ необразованнаго, разъ онъ обладаетъ нѣкоторымъ особеннымъ умственнымъ и нравственнымъ настроеніемъ.

Но всѣ эти данныя въ пользу философіи жизни, какъ дѣйствительно истинной философіи, не имѣли бы еще рѣшающаго значенія, если бы Соловьевъ не выяснилъ намъ самаго источника, изъ котораго возникаетъ философія, и на основаніи ея происхожденія не показалъ бы, что дѣйствительно только такъ и слѣдуетъ понимать философію.

¹⁾ Философскія начала цѣльнаго знанія. Ж. М. Н. Пр. 1877 г. 190 ч.—236 стр.

Еще въ древности Аристотелемъ былъ указанъ источникъ, изъ котораго происходитъ философія. Этотъ, не столько философъ, сколько ученый древности, понималъ философію въ смыслѣ познанія всеобщихъ началъ, имѣющаго чисто теоретическій, а не практическій характеръ. Подъ вліяніемъ такого взгляда на философію ему думалось, что уже первые начатки философіи происходятъ изъ теоретическаго интереса, въ силу котораго человѣкъ въ удивленіи останавливается предъ явленіями, причины которыхъ ему неизвѣстны, и которыя, поѣтому, кажутся ему странными и удивительными. Чтобы выйти изъ этого состоянія незнанія и удивленія, человѣкъ принужденъ стремиться объяснить непонятныя явленія чрезъ изслѣдованіе ихъ причинъ и такимъ образомъ въ силу необходимости вступаетъ на путь философствованія. Отсюда, удивленіе—вотъ начало философіи, по Аристотелю: *διὰ γὰρ τὸ θαυμάζειν οἱ ἄνθρωποι καὶ οὖν καὶ τὸ πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν*. Соглашаясь съ этимъ указаніемъ исходной точки философіи, Вл. Соловьевъ вполне справедливо замѣчаетъ, что при этомъ непременно нужно точно опредѣлить—какого же именно рода явленія вызываютъ философское размышленіе и возбуждаютъ философскія чувства? Дѣло въ томъ, что вѣдь всякая наука, а не философія только, происходитъ изъ удивленія предъ непонятными явленіями и изъ желанія объяснить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, удивительное движеніе солнца, измѣненія луны и чудеса звѣзднаго міра создаютъ вѣдь науку астрономію, а не философію. Удивительное строеніе живыхъ тѣлъ и вообще органической жизни даетъ начало наукамъ біологическимъ, а не философіи. Не ясно ли, что удивленіе же служитъ исходной точкой и для наукъ положительныхъ или естественныхъ, но удивленіе предъ непонятными явленіями только внѣшняго міра. Какія же, спрашивается, явленія вызываютъ собственно философскіе вопросы и даютъ начало философіи? Особая область непонятнаго, вызывающая собственно философское размышленіе, непременно должна быть, если только не смотрѣть на философію вслѣдъ за родоначальникомъ такъ называемой научной философіи, какъ на итогъ положительныхъ наукъ, а видѣть въ ней самостоятельную науку. Такую область, по вѣрному мнѣнію нашего философа, мы находимъ въ себѣ самихъ, въ своемъ внутреннемъ

сознаніи ¹⁾. „Двойственность жизни и сознанія человеческого есть настоящее основаніе всякаго размышленія и философіи, говоритъ Соловьевъ. Человѣкъ находитъ въ себѣ чувство внутренней свободы и фактъ внѣшней необходимости; онъ твердо увѣренъ, что движущее начало его бытія и жизни лежитъ въ немъ самомъ, и въ то же время онъ ясно сознаетъ, что это начало независимо отъ него, что онъ самъ опредѣляется чѣмъ-то другимъ, для него внѣшнимъ. Эта основная двойственность, это коренное противорѣчіе вызываетъ въ мыслящемъ существѣ величайшее изумленіе, и это-то изумленіе (а не удивленіе предъ какими нибудь фактами внѣшней природы) и составляетъ то по преимуществу философское чувство—*φιλοσοφικὸν πάθος*, съ котораго начинается всякая философія *διὰ γὰρ τὸ θαυμάσιον οἱ ἄνθρωποι καὶ τὸ πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν*“ ²⁾.

Это раскрытіе источника, изъ котораго возникаетъ и которымъ питается философія, даетъ намъ возможность выяснить какъ тотъ особый предметъ, который подлежитъ спеціальному вѣдѣнію философіи, такъ равно и ту особую ея задачу, которую философія преслѣдуетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Человѣкъ дѣйствительно носить въ себѣ самомъ глубокое и коренное противорѣчіе: съ одной стороны, сознаніе говоритъ ему объ его свободной личности, а съ другой—наличная жизнь на каждомъ шагу даетъ понять человѣку, что онъ во болѣе какъ простой рабъ условнаго бытія, простое подневольное орудіе въ рукахъ невѣдомыхъ цѣлей. Это противорѣчіе въ сознаніи и жизни человеческой, противорѣчіе, нашедшее себѣ выраженіе въ извѣстныхъ словахъ поэта:—

Я—царь, я рабъ,

Я—червь, я—богъ—

создаетъ роковой вопросъ о человѣкѣ, роковую загадку его самого, которую онъ и рѣшалъ на протяженіи всей своей исторіи.

Противорѣчіе между идеальнымъ сознаніемъ и реальною дѣйствительностью и, какъ слѣдствіе этого, чувство неудовлетворенности послѣднюю всегда служили и служатъ для человѣка исходнымъ моментомъ въ его рѣшеніяхъ загадки о са-

¹⁾ Крат. отвѣч. нач. 375—376 стр.

²⁾ Ibid.—3 стр.

момъ себѣ. Ему въ силу необходимости приходится *критически* отнестись къ наличной дѣйствительности, а затѣмъ *теоретически* опредѣлить ту дѣйствительность, которая болѣе гармонировала бы съ его идеальнымъ сознаниемъ. Во имя этого идеала происходитъ перестройка наличной дѣйствительности, что и выполняетъ разумная *воля*. Ясно, что въ этой работѣ принимаетъ участіе весь живой человѣкъ,—не одна только его мысль, но и чувство, и воля. Этотъ внутренній процессъ человѣческой жизни находитъ свое выраженіе въ созданіи міровоззрѣній, центральнымъ пунктомъ которыхъ является самъ человѣкъ, а весь міръ служитъ только средой, въ которой происходитъ его развитіе. Конечно, въ дѣйствительности каждый человѣкъ имѣетъ свое міровоззрѣніе, отличающееся такъ или иначе отъ другого, такъ что міровоззрѣній можетъ быть столько, сколько существовало людей, но съ точки зрѣнія преобладающаго характера ихъ можно свести къ тремъ типамъ: оптимистическому, пессимистическому и идеалистическому.

Реальной основой оптимистическаго міровоззрѣнія является полная гармонія между внутренними процессами жизни и ея внѣшнимъ выраженіемъ, когда планы жизни приведены къ желанному концу. Прямымъ и вполне естественнымъ слѣдствіемъ такого состоянія будетъ чувство самодовольства, которое служитъ психологической основой оптимизма. Вся дѣятельность человѣка въ данномъ случаѣ будетъ ограничиваться охраненіемъ покоя отъ такихъ элементовъ, какіе не могутъ гармонировать съ нимъ. Вотъ почему философская формула Лейбница—все прекрасно въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ, и ничего нельзя выдумать лучшаго—вполнѣ выражаетъ сущность состоянія оптимиста. Подобное настроеніе вполнѣ естественно какъ въ жизни личной, такъ и общественной, когда желанныя мечты осуществлены, но разъ оптимизмъ является постояннымъ, то такая односторонность влечетъ за собой суженіе жизни и ея интересовъ; человѣкъ въ данномъ случаѣ создаетъ живую могилу для своего духа. Вспомнимъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя или Оомушку и Оимушку Тургенева. Въ соціальной же жизни это явленіе прямо невозможно, если только народъ не изжилъ всѣ свои силы и, стало быть, если

только онъ не сходитъ съ исторической сцены, чтобы предоставить мѣсто молодому народу, полному силъ и стремлений. Во всякомъ случаѣ, это явленіе болѣзненное и можетъ быть только при полной неспособности къ жизни, у человѣка же здороваго оптимистическое настроеніе, какъ скоро оно пережито, смѣняется чувствомъ неудовлетворенности. На этой почвѣ возникаетъ пессимистическое міровоззрѣніе.

Его реальная основа есть сознаніе разлада между внутреннимъ процессомъ жизни и внѣшнимъ проявленіемъ его. Сознаніе же своей полной неспособности или безсилія улучшить наличную дѣйствительность составляетъ его психологическую основу. Все гадко въ этомъ наихудшемъ изъ міровъ, и ничего лучшаго ожидать невозможно—вотъ девизъ пессимизма. Ясно, что все это міровоззрѣніе слагается изъ однихъ отрицательныхъ элементовъ, и есть отрицаніе жизни. Психологически это вполне понятно, потому что жить отрицаніемъ жизни невозможно, а потому рано или поздно должна наступить печальная развязка... Пессимизму недостаетъ вѣры въ лучшее будущее и сознанія возможности его наступленія; на почвѣ этой вѣры и этого сознанія формируется новое міровоззрѣніе, которое можно назвать идеализмомъ.

Его реальная основа—та же, что у пессимизма—разладъ между внутренней жизнью и ея внѣшнимъ выраженіемъ, психическая же основа его одинакова съ оптимизмомъ—радостное чувство отъ вѣры въ идеаль и отъ сознанія своихъ силъ для его осуществленія. Такимъ образомъ, идеализмъ обнимаетъ собою и пессимизмъ и оптимизмъ. Но включая въ себя ихъ, онъ чрезъ это не поглощается ими, а сохраняетъ при этомъ всю свою самостоятельность. Главное отличіе идеализма отъ оптимизма состоитъ въ томъ, что его оптимизмъ направленъ не по отношенію къ наличной дѣйствительности, а къ будущему. Оптимизмъ живетъ достигнутыми результатами, онъ переводитъ свой идеаль изъ вѣры и надежды въ наличную дѣйствительность. Вслѣдствіе этого оптимизмъ является скорѣе идеализаціей существующей дѣйствительности, чѣмъ истиннымъ идеализмомъ, который ничего не имѣетъ общаго съ первой. Уже одно то, что идеализмъ имѣетъ ближайшее родство съ пессимизмомъ, ясно говоритъ противъ всякаго отождествле-

ніа его съ оптимизмомъ. Во взглядахъ на существующую дѣйствительность идеализмъ сходится съ пессимизмомъ; разница— только въ отношеніи ихъ къ ней: тогда какъ истинный пессимизмъ опускаетъ, такъ сказать, руки предъ неотвратимой дѣйствительностью, идеалистъ вѣритъ въ возможность замѣны наличной дѣйствительности другою, лучшею. Это-то „чаяніе новаго неба и новой земли, въ нихъ—же правда живетъ“, и удаляетъ его безконечно отъ пессимизма. Слѣдовательно. родство идеализма съ оптимизмомъ отличаетъ его отъ пессимизма, а родство съ послѣднимъ удаляетъ его отъ оптимизма.

Всѣ вообще міровоззрѣнія представляютъ изъ себя своего рода гипотезы, которыя человѣкъ строитъ для рѣшенія загадки о себѣ самомъ, подобно тѣмъ гипотезамъ, какія онъ создавалъ для объясненія непонятныхъ явленій внѣшней природы, чтобы такъ или иначе относиться къ нимъ. Само собою разумѣется, что первоначальныя міровоззрѣнія человѣка, какъ первая попытка разгадать себя самаго, отличаются самою странною дѣтскою наивною съ точки зрѣнія, конечно, человѣка ХХ столѣтія, тогда какъ для самаго творца они несомнѣнно служили опредѣляющимъ началомъ жизни. И только тогда, когда самъ первобытный человѣкъ ясно сознавалъ неудовлетворительность рѣшенія загадки, онъ приступалъ къ пересмотру ея. Разъ практика жизни совпала съ теоріей, наступало внутреннее состояніе покоя; но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ переживалъ это свое состояніе, онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что онъ не найдетъ себѣ здѣсь настоящаго удовлетворенія, что не здѣсь разгадка его самаго. Отсюда разочарованіе, отрицательное отношеніе къ своему идеалу, къ своему міровоззрѣнію и усиленное стремленіе къ созданію новаго идеала, новаго рѣшенія загадки. Переживаніе старыхъ идеаловъ сопровождается нарожденіемъ новыхъ, и вотъ такимъ образомъ создавался на протяженіи всей исторіи человѣчества процессъ, помимо внѣшней культуры и цивилизаціи. Въ то время, какъ въ двухъ послѣднихъ процессахъ происходило развитіе условій жизни человѣка въ его отношеніи къ природѣ и обществу людей, въ первомъ же процессѣ происходило развитіе идеала человеческой личности и стремленіе человѣка къ воплощенію этого идеала, какъ подлинной истины

о человѣкѣ. Словомъ, здѣсь происходило внутреннее культурное развитіе самаго человѣка. А познаніе основъ и цѣлей этого развитія и составляетъ сущность философіи. Отсюда, думать о добродѣтельной жизни и жизни почеловѣчески и значить философствовать, и быть человѣкомъ значить быть философомъ.

Итакъ дѣйствительнымъ предметомъ философіи является самъ живой человѣкъ, а въ рѣшеніи вопроса о томъ, что такое человѣкъ по своей природѣ, на что онъ смѣетъ¹ надеяться, и какъ онъ долженъ жить сообразно съ этой надеждой, заключается и ея подлинная задача.

Это пониманіе философіи не новое. Оно красною нитью проходитъ чрезъ всю древнюю исторію философіи¹⁾ и особенно укоренилось въ сознаніи первыхъ христіанскихъ мыслителей. „Мы, заявляетъ одинъ изъ нихъ, разумѣемъ подъ философіей безупречную жизнь, осуществляющую собой истинное ученіе“²⁾. Въ новой философіи оно забылось, и печальныя послѣдствія этого забвенія не замедлили сказаться. „Современные поборники философіи, справедливо говоритъ проф. В. И. Несмѣловъ, очутились въ странномъ положеніи такихъ ученыхъ спеціалистовъ, которые совершенно не знаютъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать или о чемъ спеціально разговаривать. Они принялись за совершенно невозможную въ какой бы то ни было другой наукѣ работу—за отысканіе предмета, подлежащаго ихъ спеціальному вѣдѣнію“³⁾. Желая положить конецъ этому странному броженію въ области философскаго мышленія, болѣе дальновидные друзья философіи снова стали указывать на старый и единственный путь, гдѣ философія

¹⁾ Этого взгляда придерживались представители какъ греческой (Пифагоръ, Сократъ, Платонъ, стоики), такъ и латинской философіи (Сенека). „Предметомъ ихъ (философовъ) изслѣдованія служить, по мнѣнію Платона, то, что такое человѣкъ, и чѣмъ онъ по природѣ своей отличается отъ другихъ существъ,—и на это они не щадятъ никакихъ трудовъ“—см. у Фуллье—„отрывки изъ сочинен. философовъ“. 58 стр. „Философія, говоритъ Сенека, не иное что, какъ знаніе жить хорошо, наука жить честно, искусство хорошо управлять своими дѣяніями. Мы не ошибемся, если скажемъ, что философія есть таковой законъ, который обязываетъ насъ жить сообразно чести и добродѣтели; и кто назвалъ ее правиломъ жизни человѣческой, тотъ далъ ей весьма свойственное „имя“. См. у Лактавія. „Божественныя наставленія“, кн. 3, § 15.

²⁾ Клим. Александр. Строматы, кн. VI, 7. ³⁾ Наука о человѣкѣ—336 стр.

можетъ получить всѣ права на самостоятельное существованіе въ смыслѣ отдѣльной независимой науки съ своимъ особымъ предметомъ и спеціальною задачею. „Этого нелѣпаго положенія философія никогда бы, конечно, не достигла, заявляетъ одинъ изъ нихъ, если бы искренніе поборники ея не выбрасывали изъ нея тѣхъ вопросовъ, которые отъ начала временъ создавали ее и которые до сихъ поръ необходимо создаютъ ее въ мышленіи всякаго человѣка: дикаго и культурнаго, ученаго и необразованнаго. Эти вопросы касаются объясненія самого человѣка, и въ рѣшеніи ихъ философія является спеціальною наукою о человѣкѣ, не какъ о зоологическомъ экземплярѣ, а какъ о носителѣ разумныхъ основъ и выразителѣ идеальныхъ цѣлей жизни... Среди самыхъ упорныхъ и рѣшительныхъ отрицателей философіи нѣтъ и не можетъ быть такого человѣка, который бы фактически не былъ философомъ, такъ какъ убѣжать отъ философіи значитъ то же самое, что и убѣжать отъ сознанія себя самого. Если бы поборники философіи обратили достаточное вниманіе на это всеобщее необходимое философствованіе людей, имъ никогда не пришлось бы придумывать спеціальнаго предмета философской науки, потому что въ этомъ случаѣ они очень ясно увидѣли бы исконный предметъ философіи“¹⁾.

На этотъ исконный путь несомнѣнно стремился и Вл. Соловьевъ, когда рѣшительно заявилъ свое недовольство школьной философіей, свои симпатіи къ философіи жизни и когда совершенно справедливо указалъ на особый и коренной источникъ всякаго философствованія. Но покончить всѣ счеты съ школьной философіей и вступить на новый путь созданія философіи жизни Соловьеву не удалось, такъ какъ вліяніе первой слишкомъ еще замѣтно было на немъ самомъ. Между другими заимствованіями овъ удержалъ искусственный схоластическій методъ, который для построенія философіи этого типа уже не годится. Діалектическій методъ въ состояніи создавать только одну изъ тѣхъ искусственныхъ мертвыхъ доктринъ, которыми полна исторія школьной философіи, что дѣйствительно и случилось съ нашимъ философомъ.

„Первый вопросъ, на который должна отвѣтить всякая фи-

¹⁾ Несмѣловъ—ibid.—328 стр.

лософія, имѣющая притязанія на общій интересъ, есть, справедливо говоритъ Соловьевъ, вопросъ о цѣли существованія. Вся необходимость и неустранимость этого вопроса объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что жизнь человѣка не есть блаженство, при наличности котораго всякій вопросъ о цѣли жизни можетъ быть излишнимъ, а рядъ большихъ и мелкихъ мученій или въ самомъ счастливомъ случаѣ—постоянная смѣна тяжелаго труда и гнетущей скуки съ одной стороны, и исчезающихъ иллюзій—съ другой. Въ виду того, что всѣ люди находятся приблизительно въ одинаковомъ положеніи относительно этого вопроса, „личный вопросъ необходимо превращается въ общій: спрашивается, какая цѣль человѣческаго существованія вообще, для чего; на какой конецъ существуетъ человечество?“¹⁾ Ставя этотъ вопросъ въ качествѣ основного и существеннаго вопроса, на который должна отвѣтить философія жизни, Соловьевъ даетъ его рѣшеніе на совершенно искусственной, логической почвѣ. „Если мы, оставя зыбкую почву людскихъ мнѣній, обратимся къ объективному рѣшенію нашего вопроса, то, утверждаетъ нашъ философъ, прежде всего должны привести къ ясному сознанію, что мыслится въ самомъ понятіи—всеобщая цѣль человечества. Это понятіе необходимо предполагаетъ другое, именно понятіе развитія; и, утверждая, что человечество имѣетъ общую цѣль существованія, мы должны признать, что оно развивается,²⁾ такъ какъ въ противномъ случаѣ нельзя было бы говорить ни о какой общей цѣли. Производя логическій анализъ надъ понятіемъ развитія, Соловьевъ пришелъ къ тому заключенію, что это понятіе предполагаетъ субъекта развивающагося, который долженъ быть въ силу этого живымъ организмомъ, и три момента въ его развитіи: извѣстное первичное состояніе, отъ котораго начинается; другое, къ которому направляется, т. е. цѣль, и рядъ промежуточныхъ состояній, какъ переходъ или посредство. Общая формула, выражающая эти три момента, есть законъ развитія. Опредѣливъ законъ развитія, мы опредѣлимъ и его цѣль, такъ какъ знаніе перваго, даетъ и знаніе втораго. Развитіе есть процессъ имманентный, поэтому всѣ опредѣля-

1) Филос. осн. цѣл. знан. Ж. М. Н. П. 1877 г. ч. 190; 60 стр.

2) Филос. осн. ц. зн.—ib.—стр. 61.

юція начала и составные элементы развитія должны находиться уже въ первоначальномъ состояніи организма. Отсюда и различіе между первичнымъ и конечнымъ состояніемъ его можетъ заключаться только въ разности состоянія и расположенія образующихъ началъ и элементовъ, а никакъ не въ разности ихъ самихъ. Если въ конечномъ совершенномъ состояніи организма всѣ формы и элементы имѣютъ свое определенное мѣсто и назначеніе, то въ первичномъ состояніи они еще смѣшаны. Хотя различіе ихъ существуетъ и здѣсь, но только въ скрытомъ состояніи, въ потенціи. Словомъ, образующія формы и элементы не обособились еще, а въ этомъ обособленіи и выдѣленіи ихъ и состоитъ сущность развитія организма. Новаго, стало быть, ничего не приходится въ процессъ развитія, и все дѣло ограничивается только измѣненіемъ состоянія или расположенія уже существующихъ элементовъ¹⁾. Вотъ общій законъ развитія, такъ удачно формулированный въ отвлеченности Гегелемъ—тезисъ, антитезисъ и синтезъ. Теперь остается только приложить этотъ законъ къ человѣческой жизни и намъ ясно будетъ, въ чемъ состоитъ начало и конечная цѣль ея²⁾. Сообразно съ Гегелевской формулой вся человѣческая жизнь раздѣляется на три момента: первый—до Христа—тезисъ ея; отъ Христа до настоящаго времени—антитезисъ, и, наконецъ, долженъ наступить еще третій моментъ—синтезъ, въ которомъ найдетъ полное свое осуществленіе идеаль, провозглашенный французской революціей—свобода, равенство и братство. Такимъ же точно образомъ разрѣшается и тайна бытія, тайна міроваго процесса. Въ результатъ получается пантеистическая доктрина, противорѣчащая какъ даннымъ научнаго опыта, такъ и даннымъ нравственнаго сознанія.

Общій характеръ построенія подобныхъ искусственныхъ доктринъ состоитъ въ томъ, что на основаніи общихъ положеній мысли создается идея, или абстрактное понятіе, съ точки зрѣнія котораго и объясняется весь міръ. А ргіогі рѣшивши тайну бытія, онѣ съ предвзятой мыслью берутся за изслѣдованіе, и въ результатъ получается то, что бытіе насильно вводится въ заранѣе приготовленные рамки понятія, а все

¹⁾ Филос. осн. ц. зн.—ibid.—63—65.

²⁾ Ibid. ibid. 98.

неподходящее сюда игнорируется или прямо отрицается. Не смотря на всю свою искусственность, метафизическія доктрины могут пользоваться широкой популярностью въ обществѣ. Что можетъ быть нелогичнѣе и искусственнѣе матеріализма, какъ философской доктрины, и тѣмъ не менѣе въ одномъ настоящемъ столѣтіи, на ея долю выпало не мало благопріятныхъ, счастливыхъ дней. Эта популярность той или иной доктрины въ извѣстное время обусловливается соотвѣтствіемъ общаго духа ея настроенію общества. Судьба философіи Шопенгауэра, какъ нельзя лучше подтверждаетъ эту мысль. Первоначальное появленіе этой пессимистической философіи совпало съ тѣмъ временемъ, когда западно-европейское общество увлекалось всевозможными соціальными и политическими мечтами, когда отъ политическаго и соціального переворота ожидали чуть ли не водворенія рая на землѣ. Понятное дѣло, что пессимизмъ рѣшительно не гармонировалъ съ общимъ радостнымъ настроеніемъ культурнаго общества; вотъ почему появленіе философіи Шопенгауэра прошло совершенно незамѣтно, на нее обратили вниманіе лишь ученые спеціалисты ¹⁾. Но время скоро перемѣнилось, мечты и надежды общества разбились о суровую дѣйствительность, наступило общее разочарованіе, къ которому, какъ нельзя лучше, подходило міровоззрѣніе Шопенгауэра. Неудивительно послѣ этого, если культурное общество нашло въ философіи пессимизма вѣрное выраженіе своего настроенія, приняло ее въ качествѣ житейскаго катихизиса, исповѣданія своей вѣры, а творецъ этой философіи попалъ въ число идоловъ его.

Можетъ быть, нѣчто подобное ждетъ и нашего философа въ Россіи. Въ настоящее время больше популярно одно имя, личность Соловьева, чѣмъ его ученіе. Но нѣтъ ничего удивительнаго, если его философія будетъ имѣть славное будущее, за это ручается ясность и достижимость его житейскихъ идеаловъ. Въ эту силу философіи Соловьева увѣровалъ даже одинъ изъ принципиальныхъ противниковъ его—славянофилъ Леонтьевъ. „При всей воздушной высотѣ своей мистики и метафизики, Соловьевъ, по словамъ Леонтьева, даетъ уму осязательную видимую цѣль: подчиненіе папству—разъ, сохране-

¹⁾ Пбервергъ—Гейвце. Исторія новой философіи. 343.

ніе самодержавія—два, идеаль приближительнаго хозяйственнаго улучшенія—три (соціализмъ консервативный). Я, какъ мыслящій человекъ, все болѣе и болѣе начинаю думать, что ученіе его имѣетъ будущность въ Россіи“... „Не добрались, не додумались еще до него наши молодые люди, большинству изъ нихъ еще не успѣлъ наскучить западный либерализмъ... Но если понадобится молодежи нашей что нибудь подтверже, хотя идеальное, но ясное и достижимое, посмотрите—какъ они накинута на ученіе Соловьева“¹⁾).

Въ виду того, что подобныя философскія доктрины строятся искусственнымъ образомъ и, не смотря на это, все таки претендуютъ на пониманіе и вѣрное объясненіе дѣйствительности, неудивительно, если серьезныя науки, которыя прежде всего стремятся изучить эту дѣйствительность, рѣшительно отрицаютъ всякую цѣнность за ними, какъ не имѣющими подъ собою твердой почвы, или основывающимися на гаданіяхъ и предположеніяхъ. Этотъ антагонизмъ между философіей и наукой не устранимъ никакими искусственными мѣрами въ родѣ логическаго синтеза, который предлагаетъ нашъ философъ. Только строгое разграниченіе этихъ двухъ областей по ихъ происхожденію, предмету и задачамъ, подлежащимъ ихъ спеціальному вѣдѣнію, можетъ вести къ предположенной цѣли.

Первыя начатки положительной науки происходятъ изъ чисто теоретическаго интереса. Человѣку нерѣдко приходится сталкиваться съ такими явленіями природы, причины которыхъ ему неизвѣстны, и которыя поэтому кажутся ему странными и непонятными; чтобы выйти изъ этого состоянія незнанія и удивленія, онъ стремится объяснить эти явленія чрезъ изслѣдованіе ихъ причинъ и такимъ образомъ создаетъ первыя опыты положительной науки. Первыя же попытки философствованія происходятъ изъ чисто практическаго интереса, который вызывается кореннымъ противорѣчіемъ въ самомъ человекѣ между его сознаніемъ и жизнью—убѣжать отъ этого противорѣчія никуда нельзя; мученія же, которыя человекъ испытываетъ отъ его загадочности, настолько сильны, что невольно побуждаютъ человека такъ или иначе объяснить себѣ подобное про-

¹⁾ Письма Леонтьева къ К. Губастову. Рус. Об. 1897 г. май 405 стр.

творѣчіе, а объяснять себя самого и значить философствовать. Отсюда загадочность человѣческаго существованія и то величайшее изумленіе, какое испытываетъ человѣкъ подѣ вліаніемъ ея — вотъ что толкаетъ его на путь философствованія. Возникая изъ запросовъ мысли, изъ интересовъ любознательности, наука имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что существуетъ, и стремится къ возможно полному и возможно точному познанію всего существующаго, какимъ оно является для насъ по даннымъ чувственного опыта или по выводамъ научнаго мышленія; философія же, возникая изъ запросовъ жизни, имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что должно существовать (съ идеалами людей), и стремится къ опредѣленію назначенія человѣка въ мірѣ и его должныхъ отношеній къ міру. Словомъ: тамъ центромъ является міръ, а человѣкъ, какъ только часть его, здѣсь же центромъ служитъ самъ человѣкъ, а міръ есть только среда, гдѣ человѣкъ осуществляетъ свое назначеніе; тамъ создается общая система научнаго міросозерцанія, а здѣсь строится живое міровоззрѣніе. Въ виду такого различія науки и философіи по ихъ происхожденію, содержанію и задачѣ, ясно, что каждая изъ нихъ имѣетъ полное право на самостоятельное и независимое существованіе въ качествѣ особой науки, а потому ни сливаться, ни замѣнять одна другую онѣ не могутъ. Напротивъ, не смотря на все свое различіе, указанная области могутъ стоять рядомъ и подлѣ, не отрицая, а дополняя другъ друга. Философъ, разъ онъ только заинтересуется явленіями внѣшняго міра и собою самимъ, поскольку онъ есть часть міра, долженъ непременно обратиться для удовлетворенія своихъ запросовъ къ положительной наукѣ, такъ какъ въ своей философіи онъ не найдетъ отвѣта на нихъ; но равнымъ образомъ и ученый, разъ только онъ пожелаетъ подумать о себѣ, о смыслѣ и назначеніи своей жизни, то онъ долженъ оставить почву положительной науки — такъ какъ она не ставитъ и не можетъ ставить вопросовъ — зачѣмъ и для чего? — и обратиться къ философіи, какъ наукѣ, спеціально занимающейся рѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ. Стало бытъ, между наукой и философіей возможно полное согласіе.

Ив. Сперанскій.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ СКОВОРОДЫ.

(Продолженіе *).

Г Л А В А II.

Теологическія воззрѣнія Г. С. Сковороды не могутъ быть раскрыты вполнѣ опредѣленно и обстоятельно. Причина этому та, что большинство своихъ сочиненій Сковорода посвятилъ нравственно-практическимъ вопросамъ и только по связи съ ними кратко выражаетъ въ этихъ сочиненіяхъ свои религіозныя убѣжденія. Изъ всѣхъ сочиненій его только „Начальная дверь къ христіанскому добронравію“ раскрываетъ по преимуществу его религіозное міровоззрѣніе, но это сочиненіе сравнительно небольшое.

Основнымъ источникомъ религіозныхъ воззрѣній служить для Сковороды церковное ученіе, въ которомъ онъ былъ воспитанъ. Но, почерпая вѣроученіе изъ св. Писанія, Сковорода вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ философъ, стремится примирить нѣкоторыя истины сверхъестественнаго откровенія съ требованіями ищущаго и изслѣдующаго ума. Такимъ именно образомъ излагается въ сочиненіяхъ Сковороды ученіе о Богѣ и ученіе о безсмертіи и загробной жизни.

Сковорода нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не доказываетъ *бытіе Божіе* и даже не говоритъ о необходимости такого доказательства; причиною этого, надо полагать, было его искреннее убѣжденіе, что вѣра въ Божество такъ глубоко коренится въ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1901 г. № 16.

душѣ человѣка, что послѣдній по этому самому не нуждается въ какихъ-либо разсудочныхъ доказательствахъ бытія Божія. Что убѣжденіе въ бытія Божіемъ коренится во врожденныхъ влеченіяхъ нашей природы, объ этомъ Сковорода говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ много разъ. По его воззрѣнію, безбожіе возможно лишь при полной извращенности духовной природы человѣка, отдавашагося вполнѣ жизни „по плоти“ и забывшаго о высшихъ требованіяхъ своей души. Отсюда понятно, почему Сковорода указываетъ на самопознаніе, какъ на первый шагъ къ познанію Божества. „Отъ познанія себе самого,—говоритъ онъ,—входитъ въ душу свѣтъ вѣдѣнія Божія, а съ нимъ путь щастія мирный“. Черезъ самопознаніе человѣкъ познаетъ высшія требованія своей души, познаетъ въ себѣ „новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобной истинѣ“. Погружаясь мыслію своею въ изученіе своей духовной природы, онъ ощущаетъ въ своей душѣ постоянное влеченіе къ Безконечному и черезъ разсмотрѣніе подобія Божія въ себѣ самомъ убѣждается въ бытіи Бога. Этотъ внутренній или психическій способъ увѣренности въ бытіи Божіемъ имѣетъ, по Сковородѣ, для человѣка особенно важное значеніе въ виду того, что душа его, при своей чистотѣ, постоянно находится въ непосредственномъ нравственномъ единеніи съ своимъ Первообразомъ, вслѣдствіе чего присущая ей идея Бога все болѣе и болѣе раскрывается. Разсматривая затѣмъ видимый міръ, человѣкъ и въ немъ увидитъ „печатлѣемые слѣды Божіи, безвѣстная и тайная премудрости Его, обличающіи и будто тропинкою къ ней ведущіи“. И чѣмъ больше онъ познаетъ свою душу, чѣмъ больше сердце его очищается отъ всего плотскаго и чувственнаго, тѣмъ оно способнѣе дѣлается къ познанію Бога и самая вѣра въ бытіе Его становится все тверже и живѣе. „Кто можетъ,—говоритъ Сковорода,—очистити сердце свое отъ всей стихійной грязи, да узритъ очима сего человѣка: взыйде Богъ въ восклицованіи... А видѣтъ въ стихіяхъ сіе значитъ не видѣтъ Его, ниже знати Его. Растаяло сердце мое отъ витающаго гласа Его ко мнѣ сего: дерзай! Радуйся! Миръ тебѣ!.. Не вижу Его, но знаю и вѣрую, что Онъ есть“¹⁾). Свою мысль о томъ, что

¹⁾ „Діал. или разгл. о др. мірѣ“, стр. 60; „Нарк.“, разг. 7, стр. 30.

стремленіе къ Богу свойственно нашей душѣ, Сковорода особенно ясно выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „наша мысль, будто въ странствіи находясь, ищетъ по мертвымъ стихіямъ своего сродства и, подлыми забавами не угасивъ, но пуще распаливъ свою жажду, тѣмъ стремительнѣе отъ раболѣпной вещественной природы возносится къ вышней господственной натурѣ, къ родному своему и безначальному Началу, дабы сіяніемъ Его и огнемъ тайнаго зрѣнія очистившись, увольнитись тѣлесной земли и землянаго тѣла“. ¹⁾ Въ одномъ стихотвореніи Сковорода ясно выражаетъ и ту мысль, что чистота душевная — необходимѣйшее условіе для богопознанія. „Омый скверну отъ очесъ,—говоритъ онъ,—дабы возлетѣть до небесъ, ибо сердцемъ нечистъ не можетъ Бога узрѣть, и нельзя до сихъ мѣстъ земленному долетѣть. Душа наша тѣлеснымъ не можетъ довольна быть; она только небеснымъ горитъ скуку насытить“ ²⁾. Влеченіемъ къ Богу вообще, и этимъ только, Сковорода объясняетъ тотъ замѣчательный фактъ, что „всѣ народы всегда согласо вѣрили въ Бога“, хотя нерѣдко и извращали понятіе о Немъ и почитали вещество за Бога ³⁾. Чтобы избѣжать такихъ заблужденій и достигнуть истиннаго, возможнаго для ограниченнаго ума человѣческаго, познанія Божества, увѣровавшій въ Бога долженъ, по ученію Сковороды, руководиться Библіей, которая служить для насъ „какъ бы „воротами, вводящими сердца наша въ вѣру богознанія, въ надежду господственной природы, въ царство мира и любви“ ⁴⁾.

Богъ въ Своей сущности, какъ бытіе въ Себѣ и для Себя, по ученію Сковороды, непостижимъ для ограниченнаго человѣческаго разума. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Сковорода уподобляетъ Бога „смирной, но не уловяемой птицѣ“; въ другихъ онъ нерѣдко называетъ Его „Началомъ безконечнымъ“, сущность Котораго должна быть съ благоговѣніемъ воспринята вѣрою такъ, какъ о ней говоритъ Божественное Откровеніе.

1) „Разг. друж. о душ. мирѣ“, стр. 105; ср. стр. 319, 343.

2) „Садъ божеств. пѣсней“, стр. 260.

3) „Нач. дверь къ христ. добронр.“, стр. 135.

4) „Разг. друж. о душ. мирѣ“, стр. 109.

Среди христіанскихъ истинъ, опредѣляющихъ существо Божіе, первое мѣсто занимаетъ, по ученію Сковороды, ученіе о Троичности Божества. Возвышенность этого ученія совершенно непонятнаго нашему уму и даже противорѣчащаго ему, не должна быть причиною отрицанія его нами, потому что невозможное для насъ возможно для Бога. „Вижу,—говоритъ Сковорода, едино, а тое есть трое; вижу трое, а то едино, такъ какъ въ Пифагоровомъ, триугольникѣ, начертанномъ въ кругѣ, 3, 2 и 1 и тоже... Господственная природа названа у древнихъ отцовъ: *Τριφυλος μονας και φους*. Трисолнечное единство и естество—сія единица всему глава, а самая безначальная, ни временемъ, ни именемъ, ни мѣстомъ, ни полемъ не ограниченная ¹⁾. „Каковымъ способомъ Божія Премудрость (т. е. Иисусъ Христосъ) родилась отъ Отца безъ матери и отъ Дѣвы безъ отца, какъ Она воскресла и опять къ Своему Отцу вознеслась и прочая, пожалуй не любопытствуй, и имѣются и въ сей, какъ и въ прочихъ наукахъ, тонкости, въ которыхъ однихъ можетъ себѣ занять мѣсто тая недѣйствительная вѣра, которую называютъ умозрительною“. Вѣрою должны быть восприняты и другія истины, опредѣляющія особенности Божественной природы и свидѣтельствующія о непостижимости Привѣчнаго. „На что тебѣ спрашивать, напр., о воскресеніи, если и самый даръ воскрешать моты—ничто не пользуетъ бездѣльной душѣ, ни воскресающей, ни воскрешаемой? Отъ такихъ-то любопытниковъ породились расколы, суетвѣрія и прочія язвы, которыми вся Европа безпокоится... Не тотъ вѣреникъ государю, кто въ тайности его вникнуть старается, но тотъ, кто волю его усердно исполняетъ“ ²⁾.

Основаніемъ для опредѣленія *свойствъ* Божества служило для Сковороды ученіе христіанское. Овъ мыслить Бога, прежде всего, Духомъ нетлѣннымъ и Личностію, съ премудрымъ умомъ и свободною волею ³⁾. Далѣе, Богъ—Существо безграничное

1) „Изр. зміи“, пред., стр. 256; Потопъ зміи, гл. 4. ХСV.

2) „Нач. дверь къ христ. добронр.“, стр. 188.

3) Письмо № 81, стр. 111, „Житіе“, стр. 28; „Разг. наз. алф. или букв. мира“, стр. 132 и 148, „Нач. дверь къ христ. добронр.“, стр. 185 и 186.

во всѣхъ отношеніяхъ,—вѣчное, вездѣсущее, всемогущее и неизмѣняемое. Какъ Существо всемогущее, Богъ все творить единымъ Своимъ словомъ. Будучи личнымъ, свободнымъ и всевѣдущимъ, Богъ является Существомъ справедливымъ и всесвятымъ. По самой сущности Своей Богъ—Существо вѣчно—дѣятельное, милосердное и всеблаженное; Онъ одинъ является Источникомъ добра, свѣта и жизни ¹⁾).

Христіанское ученіе *объ отношеніи Бога къ міру* Сковорода истолковываетъ при помощи философствующаго разума. Представляя Бога существомъ личнымъ, духовнымъ и съ свободною волею, онъ, конечно, не могъ думать, что Богъ и вещественный міръ тождественны по своей сущности. Въ сочиненіяхъ Сковороды есть мѣста, ясно показывающія, что онъ, согласно съ ученіемъ христіанскимъ, признавалъ Бога отличнымъ отъ міра по Своей сущности (трансцендентность Божества). „Нельзя ползущимъ по землѣ и пресмыкающимся по стихіямъ взоромъ видѣть Бога,—говоритъ Сковорода. Сіе значитъ—искать въ мертвыхъ живаго, ясти землю и мудрствовать о свѣѣ. Правда, что вся стихійная подлость будто риза Имъ носимая: Его же самаго она есть и Онъ въ ней вездѣ. Но *не она Имъ есть, ни Онъ ея*. И хотя въ ней, но кромѣ ея и выше ея пребываетъ не мѣстомъ, но святынею... Все Ему подобно, и Онъ всему, но ничто же есть Имъ и Онъ ничѣмъ же кромѣ Его, ничто же, яко же Онъ“ ²⁾. Сообразно съ такимъ ученіемъ о Богѣ, какъ существѣ неограниченномъ и абсолютно совершенномъ, отдѣльномъ и отличномъ отъ міра по своей природѣ, Сковорода міръ признаетъ бытіемъ условнымъ, имѣющимъ свое основаніе въ Богѣ. Богъ есть Творецъ и Устроитель міра, создавшій всякое бытіе изъ ничего и приведшій все въ художественный порядокъ единымъ дѣйствіемъ Своей всемогущей воли. „Какое,—разсуждаетъ Сковорода,—есть основаніе первовачальное тварей? Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облеци совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно

¹⁾ „Нарк.“, прол., стр. 2—3.

²⁾ „Діал. или разг. о древн. мірѣ“, стр. 55; „Бес., пареч. двое“ стр. 75; ср. отд. II, стр. 59—60.

и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы... Поэтому Богъ—вѣковъ Творецъ; вся тварь—есть—то сѣкомая натура: нѣсть ей причастія со всеобщемою оною Единицею ¹⁾ Богъ является, такимъ образомъ, первопричиною и источникомъ всего бытія. „Онъ есть вышняя всѣхъ винъ вина и резонъ. Ему всѣ отдають причину, а Онъ никому. Если бы онъ отдавалъ отчетъ, (то) имѣлъ бы зависимость сверхъ Себя, Ему начало и потерялъ бы Божество. Но не можетъ Онъ потерять Божества,—Онъ всему начало и конецъ всему; тѣмъ то Онъ и Богъ, что лучший всего ²⁾).

Наряду съ такимъ ученіемъ Сковороды въ его сочиненіяхъ встрѣчаются выраженія, которыя производятъ такое впечатлѣніе, что онъ не чуждъ былъ „пантеистическихъ воззрѣній“. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „въ Бозѣ раздѣленія нѣсть, но Онъ простирающееся по всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ единство, ибо Богъ, міръ Его и человѣкъ есть одно... Богъ—вездѣ, всегда во всемъ и не видно, а прочее все видно и нѣтъ того ничего. Онъ самъ бытіемъ есть всякому созданію. Ничто же есть Богъ, точію сердце вселенныя ³⁾“. Еще яснѣе, повидимому, на пантеистическій характеръ ученія Сковороды указываетъ то, что онъ слово *Natura* считаетъ приличнымъ именемъ для Бога. ⁴⁾ Это же, на первый взглядъ, подтверждается нѣкоторыми выраженіями Сковороды о природѣ человѣка напр: „что радостнѣе св. Духу, какъ то, чтобы намъ всѣмъ стать Богомъ?“ „Хочешь-ли быть Христомъ?. Возьми ты отъ странника то, что самъ тебѣ подносить... ⁵⁾“. Спрашивается теперь: какъ понимать всѣ эти и подобныя имъ выраженія Сковороды? Можно ли, на основаніи ихъ, усматривать у него „чисто пантеистическое пониманіе міра“, какъ это сдѣлала г-жа Ефименко, ⁶⁾ или ихъ нужно объяснять какъ-либо иначе?

¹⁾ „Житіе“, стр. 19—20; „Садъ божеств. пѣсней“, № 9; стр. 265.

²⁾ Письма Сков., № 81, стр. 111; № 88, стр. 121.

³⁾ „Діал. пли разгл. о древ. мірѣ“, стр. 51; письм. къ Тевяшову стр. 113.

⁴⁾ „Разг. друж. о душ. мірѣ“, стр. 85.

⁵⁾ „Нарк“. разг. 4, стр. 17; „Бесѣда, нареч. двое“, стр. 74—75.

⁶⁾ В. Ф. и Пс., 1895, ноябрь, „Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя“, стр. 423—425.

Проф. Зеленогорскій въ отвѣтъ на этотъ вопросъ говоритъ, что „Сковорода былъ далекъ отъ матеріалистическаго пантеизма стоиковъ“, а для доказательства этого справедливо ссылается на тѣ мѣста въ сочиненіяхъ Сковороды, изъ которыхъ ясно видно, что онъ признавалъ и почиталъ единого личного духовно-нравственнаго Бога съ свободною волею ¹⁾. Къ этому, пожалуй, можно еще прибавить, что Сковорода нигдѣ не называетъ вещество проявленіемъ самой вѣчной божественной сущности, какъ это признавали древніе стоики, гностики и другіе пантеисты. Напротивъ, онъ ясно говоритъ, что міръ вещественный созданъ Богомъ изъ ничего. Но если это такъ, если Сковорода не былъ въ строгомъ смыслѣ пантеистомъ, то спрашивается: какъ же нужно объяснять тѣ выраженія его, которыя, повидимому, свидѣтельствуютъ о его пантеистическихъ воззрѣніяхъ? Нельзя, конечно, отрицать нѣкотораго вліянія на Сковороду ученія Платона и стоиковъ; необходимо также признать, что глубокая вѣра Сковороды въ Бога—Промыслителя могла отчасти сообщить его міровоззрѣнію пантеистическій или, вѣрнѣе, пан—эн—теистическій оттѣнокъ. Призывая Бога отличнымъ отъ міра по сущности и въ этомъ смыслѣ трансцендентнымъ по отношенію къ нему, Сковорода вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ Его имманентнымъ міру въ томъ смыслѣ, что Богъ, какъ вездѣсущій, стоитъ въ непосредственномъ взаимоотноеніи съ міромъ и проникаетъ его какъ Своею сущностью, такъ и дѣйствиємъ Своей творческо-промыслительной силы, дающей бытіе міру. Эта вѣра въ вѣчный и простирающійся на все Промыслъ Божій была у Сковороды настолько живою, что создала въ немъ пан—энтеистическое настроеніе, благодаря которому онъ на все смотрѣлъ съ религіозной точки зрѣнія. Идея панэнтеизма—„все въ Богъ“—основная идея, проникающая всю его систему. При этомъ замѣчательно то, что въ своемъ ученіи о Промыслѣ Божіемъ Сковорода прибѣгаетъ къ ученію о Троицности Божества и каждому Лицу Св. Троицы приписываетъ особую дѣятельность по отно-

1) В. Ф. и Пс., 1894, май, стр. 229—230.

шенію къ міру. „Богъ Отецъ, говоритъ Сковорода, знаменуетъ Начало предваряющее всю тварь; Сынъ Божій—знаменуетъ Начало, создавшее плоть и вселившееся въ ней, Духъ св.—знаменуетъ Начало, пребывающее исчезнувшей плоти“ (I отд., стр. 19). Такимъ образомъ, если Богъ—Отецъ является по отношенію къ твари „предваряющимъ“ ее, существующимъ поверхъ ея, то Сынъ Божій и св. Духъ представляются пребывающими въ мірѣ и воздѣйствующими на тварь чрезъ твореніе и нравственное обновленіе ея. Имѣя въ виду эту сторону въ ученіи Сковороды, проф. Зеленогорскій справедливо усматриваетъ у него попытку чрезъ признаніе троичности Божества „примирить пантеизмъ съ умозрѣніемъ, признающимъ личнаго Бога съ свободою волею, какъ такія философскія направленія, которыя считались и считаются непримиримыми¹⁾. Можно указать много мѣстъ въ сочиненіяхъ Сковороды, которыя ясно указываютъ на его твердое убѣжденіе, что Богъ—духъ всюду въ мірѣ господствуетъ и вѣчно обо всемъ промышляетъ. Изъ такого убѣжденія Сковороды вытекалъ его *оптимистическій* взглядъ на вселенную. „Вся экономія Божія во всей вселенной исправна, добра и всѣмъ намъ все-полезпа есть: Его именемъ и властію все—на—все на небеси и на земли дѣлается“. Въ другомъ мѣстѣ Сковорода говоритъ: „въ Богѣ нѣтъ мужскій полъ, ни женскій, но все въ Немъ и Онъ во всемъ, для того сказуетъ Павелъ: Иже есть всяческая во всемъ... Весь міръ и человѣкъ суть изъявленіе чудесъ, которыя Духъ Бога невидимаго производитъ вещественно“²⁾. Въ частности, мысль объ участіи Сына Божія въ божественномъ промыслѣ о мірѣ и человѣкѣ Сковорода раскрываетъ такъ: „чистѣйшій, всемірный, всѣхъ вѣковъ и народовъ Умъ излилъ намъ, какъ Источникъ, всѣ мудрости и художества, къ провозженію житія нужвыя. Но ничѣмъ Ему такъ не одолженъ всякій народъ какъ тѣмъ, что Онъ далъ намъ самую высочайшую Свою Премудрость, которая природный Его есть портретъ и печать... Вѣчная сія Премудрость Божія, во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, неумолкно

1) В. Ф. и Пс., 1894, сентябрь, стр. 312.

2) Васня № 27, стр. 169; ср. басня № 24, стр. 165—166, „Житіе“, стр. 23.

продолжаетъ рѣчь Свою. Она—повсемственнаго естества Божія невидимое Лицо и живое Слово, тайно ко всѣмъ намъ внутрь гремящее... Первѣйшіе христіане именуютъ Ее Христомъ, т. е., Помазанникомъ—Царемъ, потому что одна Она управляетъ къ вѣчному и временному счастью всѣ государства, всякія сожителства и каждаго порознь“ (186—188 стр.). Какъ можно заключать изъ этихъ словъ, Сынъ Божій является, по Сковородѣ, Посредникомъ между Богомъ и міромъ въ исторіи вѣчнаго промысленія Божія о мірѣ и человѣкѣ. Особенное проявленіе этого промысленія Сковорода видитъ въ искупительной дѣятельности Христа Спасителя, равнаго существомъ и силою предвѣчному Своему Отцу, умершаго за насъ, примирившаго насъ съ Богомъ, обновившаго наше естество, стершаго главу змія и ниспославшаго намъ Духа Своего. Духъ Святыи представляется у Сковороды ближайшимъ въ мірѣ Промыслителемъ, Источникомъ истины для людей и ихъ Наставникомъ и Помощникомъ въ духовно-нравственной жизни.

По взгляду Сковороды, Промысль Божій въ мірѣ явно проявляется въ тѣхъ неизмѣнныхъ законахъ міровой жизни, которые установлены Творцомъ и сообразно съ которыми существуетъ вселенная. Эти законы всегда сохраняются и поддерживаются Промыслителемъ; въ нихъ проявляется Его всеблагая воля ¹⁾, и отъ Него зависятъ, слѣдовательно, всѣ, такъ называемыя, естественныя явленія природы, напр., вѣяніе вѣтра ²⁾. Въ одномъ сочиненіи Сковороды говоритъ, что „міръ сей—машина, изъ многихъ машинокъ, составленная“. Блаженнѣйшая натура или Духъ, весь міръ, будто машинистова хитрость, часовую на башнѣ машину въ движеніи содержитъ и. по примѣру попечительнаго отца, Самъ бытіемъ есть всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починаетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ или уставомъ зовется, опять въ грубую матерію, или грязь, обращаетъ, и мы то называемъ смертію“. Является теперь вопросъ: допу-

¹⁾ „Воля Божія есть верхъ и законъ законовъ“ и дал., (Разгл. наз. алф. или букв. міра“, стр. 132).

²⁾ Басня № 11, стр. 157.

скалъ ли Сковорода, что промышленіе Божіе въ мірѣ можетъ проявляться въ *чудесахъ*? Проф. Зеленогорскій склоняется къ той мысли, что Сковорода отрицалъ возможность чудесъ и сверхъестественнаго откровенія въ частности; для доказательства своего мнѣнія онъ ссылается на слѣдующія слова Сковороды: „дѣтское есть сіе мудрованіе, обличающее наглость и непостоянность блаженнаго натуры, будто она когда-то и гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ. Все же то не великое, что не нужное, и все ненужное то, что не всегда и не вездѣ есть возможное. Кая же слава и хвала дѣлать невозможное? Все преграждаемое закономъ блаженнаго натуры есть тѣмъ неполезное, чѣмъ невозможное, а чѣмъ полезное, тѣмъ возможное. Возстать противу царства ея и законовъ сія есть несчастная исполниская дерзость, любящая прегражденіе, невозможность и бесполезность. Какъ же могла востать сама на свой законъ блаженнаго натура? Разъ она велѣла тонуть желѣзу—и бысть тако“. ¹⁾ Не можетъ, однако, быть сомнѣнія въ томъ, что Сковорода говоритъ здѣсь о невозможности неестественнаго (противоестественнаго) и безполезнаго; что же касается сверхъестественныхъ дѣйствій Божества въ мірѣ, совершаемыхъ по Его волѣ и полезныхъ для твари, то онъ считалъ ихъ вполне возможными и даже необходимыми для твари; онъ допускалъ, напр., воздѣйствіе Духа Божія на человѣка, воплощеніе Премудрости Божіей и т. п. ²⁾

Въ своихъ сочиненіяхъ Сковорода сильно вооружается противъ *атеизма и суевѣрій*, которыя въ его время значительно были распространены въ русскомъ обществѣ. Атеизмъ былъ занесенъ къ намъ въ Россію изъ Франціи французскими воспитателями дѣтей высшихъ классовъ русскаго общества и чрезъ чтеніе французскихъ книгъ отрицательнаго направленія. Главную причину распространенія его у насъ Сковорода видѣлъ въ отсутствіи богословско-философскаго просвѣщенія. Безъ него человѣкъ только матеріальное и видимое признаетъ за дѣйствительное бытіе; этому очень помогаютъ и предрасудки, кото-

¹⁾ „Изр. змій“, пред., стр. 253; В. Ф. и Пс., 1894, май, стр. 215—216.

²⁾ „Нарк.“, стр. 20; „Нач. дв. къ христ. добровр.“ стр. 187 и др.

рыхъ такъ сильно держатся непросвѣщенные люди. Если Сковорода чистоту души и независимость отъ всего плотскаго и вещественнаго считалъ необходимымъ условіемъ для богопознанія, то отсюда уже ясно слѣдуетъ, что „грубая плоть“ человѣка, по его представленію, служитъ препятствіемъ къ богопознанію. Это не означаетъ того, что Сковорода смотрѣлъ на тѣло, какъ на зло и источникъ зла; опровергая такой взглядъ на тѣло, онъ допускалъ только то, что оно, будучи немощнымъ по своимъ свойствамъ, стремится „къ землѣ“ и потому постоянно нуждается въ руководствѣ разума; если-же тѣло иногда господствуетъ надъ душой и приводитъ человѣка къ порокамъ, то въ этомъ виновно, по его воззрѣнію, не тѣло, а душа, ослабившая власть свою надъ тѣломъ.

Подчиненіе души тѣлу приводитъ человѣка, между прочимъ, и къ невѣрію. Невѣжда никакъ не можетъ понять, что Богъ духовенъ и что Его нельзя видѣть тѣлесными глазами. Онъ хочетъ чувственно увидѣть Бога и для этого ищетъ Его всюду на землѣ—и не находитъ ¹⁾, и результатомъ этого является или нечестивое служеніе плоти, или безбожіе. „Нельзя ползущимъ по землѣ взоромъ видѣть Бога. Въ ней мы, устремляя очи, погружаемъ и мысли наши и, засмотрѣвсь на тѣнь, не возводимъ сердечныхъ очей въ горнее истины разсужденіе“. Сковорода указываетъ также и печальныя послѣдствія атеизма. При изъясненіи 3 заповѣди десятословія онъ говоритъ: „смотри, не входи въ ровъ безумія, будто въ свѣтѣ ничего нѣтъ, кромѣ видимостей, и будто имя Богъ пустое есть. Въ сей то безднѣ живутъ клятвы ложныя, лицемѣріе, обманы, лукавства, измѣны и всѣ тайныхъ и явныхъ мерзостей страшилища. А вмѣсто того напиши на сердцѣ, что вездѣ, всегда присутствуетъ судъ Божій, готовъ на всякомъ мѣстѣ невидимо жечь и сѣчь невидимую твою часть, не косня ни точки, за всѣ дѣла, слова и мысли, въ которыхъ меня нѣтъ“. „Невѣріе—горчайшій ядъ“; невѣрующій испытываетъ „безбожничій и рабскій страхъ Божій, который мучитъ и погубляетъ“ ²⁾.

¹⁾ 2 вступ. проп., стр. 178—180.

²⁾ „Нач. дв. къ христ. добр.“, стр. 189; „Разг. друж. о душ. мирѣ“, стр. 109; басня 26, стр. 168.

Еще болѣе опасными и вредными Сковорода считаетъ суевѣрія, причину которыхъ онъ видѣлъ также въ недостаткѣ образованія. По его взгляду, суевѣрія происходятъ отъ пристрастія къ плоти, буквальнаго пониманія Библіи и необдуманнаго стремленія человѣка понять непостижимое ¹⁾. Ихъ считалъ онъ главнымъ источникомъ тѣхъ нравственныхъ недуговъ, которыми страдало современное ему русское общество, — лицемѣрія, тунеядства, ханжества, сектанства и т. п.

Въ заключеніе изложенія религіозныхъ убѣжденій Сковороды необходимо еще сказать о взглядѣ его на *безсмертіе души и загробную жизнь*. Страхъ смерти былъ совершенно непонятенъ для Сковороды. Глубоко вѣруя въ всеблагое и вѣчное промышленіе Божіе въ мірѣ, онъ считалъ смерть благимъ, освобождающимъ насъ отъ всякихъ бѣдствій и отъ немощнаго тѣла, явленіемъ, а боязнь ея объяснялъ отсутствіемъ вѣры въ Бога ²⁾. Такой взглядъ вытекалъ изъ глубокаго убѣжденія Сковороды, что душа—существо богоподобное, чисто духовное и потому истинно безсмертное, предназначенное для тѣснѣйшаго единенія съ своимъ Творцомъ. Кавалѣнскій въ своемъ „Житіи Г. Сковороды“ рассказываетъ слѣдующее. „Занимаясь много другомъ своимъ (т. е. Ковалѣнскимъ), возводя умъ выше обыкновенныхъ познаній, навѣдывался Сковорода искоренить въ немъ предубѣжденія, впечатлѣнныя отъ невѣждъ и бабихъ басней. Примѣтя, что страхъ смерти и боязнь мертвыхъ обладали мучительно воображеніемъ его, предлагалъ онъ ему важныя чтенія, разрушающія сіе ужасное мнѣніе... Богочеловѣкъ нашъ, говорилъ онъ, есть вѣнецъ нашъ: не умираемъ, но измѣняемся отъ смерти въ животь, отъ тлѣнія въ нетлѣніе. Умираютъ и умерли уже, имъ же Богъ чрево ихъ и слава ихъ въ стѣдѣ ихъ. Страхъ смерти нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя восруженіемъ противу врага сего, не умствованіями, — они не дѣйствительны, но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевный миръ приуготовляется издали,

¹⁾ „Нач. дверь къ христ. добнр.“, стр. 188; „Изр. змій“, пред., стр. 253.

²⁾ „Разг. друж. о душ. мврѣ“, стр. 102.

тихо въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувстіемъ сдѣланнаго добра... Жизнь временная есть сонъ мыслящей силы нашей. Придетъ часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи временности сей исчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное уничтожится“ (стр. 19, 20 и 36). Согласно съ ученіемъ христіанскимъ, Сковорода твердо вѣровалъ, что люди праведные въ будущей жизни будутъ вѣчно блаженствовать въ единеніи съ Богомъ. „Познавшій нетлѣннаго и истиннаго человѣка, т. е. Христа Спасителя, не умираетъ и смерть имъ не обладаетъ, но съ своимъ господиномъ вѣрный слуга вѣчно царствуетъ раздѣвшись, какъ изъ обвѣтшала ризы, изъ земныя плоти, вадѣвъ новую „сообразно Его Нетлѣнной плоти плоть“¹⁾. Что же касается людей грѣшныхъ, то они уже и въ настоящей жизни претерпѣваютъ мученія совѣсти и духовно умираютъ за свои грѣхи („Житіе“, стр. 37)

Если посмотрѣть теперь на общій строй ученія Сковороды о Богѣ, то нельзя не замѣтить здѣсь вліянія свято-отеческой литературы. Сочиненія выдающихся древне-христіанскихъ писателей были главнымъ условіемъ образованія религіознаго міровоззрѣнія Сковороды. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторыя мысли свои Сковорода заимствовалъ у однихъ св. отцовъ, другіе—у другихъ. Наибольшее вліяніе на Сковороду оказалъ, по нашему мнѣнію, св. Григорій Богословъ; между его ученіемъ и міровоззрѣніемъ Сковороды можно замѣтить наиболѣе пунктовъ сходства, и нѣкоторыя выраженія Сковороды почти буквально заимствуетъ изъ сочиненій этого великаго древне-христіанскаго богослова.

Весьма важное значеніе въ дѣлѣ богопознанія Сковорода, какъ извѣстно, приписывалъ самопознанію, которое, по нему, непосредственно приводитъ человѣка къ убѣжденію въ бытіи Божіемъ. На этотъ внутренній или психическій способъ увѣренности въ бытіи Божіемъ, чрезъ самопознаніе, часто ссылались многіе отцы церкви. Они постановляли этотъ способъ

¹⁾ „Нариссъ“, разг. 7, стр. 36.

увѣренія въ бытіи Божіемъ выше внѣшняго или космическаго и при этомъ утверждали, что онъ имѣеть значеніе для человѣка только при его нравственной чистотѣ и святости. Такъ, Климентъ Александрійскій говоритъ, что чувственный міръ можетъ вести человѣка къ богопознанію потому, что въ нашей душѣ есть врожденная идея о единомъ Богѣ. „Въ каждомъ человѣкѣ есть идея, которая заставляеть его противъ воли признавать, что есть несотворенный и неизмѣняемый Богъ. Такъ какъ подобное понимается подобнымъ, то человѣкъ только тогда достигнетъ созерцанія Бога, когда очиститъ свою душу отъ всего злаго“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же св. отецъ говоритъ: „кто познаеть самага себя, тотъ познаеть Бога“¹⁾. Эту же мысль еще яснѣе выражаетъ св. Василій Великій. „Точное наблюденіе себя самага, говоритъ онъ, дастъ тебѣ достаточное руководство къ познанію Бога. Ибо, если внемлешь себѣ, ты не будешь имѣть нужды искать слѣдовъ Зиждителя въ устройствѣ вселенной, но въ себѣ самомъ, какъ бы въ маломъ какомъ-то мірѣ, усмотрѣть великую премудрость своего Создателя²⁾. Причиною невѣрія въ Бога Василій В. считаетъ нравственную испорченность человѣка и совѣтуетъ всякому, стремящемуся къ богопознанію, „держатъ помыслы свои какъ можно дальше отъ всякой вещественной и тѣлесной страсти, возмущающей душу, чистымъ же и непотемнѣннымъ окомъ души всматриваться въ Божественное“³⁾. Подобнымъ образомъ учили объ этомъ также Григорій Нисскій, блаж. Августинъ и Максимъ Исповѣдникъ⁴⁾. Но особенно сходно съ Сковородою училъ о внутреннемъ способѣ убѣжденія въ бытіи Божіемъ св. Григорій Богословъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ чаще другихъ отцовъ

1) К. Скворцовъ, „Философія отцовъ и учителей церкви“, періодъ апологетовъ, Кіевъ, 1868 г., стр. 229; Еп. Сильвестръ, „Опытъ православно. догм. богословія“, Кіевъ, 1892 г., т. I, стр. 197.

2) Творенія Василя Великаго, ч. IV, Москва, 1846, стр. 44—45.

3) Тв. Василя В., ч. II, М., 1845, стр. 238—239; ч. V, 1847, стр. 9—10, 378.

4) Творенія св. Григорія Нисскаго, ч. I, 1861, М., стр. 313, ч. II, 1861, стр. 334, 438, 443, ч. III, 1862, стр. 150. Тв. бл. Августина Еп. Ипповскаго, ч. II, Кіевъ, 1880, стр. III, 227, ч. VII, 1887, стр. 46, 51. „Св. Отцы нашего Максима Исповѣдника о любви слово“ СПб, 1817, стр. 16 и 50.

касается вопроса о самопознаніи и, подобно Сковородѣ, приписываетъ самопознанію важное значеніе въ дѣлѣ богопознанія. По его ученію, „человѣкъ, отличенный честію, какъ животное разумное, подучилъ въ удѣлѣ мысль о Божествѣ“; „любомудрствовать о Богѣ, однако, можно не всѣмъ, потому что способны къ сему люди испытавшіе себя, которые провели жизнь въ созерцаніи, а прежде всего очистили, по крайней мѣрѣ очищаютъ, и душу и тѣло. Для нечистаго же небезопасно и прикоснуться къ Чистому, какъ для слабаго зрѣнія къ солнечному лучу“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Григорій Богословъ говоритъ: „будемъ очищать себя и обновляться свѣтлою жизнію. Такъ примешь въ себя умосозерцаемаго Бога, ибо несомнѣнно, что Богъ приходитъ къ чистому. Умозаключенія же мало ведутъ къ вѣдѣнію Бога. Весьма важно держаться сказаннаго: кто возлюбилъ, тотъ будетъ возлюбленъ, а кто возлюбленъ, въ томъ обитаетъ Богъ (Іоан. XIV, 21—23). А въ комъ Богъ, тому невозможно не сподобиться свѣта; первое преимущество свѣта — познавать самый свѣтъ. Такъ любовь доставляетъ вѣдѣніе“²⁾.

Мысли и отдѣльныя выраженія Сковороды о Св. Троицѣ также близко напоминаютъ ученіе св. отцовъ, особенно Григорія Богослова. Въ „стихахъ о самомъ себѣ“ Григорій Назіанзскій говоритъ, подобно Сковородѣ, что „Св. Троица есть начало всего, что отдѣляется отъ превыспренняго временемъ“, въ другихъ мѣстахъ онъ называетъ Бога „тройственной единицей“, „Умомъ“, „безначальнымъ началомъ“, а Іисуса Христа — „печатію Безначальнаго“, „Создателемъ и Правителемъ міра“, „Словомъ великаго Отца“³⁾. Климентъ Александрійскій называетъ Іисуса Христа „первообразомъ всѣхъ тварей“, „Лицемъ Самаго Бога, совѣчнымъ Ему по Своей природѣ“, „Премудростію Божіею“ и „Посредникомъ между Богомъ—Отцемъ и міромъ“⁴⁾. Бл. Авгу-

1) Твор. Григорія Богослова, ч. V, М., 1847, стр. 2, ч. III, 1844 стр. 7.

2) Ч. V, стр. 153.

3) Ч. IV, М. 1844, стр. 285; ч. II, стр. 169, ч. VI, стр. 63; ср. соч. Сков. стр. 113 в 186; ч. IV, стр. 101, ч. I, стр. 133, ч. III, стр. 99.

4) Сковорцевъ, стр. 234—235.

стинъ называетъ Иисуса Христа „Премудростію, чрезъ Которую все сотворено и существуетъ по Ея образу“; по Василию В., „Иисусомъ Христомъ все приведено въ бытіе“¹⁾. Вліяніе сочиненій св. отцовъ замѣтно также и въ ученіи Сковороды о Промыслѣ Божіемъ, управляющемъ вселенной. Признавая міръ твореніемъ личнаго Бога, находящагося выше всего сотвореннаго Имъ, св. отцы вмѣстѣ съ тѣмъ учили, что Богъ есть полновластный распорядитель міра и что между Богомъ и міромъ существуетъ самая тѣсная связь. Перифразируя слова Писанія: „Богъ есть всяческая во всѣхъ,—въ Немъ живемъ, движемся и есмы“, нѣкоторые изъ нихъ, указывая отношеніе Бога къ міру, употребляютъ иногда пантеистическія выраженія, хотя, конечно, они были совершенно чужды пантеистическимъ воззрѣніямъ. Разсуждая о Промыслѣ Божіемъ, Григорій Нисскій говоритъ: „Божество равно находится во всемъ и одинаково пронизываетъ все твореніе; нѣтъ ничего, что бы пребывало въ бытіи внѣ Сущаго, но божеское естество соприкасается каждому существу, все содержа въ Себѣ всеобъемлющею силою. Всякое дѣйствованіе, отъ Божества простирающееся на тварь и именуемое по различнымъ о Немъ понятіямъ, исходитъ отъ Отца, чрезъ Сына простирается и совершается Духомъ Святымъ“²⁾. Указывая отношеніе Бога къ міру, Григорій Богословъ также говоритъ, что „Богъ пребываетъ во всемъ и внѣ всего“ и что можно „поставить Его и выше сущности, и въ Него заключить все бытіе, такъ какъ отъ Него сообщается бытіе и прочему“³⁾. Въ своихъ сочиненіяхъ этотъ Св. Отецъ часто касается вопроса о Промыслѣ Божіемъ и всюду доказываетъ Его полновластное господство во вселенной, которая не можетъ существовать безъ Него ни на мгновеніе ока⁴⁾. Онъ рѣзко обличаетъ тѣхъ, которые „хватываются за то, что ближе къ рукамъ, и клеветуютъ, будто все въ мірѣ дѣлается безъ причины, потому только, что ея не ви-

1) Тв. бл. Августина, ч. VII, 1887, стр. 76; тв. Василія В., ч. V, 1847, стр. 12.

2) Ч. VII, 1868, стр. 220; ч. IV, 1862, 122.

3) Ч. I, 1843, стр. 63, 229.

4) Ч. II, стр. 39, 51, 91, 181, ч. III, стр. 21, 40, ч. IV, стр. 231—232, 325.

дять ¹⁾. „Единый Богъ, говоритъ св. отецъ, правитъ все-ленной, какъ Ему угодно; Самъ, по собственнымъ Своимъ мановеніямъ и законамъ, премудро приводитъ все въ движеніе и взаимное сопряженіе; Онъ все твореніе Свое ведетъ къ чему и какъ Ему угодно, безъ сомнѣнія же къ совершенству и у-врачеванію ²⁾. Раскрывая свое ученіе о промыслительной дѣя-тельности Божіей по отношенію къ людямъ, Григорій Бого-словъ иногда употребляетъ даже тѣ же выраженія, какія встрѣ-чаются и у Сковороды, когда, напр., убѣждаетъ христіанъ, содѣлаться богами; или указываетъ, что Духъ св. стремится „содѣлать человѣка Богомъ“, и т. д.

Взглядъ Сковороды на причины и сущность безбожія стоитъ также, повидимому, въ нѣкоторой зависимости отъ Святооте-ческаго объясненія невѣрія и идолопоклонства. Св. отцы для успѣха въ дѣлѣ богопознанія требовали подчиненія тѣла душѣ, а чрезмѣрную любовь къ тѣлу считали причиною невѣрія. „Оцѣ-пенѣвшіе и преклоненные долу люди, по словамъ Григорія Бо-гослова, хватаются за то, что ближе къ рукамъ“; затемнивши въ себѣ идею Божества, они неспособны уже отъ видимаго въ мірѣ умозаключать о его Виновникѣ, не видятъ Его промы-слительныхъ дѣйствій во вселенной и, падая ниже и ниже, приходятъ, наконецъ, къ идолослуженію и невѣрію. Такое объясненіе невѣрія изъ испорченности и извращенности всей духовной природы человѣка встрѣчается у многихъ отцовъ церкви; для примѣра можно указать, кромѣ Григорія Богослова (II, 37—38, III, 20, 30—31), на Григорія Нисскаго (II, 145), Василя В. (I, 185—186, II, 238, IV, 143, 225, V, 9—10) и бл. Августина (VII, 61).

Нѣкоторые св. отцы смотрѣли на земную жизнь человѣка, какъ на жизнь скоропреходящую, исполненную всякаго рода бѣдствій и предназначенную для приготовленія, путемъ непре-рывной борьбы съ зломъ, къ лучшей, блаженной жизни, ожидающей насъ за предѣлами гроба. Такой взглядъ на настоящую

¹⁾ Ч. II, стр. 38.

²⁾ Ч. I, стр. 92, 89, 112; ч. V, стр. 40.

жизнь, какъ на жизнь тяжелую, суетную и непостоянную, подобную водамъ и морю, ясно выраженъ у Василя В. (I, 78—79, 187, 404—406, IV, 219—223, 339—340, 346), Григорія Богослова (I, 259—260, II, 151—300, IV, 268), Григорія Нисскаго (VII, 263, 487, 489, 491, 509, 515) и др. Изъ такого взгляда на земную жизнь естественно вытекалъ и взглядъ этихъ св. отцовъ на смерть, тождественный со взглядомъ на нее Сковороды. По ихъ воззрѣнiю она—благодѣтельное явленiе для христiанина, поскольку освобождаетъ его отъ опасностей увлечься въ грѣхъ и служить переходомъ къ будущей жизни, свободной отъ всѣхъ скорбей. „Что прiобрѣтетъ добрый человекъ отъ здѣшной жизни? спрашиваетъ Григорiй Богословъ. Желанiе разрѣшиться отъ нея, по моему мнѣнiю, есть первое и важнѣйшее благо, и свойственно человеку, подлинно здравомыслящему, умному. Для меня убѣдительны слова мудрыхъ, что всякая добрая и боголюбивая душа, какъ скоро, по разрѣшенiи отъ сопряженнаго съ нею тѣла, освободится отселѣ, приходитъ въ состоянiе чувствовать и созерцать ожидающее ее благо, а по очищенiи радостно шествуетъ къ своему Владыкѣ, потому что избѣгла здѣшной жизни, какъ несноснаго узилища, и свергла съ себя лежавшiя на ней оковы, которыми крыла ума влеклись долу. Да и негодному человеку, по его порочности, было бы лучше умереть и чрезъ то освободиться отъ порока, сего величайшаго недуга“ (I, 33. 262—263). Подобный же взглядъ на смерть, какъ благодѣянiе Божiе, ясно высказываютъ также Григорiй Нисскiй (IV, 28, VII, 501—502), Василий В. (I, 404, IV, 145, Твор. Григорiя Бог., IV, 105), Максимъ Исповѣдникъ и др.

Влiянiе древне-классической философи на религiозныя воззрѣнiя Сковороды было непосредственное и посредственное, чрезъ св. отцовъ церкви, которые много заботились о томъ, чтобы приспособить къ христiанскимъ вѣрованiямъ философскiя понятiя и вообще воспользоваться языческою философiею, какъ средствомъ къ изъясненiю и раскрытiю истинъ христiанства. Непосредственное влiянiе Платона на Сковороду особенно замѣтно во взглядѣ этого послѣдняго на душу; на это влiянiе

мелькомъ указываетъ также проф. Зеленогорскій ¹⁾). Разъясняя мысль о прирожденномъ стремленіи души къ богопознанію, Сковорода главнымъ свойствомъ ея называетъ мышленіе и приписываетъ ему постоянную дѣятельность. „Душа, говоритъ онъ,— есть mobile perpetuum—двжимость непрерывная. Крыла ея есть мысли; она или желаетъ чего или убѣгаетъ отъ чего; желая любить, убѣгая боится. Если не знаетъ, чего желать, а чего убѣгать, тогда недоумѣетъ, сомнѣвается, мятется, какъ магнитная стрѣла, доколь не устремитъ взоръ свой въ дражайшую точку холоднаго сѣвера. Такъ и душа наконецъ, когда нашла Того, Кого нигдѣ нѣтъ и вездѣ есть, счастлива. Сей одинъ довлѣетъ ея насытити“ ²⁾). Подобнымъ же образомъ опредѣляетъ природу души и Платонъ: сущность души онъ указываетъ въ ея духовности и разумѣ, а самымъ существеннымъ свойствомъ ея признаетъ непрерывное стремленіе ея къ божественному ³⁾).

Взглядъ Сковороды на отношеніе Бога къ міру также обнаруживаетъ нѣкоторую зависимость его отъ древне-классической философіи. Изображая непосредственное взаимообщеніе Бога съ тварью, Сковорода иногда употребляетъ пантеистическія выраженія: въ этомъ естественнѣе видѣтъ вліяніе болѣе согласнаго съ христіанствомъ платонизма, чѣмъ совершенно враждебной христіанству пантеистической спинозовской системы. Стояковъ Сковорода напоминаетъ своимъ ученіемъ о вселенной, какъ огромной машинѣ, управляемой Богомъ по неизмѣннымъ законамъ.

Признавая нѣкоторое вліяніе на Сковороду со стороны языческихъ философовъ, мы, однакожъ, должны сказать, что онъ не до такой степени увлекался ихъ системами, чтобы приносить имъ въ жертву ученіе христіанское ⁴⁾). Въ своемъ „Житіи“ біографъ свидѣтельствуетъ, что „только крайнее и пошлое невѣжество ополчалось на Сковороду при его жизни. да и оно,

1) Вопр. Физ. и Ис., 1894, май, стр. 222.

2) Соч. Сков., отд. I, стр. 130, ср. отд. II, стр. 6, 131.

3) Діал. Филебъ, 22 С.; Федръ, 245, С. Е. 246, СД; Тимей, 90, А. Д.

4) Вопр. Ф. и Ис., 1895 г., мартъ, стр. 176.

повидимому, мало касалось самой сути его богословскаго міросозерцанія, всѣ же болѣе просвѣщенные современники Сковороды какъ въ свѣтскомъ обществѣ, такъ и изъ среды духовенства ничего не имѣли противъ религіозныхъ убѣжденій Сковороды и, значить, не сомнѣвались въ ихъ доброкачественности. Отсюда объясняются его дружеская переписка съ просвѣщенными и знатными лицами, благорасположеніе ихъ къ нему и убѣжденія отъ епископовъ и монаховъ принять монашество „для пользы церкви и украшенія обители“ (стр. 10, 12, 23—25).

М. Красюкъ.

(Продолженіе будетъ).

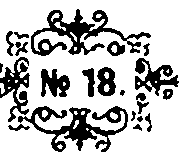

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Сентября № 18. 1901 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Высочайшая отмѣтка.—Правила о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ попечительствами о народной трезвости.—Педагогическіе курсы для учителей церковныхъ школъ Харьковской и Сухумской епархіи въ г. Харьковѣ въ 1901 году (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 11-й день текущаго августа, на награжденіе, за труды по народному образованію, серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Александровской лентѣ, діаконѣвъ церквей: Нерукотвореннаго Образа Господня села Богодарова, Зміевского уѣзда, Стефана *Стефановскаго*, Крестовоздвиженской гор. Изюма, Михаила *Григоревича*, Успенской въ слободѣ Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, Григорія *Ященко* и Троицкой въ слободѣ Покровскѣ, Купянскаго уѣзда, Георгія *Жуковскаго*.

Отъ Харьковскаго Преосвященнаго поступили къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщенія о томъ, что, въ память выздоровленія Его Императорскаго Величества отъ постигшей въ минувшемъ году болѣзни,—прихожане Архангело-Михайловской церкви слободы Козинки, Волчанскаго уѣзда, Харьковской епархіи, приговоромъ постановили приобрѣсти къ находящейся въ мѣстномъ волостномъ правленіи, сооруженной въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, иконѣ неугасимую лампаду, а на расходъ по сему предмету ежегодно назначать отъ общества необходимую сумму; прихожане Николаевской церкви с. Тарасовки, Купянскаго уѣзда, дворянинъ Михаилъ Сухачевъ и крестьянинъ Захарія Чалый приобрѣли на собственные средства для

названной церкви: первый—бархатную шитую золотомъ плащаницу, стоимостью 140 руб., а послѣдній—священническое и діаконское облаченіе, цѣною въ 150 руб.; староста Успенской церкви слободы Маньковки, того же уѣзда, крестьянинъ Кирилль Емецъ пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ 1,050 р. на устройство въ названной церкви горняго мѣста и возобновленіе иконостаса.

На всеподданнѣшемъ докладѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника К. Побѣдоносцева о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданныхъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 11-й день августа 1901, года благоугодно было Собственноручно начертать: „*Прочелъ съ удовольствіемъ*“.

Правила о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ попечительствами о народной трезвости.

(Утверждены Министромъ Финансовъ 21-го іюля 1901 года).

- 1) Народныя чтенія, организуемыя попечительствами о народной трезвости, устраиваются по распоряженію подлежащихъ губернскихъ, особыхъ, уѣздныхъ и городскихъ комитетовъ попечительствъ.
- 2) Чтенія для народа производятся по печатнымъ сочиненіямъ, одобреннымъ для того Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, а также Святѣйшимъ Синодомъ и по изданіямъ Высочайше учрежденной постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. Въ особыхъ случаяхъ чтенія могутъ производиться по печатнымъ сочиненіямъ, не вошедшимъ въ утвержденные каталоги, а также по тексту рукописному, но не иначе, какъ съ одобренія директоромъ народныхъ училищъ каждаго въ отдѣльности изъ предложенныхъ къ прочтенію произведеній.
- 3) Народныя чтенія производятся лицами, получившими на то разрѣшеніе отъ мѣстнаго губернатора или градоначальника.
- 4) Надзоръ за соблюденіемъ порядка на чтеніяхъ устанавливается распоряженіемъ губернатора или градоначальника.
- 5) Губернатору или градоначальнику предоставляется, въ случаяхъ встрѣтившейся необходимости, устранять получившихъ разрѣшеніе лицъ отъ дальнѣйшаго чтенія, а равно прекращать самыя чтенія.

Педагогическіе курсы для учителей церковныхъ школъ Харьковской и Сухумской епархіи въ г. Харьковѣ въ 1901 г.

(Продолженіе *).

Ознакомленіе съ пчеловодствомъ принялъ на себя проф. Харьковскаго Университета прот. Тимоѳей Буткевичъ, который въ теченіи послѣднихъ лѣтъ основательно изучилъ это дѣло главнымъ образомъ на практикѣ на принадлежащей ему учебной пасѣкѣ. Его бесѣды съ курсистами, занявшія 10 учебныхъ часовъ, были направлены къ тому, чтобы ознакомить ихъ не только съ главнѣйшими основаніями пчеловоденія, но въ особенности съ постановкою этого дѣла въ деревнѣ, при народной школѣ и при условіяхъ существованія этой послѣдней.

Предметомъ бесѣдъ о Буткевича было: состояніе пчеловодства на Западѣ, въ Америкѣ и у насъ въ Россіи; практическое значеніе пчеловодства; породы пчелъ; пчелиное семейство: матка, трутни и рабочія пчелы; размноженіе пчелъ; внутреннее хозяйство улья; характеръ медоносной мѣстности; медоносныя травы; о рамочныхъ ульяхъ; уходъ за пчелами весной, лѣтомъ, осенью и зимою; кормленіе, искусственное роеніе; этический характеръ пчеловодства; литература по пчеловодству и т. п.

Кромѣ того, для провѣрки теоретическихъ знаній и закрѣпленія въ памяти слушателей теоретическихъ свѣдѣній по пчеловодству, курсистами была предпринята 30 іюня экскурсія въ пчеловодный музей.

Профессоръ Буткевичъ демонстрировалъ ульи различныхъ системъ, указывая курсистамъ удобства и существенные недостатки системъ наблюдательнаго улья Долиновскаго, Дадана, Берлепша, Шаповаленко, Андріяшева, Англо-американскаго и др. Наиболѣе примѣнимымъ по своимъ достоинствамъ, а также по дешевизнѣ и соотвѣтствію условіямъ мѣстности, оказался улей свящ. Толмачева, на который было обращено профессоромъ наибольшее вниманіе. Демонстрированіе ульевъ было сопровождаемо сообщеніемъ многихъ практическихъ свѣдѣній, относящихся къ пчеловодству. Кромѣ этого были пока-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1901 г., № 17.

заны лучшіе инструменты, необходимые для пчеловодства, центробѣжки для выгонки меда изъ сотовъ и т. п.

Въ заключеніе профессоръ предложилъ желающимъ пополнить свои знанія приобрѣтеніемъ одного изъ слѣдующихъ изданій по пчеловодству: 1) „Пчела и улей“ Ландстрота, 2) Руководство Бутлерова и 3) „Учебникъ пчеловодства“ Потѣхина.

Обладая полною доступностью изложенія, ясностью и обстоятельностью, бесѣды о. Буткевича отличались еще тою оживленностью и увлекательностью, какая обыкновенно свойственна лицамъ, любящимъ дѣло и глубоко преданнымъ ему.

Бромѣ ознакомленія дѣвицъ съ программой школьнаго обученія рукодѣліямъ, по ихъ желанію на курсахъ было организовано обученіе кройкѣ. Всякій знаетъ, какое громадное значеніе имѣетъ для женщины искусство кройки необходимыхъ въ обиходѣ костюмовъ и сколько сбереженій остается въ семьѣ, въ которой мать обладаетъ умѣньемъ шить и кроить. Обученіе кройкѣ было ведено подѣ руководствомъ опытной учительницы Рейфельдъ. Въ теченіе 20 уроковъ, по 2 ч. каждый день, она обстоятельно и наглядно изложила основаніе системы кройки Базаровой, которая по простотѣ и изяществу превосходитъ всѣ нынѣ существующія. Такъ какъ основаніемъ для всѣхъ фасововъ служитъ лифъ, то Рейфельдъ, ознакомивши учительницъ со способомъ снятія мѣрки и раздѣленіемъ фигуръ, перешла къ изученію лифа. Къ концу курсовъ учительницы настолько уразумѣли общія правила кройки и приобрѣли навыкъ, что совершенно свободно при помощи савтиметра и линейки, не прибѣгая къ выкройкѣ, могли кроить матеріалъ ¹⁾).

Какъ необязательный предметъ занятій, на курсахъ было введено обученіе переплетному мастерству. Всѣхъ изучавшихъ это мастерство было 41. Для удобства занятій преподаваніе мастерства производилось въ двѣ очереди съ двумя группами:

¹⁾ *Списокъ* курсистокъ, обучавшихся кройкѣ: Бертранъ Екатерина; Бурденко Вѣра; Грабовская Анна; Головинская Вѣра; Грекова Надежда; Данилевская Анна; Игнатъена Александра; Литвинова Марія; Мартыненко Клавдія; Макаренко Ольга; Мостовенко Анна, Полянская Татьяна; Пономаренко Александра; Подольская Марія; Руденко Евдоія; Санжаревская Неоніла; Степенко Елена; Тремпольцева Ольга; Хриикова Анастасія; Онофрійчужъ Марія; Чернышева Александра и Яновская Александра.

съ первую группою съ 11 іюня по 23 и со второю съ 23 іюня до конца курсовъ ¹⁾).

Подъ руководствомъ опытнаго преподавателя г. Шепелева курсисты въ теченіе означеннаго времени вполнѣ освоились съ переплетнымъ мастерствомъ, пройдя въ 10 уроковъ полный курсъ его. Преподаваніе было ведено въ слѣдующемъ порядкѣ: разборка старыхъ и новыхъ книгъ; напилка корешковъ и сшив-ка книгъ, заклейка корешка и обрѣзка; набивка фальца; приклейка картона, наклейка сафьяннаго корешка и золоченіе его; приклейка мраморнаго листа на наружной и бѣлаго на внутренней сторонѣ картона. Всѣ эти работы выполнялись самими учителями и учительницами подъ присмотромъ и руководствомъ переплетчика С. Шепелева. Въ результатѣ получалось много переплетенныхъ курсистами книгъ, въ числѣ которыхъ 48 принадлежитъ библіотекѣ курсовъ.

При курсахъ была образована постоянная библіотека, въ составъ которой вошли наиболѣе выдающіяся методическія руководства по всѣмъ предметамъ начальной школы, вотныя сочиненія и всѣ необходимыя учебныя принадлежности, каковы: школьные учебники, тетради, доски, подвижная азбука, щетки и наглядныя пособія по Закону Божію, счисленію и другимъ предметамъ. Библіотека была въ постоянномъ пользованіи курсистовъ, которые всегда обращались сюда по мѣрѣ ихъ нужды за полученіемъ тѣхъ или другихъ пособій. Кромѣ того съ разрѣшенія начальницы Епархіальнаго Училища курсистамъ было предоставлено право пользоваться книгами для чтенія изъ

¹⁾ Въ первой смѣнѣ переплетнымъ мастерствомъ занимались: Ващенко Иванъ; Власовскій Александръ; Гладковъ Максимъ; Коломійцевъ Романъ; Кротенко Григорій; Макаровскій Захаръ, діаконъ; Макухинъ Яковъ, діаконъ; Мартенко Андрей; Новомірскій Федоръ; Поповъ Арсавій; Роговскій Артемій; Рубинскій Иванъ; Уманцевъ Григорій; (Сухумской епархіи) Гегія Александръ; Румянцевъ Иванъ; Чичибая Андрей и курсистки: Грекова Надежда; Доубякина Евдокія; Пгнатъена Александра; Ковалева Александра и Кулакова Елена.

Во второй смѣнѣ обучались: Сергѣевъ Константинъ; Сычваревъ Павелъ; Сте-лецкій Николай; Стефановскій Гаврилъ; Торанскій Михаилъ; Трегубовъ Петръ; Филопенко Григорій; Цапенко Николай; Чебановъ Павелъ, діак. Черняскій Иванъ; Эвенковъ Константинъ; Юрченко Евфимій; Федоровъ Григорій; (Сумской епархіи) Яблонскій Емменій и курсистки: Кульбицкая Елена; Рубинская Ольга; Руденко Евдокія; Торанская Анна и Чернышева Александра.

обширной училищной библиотекѣ, откуда желающіе могли получать самаго разнообразнаго содержанія книги изъ отдѣловъ религіозно-нравственнаго, педагогическаго, историческаго и другихъ.

Для пополненія знаній, приобретаемыхъ на курсахъ, и съ цѣлью отдохновенія отъ занятій, курсисты подъ руководствомъ администраціи курсовъ предпринимали экскурсіи въ разныя мѣста.

24 іюня во главѣ администраціи курсовъ и о. Ректора Семинаріи прот. Іоанна Знаменскаго, курсисты предприняли поѣздку въ Куряжскій Спасо-Преображенскій монастырь, мѣсто пребыванія Чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери и лѣтнее мѣстожительство Преосвященнаго. Божественная Литургія была совершена архіерейскимъ богослуженіемъ; причемъ одновременно съ владычнымъ хоромъ пѣли курсисты въ полномъ составѣ 90 человекъ подъ управленіемъ регента архіерейскаго хора М. С. Ведринскаго. Воодушевленное пѣніе соединеннаго хора мужскихъ и женскихъ голосовъ, производило сильное религіозное впечатлѣніе на предстоящихъ слушателей. Курсистовъ въ особенности одушевляла мысль, что они въ первый разъ въ жизни становятся сослужащими Владыкѣ.

Въ концѣ литургіи Преосвященнѣйшій обратился къ предстоящимъ съ словомъ, въ коемъ, почтивъ память празднуемаго Крестителя и Предтечи Господня Іоанна, преподаль слушателямъ высоконазидательные уроки изъ жизни Святителя. Обращаясь въ частности къ учителямъ церковныхъ школъ, Владыка возложилъ на нихъ нравственную обязанность оправдать своею жизнію и дѣятельностію высокія добродѣтели Предтечи Господня.

По окончаніи литургіи учителя и учительницы получили любезное предложеніе Владыки откушать чай. Чай а затѣмъ и хлѣбъ-соль былъ приготовленъ на открытомъ воздухѣ, въ тѣни деревьевъ. Послѣ завтрака слушатели курсовъ явились къ покоямъ Преосвященнаго для выраженія благодарности и полученія отъ него архипастырскаго благословенія. Выйдя къ курсистамъ, Владыка предложилъ имъ помолиться во вновь реставрированныхъ имъ монастырскихъ пещерахъ; причемъ самъ изволилъ путеводить ихъ и подробно объяснять мѣ-

ста подвижничества и спасенія древнихъ подвижниковъ. Пещеры эти долгое время были заброшены и закрыты для паломниковъ; но въ настоящее время, благодаря заботамъ Преосвященнаго Иннокентія, они восстановлены и представляютъ собою довольно поучительную картину древняго иночества. По своей длинѣ они равняются 104 саж., хотя при дальнѣйшихъ работахъ Владыка надѣется открыть еще значительную часть. Въ пещерахъ удѣлѣли остатки подземнаго храма, иконы, священные картины, оригинальная орнаментика, ниши, въ коихъ погребались и подвизались затворники и другіе останки пещерной жизни. Въ настоящее время здѣсь теплятся неугасимыя лампы. За послѣдніе 5 мѣсяцевъ насчитывается до 10000 посѣтителей.

По выходѣ изъ пещеръ, Владыка благодарилъ курсистовъ за ихъ стройное и умиленное пѣніе, преподавалъ имъ архипастырское благословеніе и сказалъ еще въ напутствіе нѣсколько поучительныхъ словъ. „Всегда помните“, говорилъ между прочимъ Владыка, „что вы учителя, но сила самаго учительства заключается не въ одномъ словѣ, а главнымъ образомъ въ дѣлѣ и примѣрѣ. Слово теряетъ свою силу, когда оно не подтверждается самою жизнью. Кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствіи Божіемъ. Въ этомъ все достоинство и вмѣстѣ трудность учительскаго дѣла. Награда за вашъ трудъ здѣсь скудна, но долгъ, добросовѣстно исполненный, получить свою награду отъ Бога. Да будетъ съ вами миръ и радость отъ Господа“.

Послѣ этого Владыка отправился въ свои покои, сопровождаемый администраціей курсовъ; а курсисты, проведши еще нѣкоторое время въ предѣлахъ обители, возвратились домой въ прежнемъ образцовомъ порядкѣ.

15 іюня въ одномъ изъ залъ училища Е. Н. Гейцыгъ, въ присутствіи слушателей курсовъ, были демонстрированы картины при помощи волшебнаго фонаря. Въ теченіи 2 час. предъ глазами курсистовъ прошло около 200 картинъ самаго разнообразнаго содержанія: виды Кавказа и Крыма, картины сѣверно-русскаго и западно-русскаго края, типы русскихъ народностей, лучшіе въ архитектурномъ отношеніи, храмы и т. п.

Съ особеннымъ интересомъ курсисты ознакомились съ портретами Высокопреосвященнаго Амвросія въ бытность его московскимъ протоіереемъ, викаріемъ московской епархіи и архіепископомъ. Курсисты отнеслись съ большимъ интересомъ къ картинамъ, со вниманіемъ выслушавъ данныя при семъ объясненія Е. Н. Гейцыгъ.

1 іюля слушатели курсовъ осматривали Харьковское училище слѣпыхъ. Будучи родственнымъ по своимъ цѣлямъ и задачѣ съ другими образовательными учрежденіями, училище слѣпыхъ своею внутреннею организаціей и характеромъ обученія произвело на курсистовъ новое и сильное впечатлѣніе. Инспекторъ училища К. О. Лейко нагляднымъ образомъ ознакомилъ курсистовъ съ подготовительными фребелевскими упражненіями, имѣющими цѣлю развитіе у слѣпыхъ осязанія, силы пальцевъ, ловкости руки, съ разнаго рода шрифтами, подвижной азбукой, письменными принадлежностями, видами письма, учебными пособіями и, наконецъ, обстоятельно изложилъ послѣдовательный ходъ обученія чтенію и письму. Трогательно было видѣть когда дѣти, лишеныя зрѣнія, водя указательными пальчиками своихъ рукъ, внятно и отчетливо читали книги.

Подъ руководствомъ Е. Н. Гейцыгъ поочередно, группами, курсисты знакомились съ разнообразными предметами физическаго кабинета, принадлежащаго училищу. Въ числѣ прочихъ предметовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ предметамъ преподаванія: географіи, исторіи, физикѣ и естественной исторіи,—здѣсь есть не мало другихъ предметовъ, представляющихъ интересъ въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ. Курсисты здѣсь тщательно ознакомились съ полезными и вредными насѣкомыми, освѣтительными матеріалами, топливомъ, стекломъ, шерстью, хлопкомъ, бумагою и ихъ производствомъ. Имъ были показаны также полныя коллекціи коралловъ, металовъ, желѣза, минераловъ, образцы почвы разныхъ губерній, образцы солей, разные пряности и множество другихъ предметовъ. Большой интересъ, какъ научное пособіе, для курсистовъ представляли зоологическій атласъ, атласъ Лимберга: теллурій, типы народовъ всѣхъ расъ и странъ свѣта.

29 іюня преподаватель физики и математики Епархіального училища Я. М. Колосовскій въ физическомъ кабинетѣ училища демонстрировалъ предъ курсистами оптическія стекла, подзорную трубу, дѣйствіе электрическаго тока на электрической машинѣ и другіе препараты проявленія электрической энергій; имъ же былъ произведенъ анализъ свѣтового луча и показано дѣйствіе притягательной силы магнита.

30 іюня, какъ сказано, слушатели курсовъ посѣтили Харьковскій пчеловодный музей.

В. Ч. Давыденко.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

На должность депутата 1 округа Изюмскаго уѣзда назначенъ священникъ Пророко-Ильинской церкви, с. Лозоватаго, Михаилъ *Силванскій*.

— Псаломщикъ Покровской церкви сл. Жигайловки, Ахтырскаго уѣзда, Николай *Ходской*, посвященъ въ стхари, 26 авг. н. г.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Знаменской церкви села Протопоповки, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ Евгенийъ *Петровъ*; безприходной кладбищенской Мирносноцкой церкви г. Ахтырки мѣщанинъ Иванъ *Фоменко*; Космо-Даміановской церкви села Людзи, Ахтырскаго у., крестьянинъ Стефанъ *Надтинъ*; Всѣхсвятской церкви села Малой-Чернетчины, Сумскаго у., Кодратъ *Лазоненко*; Тихоновской ц. с. Нижней-Сыроватки, Сумскаго у., крестьянинъ Семенъ *Поповъ*; Казацкой церкви села Деравокъ, Ахтырскаго у., крестьянинъ Кодратъ *Цигрикъ*; Успенской церкви с. Климовки, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Симеонъ *Олейникъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Новый храмъ С.-Петербургскаго общества религиозно-нравственнаго просвѣщенія.—Дѣятельность Астраханскаго Кирило-Методіеяскаго братства.—Пятидесятилѣтіе существованія Самарской епархіи.—Современныя требованія отъ пастырской проповѣди.—Полезность и значеніе для народа избыгослужебныхъ собесѣдованій.—Объ улучшеніи церковнаго пѣнія въ сельскихъ приходахъ.—Школа тюремныхъ надзирательницъ.—Совѣтъ, заслуживающій особаго вниманія духовенства.

16-го сентября на Выборгской сторонѣ, на углу Выборгской и Нюстадтской улицъ, совершена закладка новаго храма во имя св. Иоанна Предтечи. Храмъ сооружается по почину общества распространенія религиозно-нравственнаго просвѣщенія вмѣсто сгорѣвшей въ 1899 году деревянной церкви. Въ день закладки, въ

церкви Воскресенія Господня, у Варшавскаго вокзала, по окончаніи Божественной литургіи, вышелъ крестный ходъ, прослѣдовавшій по Измайловскому проспекту, 1-й ротѣ Измайловскаго полка, Загородному и Владимірскому проспектамъ, на Стремяную улицу, къ церкви Св. Троицы. Изъ этой церкви на встрѣчу крестному ходу вышелъ еще одинъ крестный ходъ во главѣ съ прибывшимъ въ церковь преосвященнымъ Никономъ, епископомъ нарвскимъ. Затѣмъ соединенный крестный ходъ двинулся, въ сопровожденіи тысячный толпы народа, по Николаевской улицѣ, Невскому и Литейному проспектамъ, чрезъ Александровскій мостъ, по Нижегородской и Нюстадтской улицамъ—къ мѣсту закладки. Ко времени прибытія крестнаго хода сюда были доставлены чудотворныя иконы: Казанской Божіей Матери, изъ Казанскаго собора, Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости, изъ церкви на Шпалерной улицѣ, и святителя Николая изъ Николо-Турниловсой церкви на Петербургской сторонѣ. На мѣстѣ закладки, на устроенномъ деревянномъ помостѣ, преосвященнымъ Никономъ, въ сослуженіи архимандрита Теофілакта и многочисленнаго духовенства, совершено молебствіе съ возглаголеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, послѣ чего строящееся зданіе окроплено св. водою, а въ одномъ изъ угловъ его заложена металлическая доска съ соотвѣтствующею надписью. Новый храмъ воздвигается въ три престола, въ русско-византійскомъ стилѣ, по проекту академика архитектуры Г. Д. Гримма и архитектора Г. Г. фонъ-Голи. Главный престоль сооружается во имя св. Крестителя и Предтечи Іоанна, лѣвый—во имя свв. Митрофана Воронежскаго, Тихона Задонскаго и Θεодосія Черниговскаго. Смѣта по постройкѣ храма составлена въ 200.000 руб. Въ истекающемъ строительномъ сезонѣ положенъ быть, выведенъ гранитный цоколь и будетъ положено до 500,000 кирпичей. Храмъ рассчитанъ на 2,000 молящихся.

«Прав. Вѣстн.» .

— Астраханское Кирилло-Меѳодіевское братство отпускало въ минувшемъ году, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, изъ запаснаго епархіальнаго склада брошюры и листки противораскольническаго и противосектантскаго направленія, для безмездной раздачи народу во время миссіонерскихъ бесѣдъ, а также ученикамъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ существуютъ раскольники и сектанты. Для церквей въ посадахъ Казанкѣ и Таловкѣ, внутренней Киргизской орды братствомъ устроены церковныя бібліотеки съ полнымъ кругомъ богослужебныхъ книгъ, а также небольшія бібліотеки для вѣ-

богослужебныхъ чтеній и миссіонерскихъ собесѣдованій. Въ продолженіе года заботамъ братства обращено въ Православіе свыше 100 человекъ.

«Прав. Вѣстн.».

— Самарская епархія отпраздновала пятидесятилѣтіе своего существованія. По распоряженію мѣстнаго преосвященнаго предложено было каждому причту городскому и сельскому на заупокойной юбилейной литургіи и панихидѣ помянуть всѣхъ почившихъ въ минувшее пятидесятилѣтіе церковно-служителей, церковныхъ старостъ и благотворителей мѣстной церкви. Въ самой Самарѣ поминовеніе это отличалось особенною торжественностью. Въ старинномъ Казанскомъ соборѣ, находящемся въ той мѣстности, гдѣ ютилась первоначальная Самара, была отправлена заупокойная всеобщая преосвященнымъ Гуріемъ, епископомъ самарскимъ и ставропольскимъ, при многочисленномъ стеченіи народа, а на утро—12 мая—заупокойная литургія, за которую одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ г. Самары протоіерей Е. Ястребовъ произнесъ одушевленное слово, посвященное памяти почившихъ епископовъ и священнослужителей епархій, трудившихся для ея пользы и блага, а также и представителей свѣтской власти. Какъ живые предстали сознавію присутствующихъ—первый самарскій святитель Евсеій и его преемники: Теофілъ, Герасимъ, Серафимъ. «Епархія, образовавшаяся изъ населенія, разнообразнаго по вѣроисповѣданію, по языку, по народности, съ пастырями изъ нѣсколькихъ епархій, требовала отъ архипастыря ума всесторонняго и пронизательнаго, твердой воли и добраго сердца. Всѣми этими высокими качествами вполне обладалъ святитель Евсеій и щедро ихъ употреблялъ ко благу, объединенію, укрѣпленію вѣрноподданной ему епархій. Главнѣе свое вниманіе онъ обращалъ на духовное просвѣщеніе своей паствы: его, озаряемое Божіей благодатію, согрѣваемое горячей любовью святительское слово, произносимое почти за каждой литургіей въ воскресные и праздничные дни, поучало, просвѣщало, плѣняло, услаждало сердца слушателей, производило нравственный переворотъ въ ихъ душахъ и укрѣпляло въ благочестіи. Его преемникъ Теофілъ—святитель мудрый, администраторъ предусмотрительный, твердый, рѣшительный, поучающій и добрый. Своими мѣропріятіями онъ много содѣйствовалъ единодушному сплоченію, строго законному служенію, просвѣщенію и доброму взаимному отношенію пастырей и пасомыхъ. Предпріятыя имъ, по обстоятельствамъ, исключительныя мѣры, казавшіяся нѣкоторымъ строгими, имѣли благотворныя послѣд-

ствія для пастырей въ смыслѣ усвоенія ими прямыхъ, высокихъ, священныхъ обязанностей и строгаго ихъ исполненія. Слѣдующій за нимъ святитель Герасимъ отличался добротою сердца, прямою характера, правдивостью и доступностью. Его заботы о просвѣщеніи паствы и объ устройствѣ духовенства останутся незабвеннымъ, неоцѣнимымъ памятникомъ. Наконецъ, святитель Серафимъ, своимъ глубокимъ умомъ, всестороннимъ образованіемъ, утонченнымъ обращеніемъ, строгою законностію, производилъ неотразимое впечатлѣніе на всякаго, а въ особенности на духовенство, приковывалъ къ себѣ его вниманіе, пріучивъ къ самоуглубленію, разумному исполненію обязанностей по законоучительству, проповѣдничеству, учительству, священнослуженію и исполненію разныхъ порученій начальства. Доброе вліяніе пастырей, стоящихъ на высотѣ своего званія, ярко отразилось и на всемъ благоповеденіи пасомыхъ». Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ характеристикъ изъ слова почтеннаго оратора, закончивъ рѣчь его послѣдними словами: «будемъ же, братіе, подражать доброму примѣру почившихъ славныхъ мужей и отцовъ, послужившихъ духовному и вещественному преусибіянію нашего града и нашей страны: симъ подражаніемъ мы воздадимъ имъ лучшую похвалу, и въ знакъ нашего духовнаго съ ними общенія и сердечнаго благодаренія вознесемъ наши теплыя молитвы о упокоеніи ихъ душъ въ вѣчныхъ обителяхъ Отца небеснаго». Отдавши священный долгъ предкамъ, потомки перешли къ свѣтлому празднованію и начали его перенесеніемъ изъ стараго собора въ каедральный главный святыни города, иконы святителя Алексія, митрополита московскаго, которую въ 1851 году архіепископъ симбирскій Θεодотій, изъ епархіи котораго выдѣлилась самарская, благословилъ самарскую церковь и городъ на самостоятельное управленіе. Къ празднику прибылъ въ Самару высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ московскій, бывшій самарскій, который служилъ на слѣдующій день божественную литургію въ сослуженіи преосвященныхъ Гурія и Тихона и цѣлаго сонма духовенства. Дни торжества остались неизгладимыми въ памяти всѣхъ присутствовавшихъ.

«С.-Пет. Дух. Вѣст.».

— «Въ Руков. для сел. паст.» высказываются слѣдующія соображенія относительно пастырской проповѣди.—Проповѣдничество является особымъ служеніемъ пастыря—служеніемъ пастырскимъ словомъ, рѣчью. Цѣль этого служенія—спасеніе душъ пасомыхъ. Если же такъ, то проповѣдь пастыря должна

быть дѣйственной и потому общедоступной, популярной: только такая рѣчь жизненная и привлекательная и может оказывать дѣйствительное вліяніе на души слушателей. Какая же рѣчь должна считаться общедоступной, популярной?—Рѣчь пастыря обращена къ слушателямъ—христіанамъ, принадлежащимъ къ различнымъ слоямъ общества. А потому, проповѣдь должна быть такою, чтобы бѣдные и богатые, ученые и неученые—всѣ были въ состояніи находить въ ней озареніе для своей души,—а въ этомъ именно и состоитъ, по Дюпанлу, популярность проповѣди. Само собою понятно, что такая популярная проповѣдь, съ одной стороны, является чуждой всего зауряднаго, грубаго, тривіальнаго, а съ другой рѣшительно отличается отъ того, что называется академической рѣчью, и совершенно противоположна риторикѣ и декламациі. Слово пастыря должно точно воспроизводить предъ слушателями раскрываемый предметъ и живо выражать извѣстныя чувства. Но истинная популярность проповѣди состоитъ не столько въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ языкѣ, сколько въ мысляхъ, чувствахъ и искренности. Когда мысли въ проповѣди вѣрны, чувства чисты и искренни, естественно и прямо проникаютъ въ сердца слушателей, то цѣль проповѣди можно считать вполне достигнутой. Для этого пастырю-проповѣднику нужно наблюдать за мыслями, настроеніемъ, вообще за духовною жизнью и интересами своихъ пасомыхъ, или, по совѣту Цицерона, улавливать мысль и чувства слушателей, чтобы, подобно съ иппи, приспособлять и свою собственную рѣчь, вслѣдствіе чего слово проповѣдника будетъ вполне соответствовать душенастроенію слушателей. Источникъ такого общедоступнаго проповѣдничества находится въ душѣ пастыря-проповѣдника, въ его сердцѣ, въ его чувствахъ—и нигдѣ болѣе. Необходимо любить тѣхъ, къ кому мы обращаемся съ рѣчью; необходимо быть одушевленнымъ святою ревностью объ ихъ спасеніи, желать спасенія для ихъ душъ, стремиться достигнуть его во что бы то ни стало. Нужно внести въ проповѣдь тотъ огонь и ту жизненность, которые прямо направляются къ сердцу, потому что всходятъ изъ сердца же,—охлаждаются душами и проникаютъ въ нихъ, озаряютъ, смягчаютъ, покоряютъ и обращаютъ ихъ. Что касается существенныхъ чертъ общедоступнаго слова пастыря-проповѣдника, то оно, прежде всего, должно быть словомъ живымъ, словомъ жизни, которое съ непреодолимою силою проникаетъ въ самыя глубины души и нравственно возрождаетъ ее въ жизни христіанской вѣры и благодати. Поэтому, пастырь-пропо-

вѣдникъ долженъ имѣть въ виду души слушателей—и ничего, кромѣ душъ,—долженъ имѣть въ виду ту жизнь, которую, обязанъ ввѣдрить въ нихъ, и добро, которое обязавъ дѣлать для нихъ. Церковный ораторъ долженъ хорошо изучить и узнать своихъ пасомыхъ, долженъ угадывать наполняющія ихъ душу искушенія, знать гнетущія ихъ нужды, ясно представлять себѣ ихъ душевное настроеніе. Тогда онъ будетъ знать, что скорѣе всего нужно преподать своимъ слушателямъ, что болѣе всего можетъ произвести на нихъ впечатлѣніе, затронуть ихъ и склонить къ тому, чего пастырь желаетъ отъ нихъ. Словомъ, пастырь долженъ говорить прямо своимъ слушателямъ, для своихъ слушателей, а не просто только предъ своими слушателями. Среди совѣтовъ, какіе даетъ при этомъ Дюпанлу проповѣдникамъ живого слова, нельзя не указать на совѣтъ, чтобы пастырь проповѣдывалъ кратко и просто. Краткость относится не къ продолжительности только проповѣди, но и къ самому способу выраженія мыслей, которое также должно отличаться краткостью и отчетливостью. Нужна сообразоваться съ восприимчивостью слушателей и не говорить слишкомъ много; нужно дѣлать тщательный выборъ, ограничиваться самымъ необходимымъ и истинно полезнымъ. Пусть пасомые видятъ въ своемъ пастырѣ не подавляющаго своею ученостью писателя, не блещущаго риторическими приѣмами и красотами оратора, а простого и доступнаго всѣмъ апостола вѣры и правды Христовой. Вторымъ свойствомъ пастырскаго проповѣдническаго слова является учительность. Слово пастыря-проповѣдника должно быть учительнымъ, онъ долженъ прилежно научать своихъ слушателей тому, что имъ необходимо знать какъ христіанамъ, или, говоря словами Дюпанлу, долженъ научать слушателей „истинамъ вѣры и всѣмъ великимъ историческимъ фактамъ, которые составляютъ ихъ основу и служатъ ихъ доказательствомъ, научать заповѣдямъ Божиимъ, христіанскимъ добродѣтелямъ, съ указаніемъ средствъ пріобрѣтенія ихъ и избѣжанія противоположныхъ имъ пороковъ“. Особенно пастырь долженъ поучать молитвамъ, которыя возвышаютъ и благотворно дѣйствуютъ на душу человѣка,—таинствомъ, которыя низводятъ на вѣрующихъ благодать, долженъ знакомить своихъ пасомыхъ съ главными частями богослуженія, церковными праздниками и благочестивыми упражненіями. Однимъ словомъ, пастырь-проповѣдникъ долженъ научить своихъ слушателей, во что они должны вѣровать и какъ должны жить. Какъ же пастырь Церкви Христовой можетъ исполнять этотъ великій долгъ учительства? Онъ долженъ

возвѣстивъ своимъ слушателямъ всю волю Божию (Дѣян. 20 27), т. е. въ вѣрѣ Христовой не должно быть ничего такого, чему бы пастырь, по окончаніи извѣстнаго времени, не научилъ свою паству. А для этого лучшимъ способомъ является проповѣдываніе ученія христіанскаго по опредѣленному плану, когда каждому предмету, каждой истинѣ будетъ отведено свое опредѣленное мѣсто. Но какой бы планъ ни былъ выработанъ пастыремъ проповѣдникомъ, основа всегда должна быть одна и та же—это ученіе о догматахъ, нравственности, молитвахъ и таинствахъ. Проповѣдываніе по опредѣленному плану легче и удобнѣе и для самаго пастыря. Особенно это сказывается при выборѣ предмета для проповѣди. Сколько иногда приходится совершенно напрасну терять времени и труда на приисканіе подходящаго предмета для проповѣди! Между тѣмъ, ничего подобнаго не бываетъ, если проповѣдникъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ опредѣленному плану, гдѣ всему отведено подобающее мѣсто. Въ то же время проповѣдываніе по опредѣленному плану и весьма полезно для пастыря. Если пастырь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своей проповѣднической дѣятельности основательно, такъ сказать, прошелъ съ пасомыми полный курсъ ученія Христова, тщательно приготовляя каждое свое поученіе, то онъ, въ такомъ случаѣ, самъ прекрасно изучитъ все христіанское ученіе—и притомъ изучитъ съ полнымъ вниманіемъ и всестороннимъ обсужденіемъ и размышленіемъ—и приобрѣтетъ то глубокое знакомство съ святыми и высокими истинами христіанской вѣры, которое безусловно необходимо, чтобы понять и уловить ихъ, сдѣлать ихъ собственными, перевести на народный языкъ и быть въ состояніи надлежащимъ образомъ объяснить ихъ своимъ слушателямъ. Такимъ образомъ, преподавая ученіе Христово въ систематическомъ порядкѣ своимъ слушателямъ, пастырь-проповѣдникъ и самъ становится болѣе совершеннымъ учителемъ, день ото дня возрастая въ познаніи ученія Христова. Въ высшей степени важно также, чтобы учительное и популярное слово пастыря-проповѣдника имѣло апологетическій характеръ, особенно въ виду современнаго религіознаго индифферентизма и невѣрія. Лучшей апологіей христіанства, по взгляду Дюнанлу, служить уже простое, ясное и точное изложеніе ученія Христова. При этомъ пастырю-проповѣднику нужно имѣть въ виду слѣдующее. Какъ при положительномъ изложеніи ученія Христова, такъ и при защитѣ его отъ разныхъ нападеній и возраженій пастырь-проповѣдникъ всегда долженъ соблюдать спокойное и твердое настроеніе учителя Боже-

ственной истины, который не сомнѣвается, не ищетъ истины, а обладаетъ ею. Онъ не долженъ прибѣгать къ мелочнымъ спорамъ, а излагать Божественное ученіе съ важностью, ясно и съ авторитетомъ. Если же пастырю-проповѣднику, по вызову обстоятельствъ, придется считаться съ разными сомнѣніями въ области религіи, то онъ долженъ бороться съ серьезными и опасными заблужденіями, которыми заражены его пасомые, а не возбуждать такихъ затрудненій, которыя совсѣмъ незнакомы его слушателямъ, и которыя никогда бы не пришли имъ и въ голову. Самые отвѣты на возраженія должны быть просты, точны и основательны; разъясненія религіозныхъ недоумѣній должны отличаться ясностью, отчетливостью и настойчивой принудительностью, чтобы возраженія невѣрующихъ не показались болѣе сильными, чѣмъ опроверженіе ихъ пастыремъ-проповѣдникомъ, и чтобы, такимъ образомъ, не колебать вѣры однихъ и не утвердить въ невѣрїи другихъ. Какъ на послѣднее существенное свойство пастырскаго проповѣднаго слова, Дюпанлу указываетъ на то, что оно должно быть словомъ увѣщанія. Релігія не есть одно знаніе, но главнымъ образомъ—жизнь. И потому, пастырь, какъ служитель религіи, долженъ не только учить истинамъ вѣры, но и вызывать въ душахъ слушателей расположеніе къ воспріятію этихъ истинъ; долженъ возбуждать, развивать и укрѣплять христіанскія расположенія и чувстваванія, внушать любовь къ добру и отвращеніе и ужасъ къ злу;—словомъ долженъ созидать въ душахъ пасомыхъ полную и совершенную христіанскую жизнь. Все же это достигается главнѣе и скорѣе всего пастырскимъ увѣщаніемъ. Такимъ образомъ, къ ученію пастырь долженъ присоединять увѣщаніе которое болѣе направляется къ сердцу, и которымъ, въ то же время, одинъ просвѣщаетъ душу, другой возбуждаетъ и подчиняетъ своему вліянію волю—эту могучую силу, отъ которой зависитъ все направленіе жизни человѣка. Съ успѣхомъ увѣщевать, проникать въ сердце слушателей можно двумя путями: путемъ разума и путемъ чувствъ. Первый путь сводится къ тому, чтобы всегда основательно и убѣдительно мотивировать свои увѣщанія. А чтобы знать какого рода основанія, мотивы болѣе пригодны для слушателей, пастырь-проповѣдникъ долженъ главнымъ образомъ изучать сердце человѣческое и особенно тѣ души, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. Второй путь состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать на чувства и, такимъ образомъ, при помощи ихъ, приводить душу слушателей къ желаемому настроенію и оказываетъ благотворное вліяніе на волю, уже просвѣщенную и

затронутую изложеніемъ доводовъ. Но всего этого еще мало. Чтобы съ успѣхомъ увѣщевать другихъ въ христіанской жизни, нужно самому воплотить въ себѣ эту жизнь. Прежде чѣмъ воспитывать другихъ въ святомъ ученіи Христовомъ, пастырь долженъ самъ воспитываться въ немъ и жить имъ, внести его въ свою душу, воспринять въ тайникъ своего собственнаго сердца. Только такой пастырь-проповѣдникъ можетъ благодатно возрождать своихъ слушателей и вести ихъ по пути христіанскаго совершенствованія къ царству Божію. Разсмотрѣвъ всѣ существенныя свойства живого пастырскаго слова, Дюпанлу даетъ еще нѣсколько прекрасныхъ практическихъ совѣтовъ касательно пастырски-проповѣдническаго служенія. Среди нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, по своей важности и практической полезности, приводимое Дюпанлу мнѣніе знаменитаго французскаго проповѣдника епископа Фенелона о проповѣднической импровизаціи. Фенелонъ не одобряетъ общераспространеннаго обычая произносить заученныя проповѣди наизусть, или же читать ихъ по тетрадкѣ, строго, недантически держась написаннаго текста. Подобный способъ проповѣдыванія стѣсняетъ дѣйствія проповѣдника, отнимаетъ у него всякую свободу и живость, связываетъ до такой степени, что онъ не можетъ, не смѣетъ отдаться какому-либо внезапному порыву. Напротивъ, говоритъ Фенелонъ, если кто не заучиваетъ своей проповѣди наизусть и рабски не слѣдуетъ написанному тексту ея, то онъ находится въ полномъ самообладаніи, выражается естественно, мысли его текутъ свободно, отдѣльныя выраженія сильны, иногда, быть можетъ, недостаточно отдѣланы, но всегда исполнены жизни и энергіи. Само собою разумѣется, что Фенелонъ вовсе не имѣетъ здѣсь въ виду тѣхъ, кто импровизируетъ легкомысленно и беззаботно и восходитъ на кафедру, часто не зная, что именно намѣренъ сказать онъ. Тутъ идетъ рѣчь о серьезной и свободной импровизаціи, которая не только не исключаетъ, а даже требуетъ соотвѣтствующаго предварительнаго приготовленія къ проповѣдыванію. Фенелонъ не запрещаетъ церковному оратору предварительно приготовить свои проповѣди на бумагѣ, располагать въ порядкѣ всѣ части ихъ и даже напередъ приготовить всѣ поясненія и главныя фразы. Онъ требуетъ только, чтобы пастырь-проповѣдникъ свободно пользовался приготовленнымъ текстомъ проповѣди, съ возможностью одно измѣнить, другое дополнить—сообразно съ настроеніемъ слушателей, обстоятельствами дѣла или же подъ вліяніемъ внезапнаго озаренія

самого проповѣдника новыми мыслями. Для успѣшнаго веденія такого рода проповѣдыванія нужны, по мнѣнію Фенелона, слѣдующія условія: 1) извѣстный запасъ опыта въ свободной импровизаціи; 2) серьезное изученіе христіанской религіи; 3) ревность въ исполненіи пастырскаго служенія. Пастырь проповѣдникъ можетъ приобрѣсти навыкъ, извѣстную свободу и достаточную легкость въ импровизаціи произнесеніемъ частныхъ поученій, размышленій, бесѣдъ и особенно посредствомъ катихизическихъ поученій. Этимъ приобрѣтается извѣстная свобода въ живомъ словѣ и достаточная легкость, которая, по словамъ Фенелона, будетъ давать возможность пастырю съ достоинствомъ всходить на кафедру даже при торжественныхъ случаяхъ. Второе условіе требуетъ серьезной постепенной подготовки къ пастырской импровизаціи, — подготовки, которая должна состоять въ тщательномъ изученіи христіанства, въ основательномъ знаніи догматическаго и нравственнаго богословія и въ извѣстномъ запасѣ знакомства съ ученіемъ свв. отцовъ Церкви. Такая серьезная подготовка дастъ пастырю возможность выработать болѣе или менѣе цѣльное христіанское міровоззрѣніе, при свѣтѣ котораго онъ можетъ смѣло выступать на кафедру съ свободной импровизаціей, не затрачивая времени на продолжительную подготовку къ каждой отдѣльной проповѣди.

«Рук. д. сел. паст.».

— По поводу отчета братства св. Маріи Магдалины въ гор. Рузѣ «Моск. Церк. Вѣд.» пишутъ слѣдующее о пользѣ и значеніи для народа виѣбогослужебныхъ церковныхъ собесѣдованій.—Съ тѣхъ поръ, какъ земля русская сдѣлалась христіанскою, русскій народъ получалъ свое просвѣщеніе почти исключительно отъ православной Церкви. Церковь, съ ея таинствами, богослуженіемъ и богатою литературою—святоотеческою, вѣроучительною и нравоучительною,—была для нашего народа постоянною, вседовлѣющею и не оскудѣвающею учительницею, просвѣтительницею и руководительницею. Православное монашество и духовенство, поучая народъ истинамъ вѣры и благочестія, были для него вмѣстѣ съ тѣмъ первыми и очень долгое время единственными учителями и книжной мудрости, и книжное ученіе почти до послѣдняго времени велось въ духѣ изреченія Премудраго: „начало премудрости есть страхъ Божій“. Но съ нѣкотораго, почти недавняго, времени у народа явились новые и весьма многочисленные просвѣтители и руководители, которые, отличая сами свою «просвѣтительную» дѣятельность отъ религіозно-нравственной, повели дѣло просвѣ-

щенія народа въ вномъ, нерѣдко совершенно противномъ и даже прямо враждебнымъ Церкви, духѣ. Эти послѣдніе усилленно стараются увѣрить общество, что народу русскому нужно именно то просвѣщеніе, въ томъ духѣ и направленіи, какое предлагаютъ ему они, и что онъ, народъ русскій, будто бы даже уже не желаетъ и отвращается отъ основнаго своего просвѣщенія—въ духѣ православной вѣры и Церкви, не желаетъ учить дѣтей своихъ въ церковно-приходскихъ школахъ и жаждетъ просвѣщенія въ новомъ духѣ. Подобныя утвержденія, повторяемыя настойчиво и постоянно, несомнѣнно производятъ впечатлѣніе на общество, не знающее истинныхъ симпатій и духа нашего народа. И это злостное преубѣжденіе можетъ быть если не разсѣяно, то хоть поколеблено, лишь путемъ ознакомленія съ отзывами и отчетами духовныхъ дѣятелей на нивѣ народной. Передъ нами отчетъ Братства св. равноапостальной Маріи Магдалины въ городѣ Рузѣ за 1900-й годъ,—семнадцатый годъ его существованія. Дѣятельность Братства выразилась: а) въ устройствѣ вѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ г. Рузѣ и его уѣздѣ, б) распространенія иконъ, картицъ, крестиковъ, книгъ и брошюръ, соотвѣтствующихъ по своему содержанію цѣлямъ Братства, в) учрежденіи и пополненіи бесплатной для всѣхъ желающихъ бібліотеки, г) учрежденіи церковныхъ бібліотекъ въ селахъ и д) содѣйствіи содержанію церковно-приходскихъ школъ рузскаго уѣзда. Обратимъ вниманіе на первую задачу Общества—устройство вѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ. Вотъ какихъ результатовъ оно достигло и какое значеніе имѣло для народа.—Вѣбогослужебныя собесѣдованія съ народомъ въ рузскомъ уѣздѣ существовали и ранѣе, но въ отчетномъ году, во исполненіе распоряженія Его Высокопреосвященства, Митрополита Московскаго Владиміра,—распоряженія, встрѣченнаго в Братствомъ, и русскимъ духовенствомъ съ полнымъ сочувствіемъ, Братствомъ были введены въ г. Рузѣ и тридцати пяти селахъ уѣзда систематическія собесѣдованія съ народомъ,—съ октября по апрѣль, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Собесѣдованія происходили въ большей части сель между утренею и литургіею,—въ тѣхъ видахъ, что, во первыхъ, свободное время между утренею и литургіею, прежде проводимое прихожанами въ пустыхъ разговорахъ, теперь стало посвящаться полезному и богоугодному дѣлу, а во-вторыхъ, въ указанное время всегда можно разсчитывать на большее количество слушателей, такъ какъ въ разбросанныхъ приходкахъ къ литургіи приходятъ даже и изъ отдаленныхъ отъ храма деревень. Въ

самой Рузѣ собесѣдованія производились въ Воскресенскомъ соборѣ, послѣ вечерни, которая совершалась торжественно, съ чтеніемъ акаѳиста, при пѣніи хора пѣвчихъ. Здѣсь собесѣдованія велись по общей, утвержденной Его Высокопреосвященствомъ для всей Московской епархіи, программѣ (объясненіе Символа вѣры), въ селахъ же предметы собесѣдованій были различны: объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, молитвъ, заповѣдей и Символа вѣры, объясненіе богослуженія, рассказы изъ исторіи Церкви, житія святыхъ и т. п.; иногда же предметы бесѣды избирались примѣнительно къ нуждамъ и обстоятельствамъ жизни прихожанъ. Вездѣ бесѣды начинались, прерывались и оканчивались общенароднымъ пѣніемъ, въ которомъ принимали участіе также женщины и дѣти, что въ особенности нравится народу. Собесѣдованія записывались въ особые журналы. Послѣ собесѣдованій народу раздавались отъ Братства религіозно-нравственныя брошюры, Троицкіе листки и крестикъ (Троицкихъ листковъ роздано за отчетный годъ 9,000, а крестиковъ 6,000), которые принимались народомъ съ благоговѣніемъ и благодарностью. Кромѣ того, Братствомъ были бесплатно рассылаемы въ нѣкоторыя села нужныя для собесѣдователей пособія. Число слушателей въ соборѣ, особенно Великимъ постомъ, доходило до трехъ и четырехъ сотъ человѣкъ, и въ нѣкоторыхъ селахъ было еще больше. Насколько привлился и насколько по сердцу народу прились бесѣды, видно, напр., изъ слѣдующихъ мѣстъ отчета.—„Бесѣды въ Воскресенскомъ соборѣ сдѣлались насущною потребностью многихъ обывателей г. Рузы, посѣщающихъ означенныя собесѣдованія безъ перерыва. Ни дождь, ни грязь, ни зимніе холода—ничто не удерживало ихъ отъ посѣщенія храма Божія, чтобы поучаться въ законѣ Господнемъ. Бесѣды выслушивались, какъ слово Самого Спасителя и Его апостоловъ, съ полнымъ вниманіемъ, въ благоговѣйно-молитвенномъ настроеніи. Между слушателями никогда нельзя было замѣтить ни улыбки, ни перешептыванія, ни переглядываній по сторонамъ. Замѣчалось постоянно: если проповѣдникъ провозноситъ имя Божіе или приводитъ какой нибудь текстъ изъ Свящ. Писанія,—большинство слушателей возлагаетъ на себя крестное знаменіе. Глубокая тишина, благоговѣйно устремленный на проповѣдника въ теченіе цѣлаго часа взоръ—все это краснорѣчивѣе словъ говоритъ о томъ, что проповѣдь воспринимается не умомъ только, но и горячо вѣрующимъ сердцемъ и глубоко проникаетъ въ душу слушателя“. То же самое и въ селахъ.

Такъ священникъ села Пречистаго пишетъ Братству: „Слушателей, не взирая на малочисленность прихода, бывало отъ 75 до 300 человекъ. Посѣтителями собесѣдованій были свои прихожане обоюго пола, дѣтя, учащіяся въ мѣстной земской школѣ, а равно и крестьяне изъ сосѣднихъ деревень. Бесѣды пришлись прихожанамъ какъ нельзя болѣе по сердцу и потому посѣщались ими всегда съ видимымъ усердіемъ, любовію и расположеніемъ, что можетъ быть ручательствомъ и въ дальнѣйшемъ ихъ продолженіи. Благодареніе Всевышнему! Нашъ православный народъ любятъ, крѣпко любятъ послушать „божественное“ и „святое“, онъ сердцемъ сознаетъ необходимость укрѣпить свои духовныя силы и понимаетъ, что такое укрѣпленіе онъ можетъ обрѣсти въ церковныхъ бесѣдахъ, которыя пробуждаютъ и утверждаютъ въ немъ нравственные задатки“. То же самое сообщаютъ Братству и изъ другихъ сель. Общественародномъ пѣніи сообщаютъ: „народъ въ восторгѣ отъ общаго народнаго пѣнія и охотно принимаетъ въ немъ участіе“. Подобныхъ отзывовъ о пѣніи въ отчетѣ немало. Заканчивая отчетъ о собесѣдованіяхъ, Совѣтъ Братства, вмѣстѣ съ священниками—собесѣдователями, рѣшительно утверждаетъ, что „способъ воздѣйствія на слушателей путемъ бесѣдъ находятъ все большее и большее примѣненіе въ пастырской дѣятельности, такъ какъ народъ (въ особенности неграмотные взрослые) чрезвычайно расположены къ слушанію ученія христіанскаго и примѣровъ благочестивой жизни, излагаемыхъ пастырями Церкви“. Такимъ образомъ, очевидно, что христіанское просвѣщеніе нужно народу. Вотъ лучшій отзывъ на инспираціи новѣйшихъ „просвѣтителей“ народа.

— Одинъ изъ сотрудниковъ «Руков. для сел. пастырей» пишетъ слѣдующее о церковномъ пѣніи. Часто посѣщая сельскіе храмы въ различныхъ мѣстахъ, мы всегда неприятно поражались однимъ существеннымъ недостаткомъ церковнаго пѣнія—неосмысленнымъ и неправильнымъ исполненіемъ на клиросѣ измѣняемыхъ частей богослужевія, преимущественно праздничнаго, т. е. тѣхъ пѣснопѣній, которыя поются не часто или даже однажды въ годъ. Поетъ ли одинъ псаломщикъ или съ хоромъ случайныхъ любителей, помогающихъ ему, всегда эти, именно, пѣснопѣнія составляютъ камень преткновенія. Пѣніе большей частью идетъ чинно, стройно и толково только до тѣхъ поръ, пока исполняются обычныя неизмѣняемыя или часто встрѣчающіяся въ богослуженіи пѣснопѣнія; но впечатлѣніе сразу измѣняется, какъ только начнется пѣніе стихиръ изъ минеи или канона. Обыкновенно псаломщикъ еще разбираетъ съ грѣхомъ пополамъ текстъ; а другіе участники пѣнія гудутъ (иначе нельзя

опредѣлять это пѣніе) безъ словъ, подхватывая иногда концы предложеній. Получается, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ греческаго пѣнія съ исномъ, состоящаго въ томъ, что одинъ пѣвецъ исполняетъ какое либо пѣснопѣніе, заливаясь, по восточному обычаю, самыми замысловатыми украшеніями и носовыми звуками, тогда какъ весь хоръ упорно тянетъ безъ словъ одну ноту, которая по отношенію къ мелодіи пѣснопѣнія составляетъ какъ бы органный пунктъ. Но при этомъ и псаломщикъ далеко не безупречно исполняетъ свое дѣло. Не вчитавшись предварительно въ текстъ, онъ примѣняетъ къ нему гласовой напѣвъ болѣею частью безъ всякаго смысла: не соблюдаетъ грамматическихъ и логическихъ удареній, не наблюдаетъ, чтобы окончанія музыкальных періодовъ (такъ назыв. каденцій) совпадали съ окончаніями мыслей и предложеній и т. п. Всегда ясно чувствуется, что это пѣніе ведется безъ всякаго предварительнаго приготовленія, что оно создается въ самый моментъ исполненія его при богослуженіи. Вслѣдствіе этого то, что составляетъ особенность богослужебнаго дня, въ чемъ выражается и уясняется смыслъ и значеніе празднуемаго событія, для слушателей пропадаетъ: богослужебное пѣніе не назидаетъ и не поучаетъ ихъ. Дѣло обстоитъ еще хуже, если псаломщикъ не твердъ въ знаніи гласовыхъ напѣвовъ или обладаетъ фальшивымъ слухомъ; тогда уже ничего не остается отъ той возвышенной области искусства, которая называется церковнымъ пѣніемъ. Получается что-то въ родѣ чтенія, но крайне неудовлетворительнаго. Намъ иногда случалось слышать въ сельскихъ церквахъ такое пѣніе псаломщиками ирмосовъ, которое состояло въ какомъ-то речитативѣ съ однообразными повышеніями на одну или двѣ ступени вверхъ и заключительной мелодической строкой гласа. Не зная отчетливаго гласового напѣва и правильной послѣдовательности его мелодическихъ строкъ, псаломщикъ въ случаяхъ, подобныхъ сейчасъ указанному, обыкновенно торопится какъ бы поскорѣе „отхватать“ ирмосъ до знакомой ему заключительной строки, которую онъ и возглашаетъ уже нѣсколько медленнѣе и увѣреннѣе. Все это происходитъ не отъ недостатка нужныхъ чисто пѣвческихъ познаній,—ибо современные псаломщики по свѣому образованію вообще выше дьяковъ прежняго времени,—но исключительно отъ того, что псаломщики, будучи предоставлены въ своемъ дѣлѣ самимъ себѣ, не считаютъ нужнымъ каждый разъ приготовляться къ предстоящей службѣ. Чтобы исполнить надлежащимъ образомъ службу праздника или святого, нужно пред-

варительно ее прочитатъ со всѣмъ вниманіемъ, вывѣнуть въ смыслъ какъ цѣлыхъ пѣснопѣній, такъ и отдѣльныхъ словъ и предложеній; послѣ этого нужно уже „распѣть“ это пѣснопѣніе, т. е. примѣнять текстъ къ церковному напѣву. Церковное пѣніе, по своей цѣли и значенію въ богослуженіи, должно способствовать уясненію смысла текста для слушателя. Уже вслѣдствіе болѣе медленнаго и болѣе звучнаго, сравнительно съ чтеніемъ, произношенія словъ текста въ пѣніи, слушатель не только лучше уловляетъ своимъ слухомъ какъ отдѣльныя слова, такъ и цѣлыя предложенія, но и имѣетъ возможность останавливаться на нихъ своимъ вниманіемъ, вникать въ ихъ смыслъ. Если же пѣніе при этомъ соединяется еще съ яснымъ пониманіемъ пѣвцомъ содержанія и настроенія поемаго текста, которое (пониманіе) выражается въ правильномъ раздѣленіи пѣснопѣнія на части, соотвѣтственно дѣленію напѣва на мелодическія предложенія или строки, въ правильномъ и осмысленномъ отдѣленіи логически сплывшихъ мѣстъ текста и согласованіи ихъ съ ритмически сильными частями мелодіи, то тогда пѣніе священнаго текста особенно способно привлекать вниманіе слушателя, будить его мысль. Но такъ какъ возвышеннѣйшія христіанскія истины, составляющія содержаніе богослужебныхъ пѣснопѣній, и событія, въ нихъ воспоминаемыя, не только возбуждаютъ мысль, но и вызываютъ въ душѣ высокія чувства, то само собой понятно, что осмысленное и разумное исполненіе священныхъ пѣснопѣній воодушевляетъ церковнаго пѣвца чувствомъ и дѣлаетъ его пѣніе прочувствованнымъ. Чувство же, которымъ проникнуть пѣвецъ, передается и слушателямъ. Музыка, особенно вокальная, какъ соединенная съ словомъ, лучшимъ и самымъ естественнымъ выраженіемъ нашего внутренняго міра, есть языкъ чувства и имѣетъ особенно сильное вліяніе именно на сердце человѣческое, вызывая въ немъ взвѣстныя настроенія. Поэтому пѣніе священныхъ пѣснопѣній является могущественнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго Церковь вліяетъ на своихъ чадъ, объединяя ихъ въ единомыслія и настраивая ихъ къ достойному участію въ общественной молитвѣ. „Ничто такъ не окрыляетъ духъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, и не отрѣшаетъ его отъ узъ земныхъ, какъ стройное пѣніе церковныхъ пѣсней“. Изъ сказаннаго необходимо вытекаетъ, что церковное пѣніе по самой своей сущности и назначенію требуетъ внимательнаго приготовленія и осмысленія того, что должно быть распѣто. Поэтому для устраненія указанныхъ недостатковъ въ церковномъ пѣніи дѣйствитель-

нымъ средствомъ нужно признать обязательное для псаломщиковъ приготовленіе, подъ надзоромъ священниковъ, къ каждому предстоящему праздничному богослуженію, и псаломщики отнюдь не должны пренебрегать этимъ приготовленіемъ. Священникъ къ каждому богослужебному дню особеннымъ образомъ готовится, и нравственно и молитвенно; псаломщикъ также долженъ приготовиться къ богослуженію внимательнымъ просмотромъ по богослужебнымъ книгамъ тѣхъ пѣснопѣній и чтеній, которыя составляютъ особенность даннаго богослуженія. Въ старинныхъ рукописныхъ нотныхъ обиходахъ и ирмолагахъ часто встрѣчается такое наставленіе церковному пѣвцу: „пой прежде въ клѣти, что имашь во утрени пѣти“. Наставленіе это въ полной мѣрѣ сохраняетъ свою силу и для современныхъ псаломщиковъ. Особенно внимательное приготовленіе къ богослуженію необходимо для псаломщика въ первый годъ его служенія, пока онъ еще не прошелъ на практикѣ полного годичнаго круга церковныхъ службъ. Мы думаемъ, что настойчивое приготовленіе и вниманіе къ богослужебному пѣнію и естественно проистекающіе отсюда усилѣніе и совершенствованіе въ пѣніи могутъ даже служить для псаломщиковъ источникомъ любви и живого непрестающаго интереса ихъ къ своему дѣлу. Такъ какъ забота о чистотѣ и благолѣпіи богослуженія составляетъ примую обязанность священника, то и наблюденіе за надлежащимъ приготовленіемъ псаломщика къ пѣнію и чтенію также должно входить въ кругъ его обязанностей. Въ этомъ случаѣ священникъ, даже самъ не умѣющій пѣть, можетъ оказать своему псаломщику существенную помощь разъясненіемъ ему непонятныхъ и неясныхъ мѣстъ въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Другимъ средствомъ къ улучшенію псаломщическаго пѣнія, а также пособіемъ при приготовленіи псаломщиковъ къ богослуженію можетъ служить обязательное исполненіе ими церковныхъ службъ по нотнымъ богослужебнымъ книгамъ. Пѣніе по нотной книгѣ не допускаетъ произвола со стороны поющаго въ примѣненіи напѣва къ тексту и служитъ уже ручательствомъ правильности такого примѣненія. При достаточномъ знаніи нотной грамоты псаломщикъ можетъ иногда, въ случаѣ невозможности почему-либо приготовиться, пѣть по книгамъ даже безъ приготовленія и пѣніе его во всякомъ случаѣ будетъ осмысленнѣе и лучше, чѣмъ тѣ свободныя импровизаціи, которыя намъ теперь нерѣдко приходится слушать. Къ сожалѣнію, существующія нотныя изданія не заключаютъ въ себѣ всего, что приходится пѣть при богослуженіи, и потому весьма

желательно было бы одногласное положеніе на ноты полного круга пѣснопѣній октона, минор и тріодей для руководства псаломщиковъ.

— Въ Москвѣ вотъ уже 2 года существуетъ школа тюремныхъ надзирательницъ. Цѣль ея—подготовить контингентъ умѣлыхъ, знающихъ и нравственныхъ надзирательницъ для женскихъ тюремъ въ Россіи, такихъ надзирательницъ, которыя не только несли бы свою службу безупречно, но и могли-бы оказывать нравственное вліяніе на заключенныхъ. Основана школа и содержится Московскимъ Дамскимъ Благотворительно-Тюремнымъ Комитетомъ. Принимаются въ школу дѣвицы и одинокія вдовы въ возрастѣ 25—35 лѣтъ. Особаго образовательнаго ценза для этого не требуется. Курсъ обученія въ школѣ полутарагодній; первые 6 мѣсяцевъ ученицы слушаютъ курсъ теоретическій (Законъ Божій, тюремное дѣло, законодѣвіе, русскій языкъ, исторія съ географическими свѣдѣніями и медицинскій уходъ за больными); по выдержаніи испытанія ученицы проходятъ практически службу при Московскихъ мѣстахъ заключенія въ теченіе года. Въ теченіе всего этого времени ученицы пользуются помѣщеніемъ въ школѣ и продовольствіемъ отъ Комитета бесплатно. По окончаніи практической подготовки ученицы получаютъ дипломы и Правленіе Комитета оказываетъ имъ содѣйствіе въ полученіи питательныхъ должностей въ тюрьмахъ и исправительныхъ заведеніяхъ. Изъ перваго, бывшаго въ прошломъ году, выпуска ученицъ уже всѣ занимаютъ мѣста въ Москвѣ, Харьковѣ и Екатеринославѣ, нѣкоторыя старшими надзирательницами. Сообщая эти свѣдѣнія о школѣ тюремныхъ надзирательницъ, «Моск. Церк. Вѣд.» пишутъ: „Въ духовной средѣ есть много дѣвушекъ, не имѣющихъ надежды пристроиться и не получившихъ большаго образованія, чтобы быть самостоятельными работницами. Отчего бы имъ не идти въ школу тюремныхъ надзирательницъ? Здѣсь онѣ получили-бы подготовку для дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія и притомъ въ такой дѣятельности, гдѣ можно принести массу добра своему несчастному ближнему. Правда, служба тюремная не легка, главнымъ образомъ вслѣдствіе тяжелой нравственной обстановки. Но за то сколько истинно-христіанскихъ утѣшеній можетъ найти здѣсь тотъ, для Бога „любовь къ ближнему“ не фраза и кто хочетъ потрудиться для Бога! И кому, какъ не дочерямъ духовенства, нести теплоту и свѣтъ любящаго сердца въ холодную и мрачную обстановку тюремныхъ камеръ? Школа тюремныхъ надзирательницъ помѣщается

на Казанской улицѣ (въ Сущевѣ) въ домѣ Нейманъ, кв. № 10. Приѣмъ туда ученицъ открывається 16-го августа и заканчивается 10-го сентября. Прошенія надо писать на имя попечительницы школы княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой. При прошеніи надо приложить видъ на жительство, медицинское свидѣтельство и свидѣтельство о благонадежности. За болѣе подробными свѣдѣніями необходимо обращаться въ школу къ смотрительницѣ ея М. Н. Абрамовой, или письменно, или лично (съ 25 августа) отъ 12 до 4 ч. ежедневно. «Моск. Цер. Вѣд.».

— Въ газетѣ «Россія» сообщено было слѣдующее.—Въ г. Задонскѣ пріѣхали нищіе слѣпцы для сбора милостыни. Они, по обыкновенію, расположились у стѣнъ монастырскаго храма и начали заунывнымъ голосомъ пѣть „Лазаря“; съ ними находился мальчикъ лѣтъ 7—8, калѣка. Но вотъ, въ числѣ многихъ другихъ, къ нищимъ-слѣпцамъ подошла женщина и мужчина, и тутъ произошла рѣдкая, потрясающая сцена. Эта женщина подошла къ мальчику-калѣкѣ, подала ему какую-то монету, говоря: „несчастный мальчикъ! помани за упокой отрока Ивана“! Мальчикъ-калѣка принялъ подаеніе, перекрестился и долго смотрѣлъ на женщину. Наконецъ, онъ въ свою очередь, со слезами на глазахъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ: „Мама, мало подаешь своему родному сыну“. Женщина быстро приблизилась къ мальчику-калѣкѣ, всмотрѣлась въ него и раздирающимъ голосомъ воскликнула: „Милый Ванюша! Такъ это ты, сыночекъ мой родной“! Мужчина же, который оказался отцемъ этого мальчика, при видѣ этой потрясающей сцены не могъ сказать ни слова, онъ, закрывъ лицо руками, рыдалъ какъ ребенокъ. Когда всѣ нѣсколько успокоились, мальчикъ-калѣка рассказалъ слѣдующую ужасную исторію. Два года тому назадъ, мальчикъ игралъ на улицѣ; въ это время мимо его ѣхала закрытая повозка съ нищими-слѣпцами. Нищіе-слѣпцы попросили его показать имъ дорогу, которой они будто бы не знали, обѣщая дать ему гостинцевъ. Мальчикъ соблазнился гостинцами и охотно сѣлъ въ повозку. Нищіе-слѣпцы ударили по лошадямъ и быстро покатали къ окраинѣ города; мальчикъ хотѣлъ воротиться домой и просилъ, чтобы они остановили лошадей, но нищіе-слѣпцы пригрозили ему зарѣзать его. Мальчикъ такъ испугался, что не могъ ничего сказать. Дня черезъ два они куда-то пріѣхали, и тотчасъ же мальчика посадили въ погребъ, гдѣ онъ былъ долгое время. Послѣ того мальчикъ какъ-то случайно услышалъ, что нищіе-слѣпцы хо-

тять ему выколоть глаза. Онъ сильно испугался и со слезами упалъ на колѣни предъ своими мучителями, цѣловалъ у нихъ руки и ноги и просилъ оставить ему зрѣніе. Мальчакъ былъ бойкій, онъ, повидимому, понравился людямъ-звѣрямъ. Поговоривъ между собою, они порѣшили несчастному мальчику искалѣчить руки и ноги. Эту свою адскую мысль люди-звѣри скоро привели въ исполненіе. Послѣ ужасной операціи надъ несчастнымъ мальчикомъ, его стали возить по разнымъ городамъ и селамъ на ярмарки и храмовые праздники для сбора милостыни. Люди-звѣри всегда больно били, истязали и издѣвались надъ беззащитнымъ ребенкомъ. Такимъ образомъ мальчикъ-страдалецъ прожилъ у слѣпцовъ болѣе двухъ лѣтъ. Вотъ какія исторіи бывають у насъ на святой Руся! Когда прочтано было объ этой звѣрской исторіи въ одномъ домѣ, то хозяйка дома, свѣтская женщина, замѣтила, что „духовенству слѣдовало бы обратить вниманіе на подобныя обстоятельства, потому что слѣпцы болышею частію вырращиваютъ милостыню около нашихъ храмовъ“. При чтеніи этихъ строкъ, замѣчаетъ «С.-Пет. Дух. Вѣст.», многимъ изъ насъ, духовныхъ лицъ, покажется страннымъ такое требованіе отъ духовенства, чтобы оно опрашивало всѣхъ слѣпцовъ и калѣкъ, кто они и какъ сдѣлались калѣками, чтобы открыть подобныя преступленія, о какомъ здѣсь говорится; это дѣло полиціи, а не наше. Но если вдуматься болыше въ это дѣло, то нужно будетъ придти въ тому заключенію, что духовенству нужно обратить вниманіе на распросъ нищихъ калѣкъ. Намъ, духовнымъ, потому нужно обращать вниманіе на слѣпцовъ-калѣкъ, что они собираютъ милостыню близъ храмовъ именемъ Христовымъ, какъ бы подъ покровительствомъ нашимъ—духовенства. Стало быть и мы нѣкоторымъ образомъ участвуемъ въ ихъ преступленіяхъ, подобнымъ здѣсь описанному. Можно дѣлать опросы не самимъ, конечно, лично, но чрезъ сторожей, вторыхъ или же сотскихъ и т. п. Дѣло въ томъ, что мальчики искалѣченные бывають запуганы и сами не рѣшаются высказать, какъ они попали къ слѣпцамъ, но если ихъ допросить и допросить такъ, чтобы ихъ патроны не замѣтили, то можетъ быть, не мало выпало бы такихъ обстоятельствъ, подобныхъ тому, какое было въ Задонскѣ. Да и чувства челоуѣколюбія должны заставить насъ помогать несчастнымъ и тѣмъ подавать примѣръ другимъ и особенно полиціи. Не будемъ тѣми левитами и священниками, которые не обратили вниманія на впадшаго въ разбойники и не

оказали помощи несчастному. Если мы не поможемъ, то кто же поможетъ? Станнымъ кажется, что цѣлыхъ два года слѣпцы съ мальчикомъ собирали милостыню, и никто не спросилъ у нихъ паспорта, и особенно на этого мальчика?.. Слѣдовало бы это пропс- шествіе о звѣряхъ-слѣпцахъ сдѣлать такъ или иначе пзвѣстнымъ, чтобы у насъ народъ узналъ всю правду о такихъ лицахъ, кото- рыи, подъ покровомъ религіи, эксплуатируютъ людей, а также, чтобы присматривали за своими дѣтьми, которыя всегда бѣгаютъ безъ всякаго призора и могутъ попасть въ руки людей-звѣрей. Во всякомъ случаѣ такія пропс- шествія очень грустны. Дай Богъ, чтобы они не повторялись, для чего нужно принять мѣры не одному только духовенству и полиціи, но и всѣмъ, а внушить это обязаны мы—духовные.

«Астр. Еп. Вѣд.».

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ ДВѢ БРОШЮРЫ СВЯЩ. НИКОЛАЯ КУРЛОВА:

1. „Кругъ церковныхъ пѣснопѣній обычныхъ распѣ- вовъ для народа въ переложеніи на два и на три го- лоса“. Складъ изданія въ книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селпе- строва. С.-Петербургъ, Садовая, 22. И у автора: С.-Петербургъ, Галерная гора, Опочинина, 16.

2. „Счастье тамъ, гдѣ спасеніе“. Свящ. Н. Курловъ. С.-П.-Б. 1901 г. Цѣна 5 коп.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми
ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ).

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе еъ нихъ живописи
и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

Заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, а
гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведения Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромя того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Николентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Западна и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная среднѣвковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство до времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протополова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о слич. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской правдивости въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича.—„Православенъ-ли integritas, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Липицкаго. М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Въ~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.